Татьяна Внукова

Дом на Новгородском

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга воспоминаний о замечательной архангельской семье Анны и Петра Кольцовых, об Архангельске 30-х — начала 50-х годов XX века» Адресуется всем, кто интересуется историей города на Двине, укладом жизни архангелогородцев того времени. Татьяна Внукова (урожд. Кольцова) Архангельск, 1935. Книга о двадцатилетием периоде жизни города Архангельска (30-50-е годы) и семьи Петра Фёдоровича и Анны Ивановны Кольцовых, живших в доме № 100 на Новгородском проспекте. Кто-то сказал, что «мелочи в жизни заменяют нам “большие события”. В этом ценности мелочей, если человек их осознаёт». И воспоминания Татьяны Внуковой — как раз документ о повседневной жизни архангелогородцев в 30-50-е годы минувшего века. Это рассказ о семье, жившей на Новгородском, в доме номер 100, описание «мелочей» быта, атмосфера школьной жизни, жизни магазинов, филармонии и кинотеатров. В рассказ о театре привлечены оценки театральными критиками того времени музыкального оформления спектаклей отцом автора книги — композитором Петром Кольцовым. В книге — история жизни членов семьи Кольцовых, рассказ о брате автора, погибшем на войне буквально за несколько дней до Победы, воспоминания о гостях «дома на Новгородском»: писателях Ю. Германе, А. Морозове, К. Коничеве, поэте А. Яшине, хирурге Г. Орлове. Я счёл своим долгом сохранить этот плод творческой мысли, сделать его доступным, и не только потому, что всё в этой книге мне самому до боли знакомо: война, голод, дома и улицы деревянного города, роскошные послевоенные фильмы, «взятые в качестве трофея...». Подобные воспоминания утверждают нашу самобытность, дают новую жизнь культурному наследию и обеспечивают его дальнейшее развитие. Ведь культурное наследие — это не пыльный документ, а воплощение нашей связи с предками, жизненный источник, из которого мы черпаем силы. Юрий Барашков

- Татьяна Внукова
  - Предисловие
  - НОВГОРОДСКИЙ ПРОСПЕКТ
  - КОСТЫГОВЫ
  - ВОЙНА
  - НАШ БЫТ
  - РЫНОК
  - МАГАЗИНЫ

- ШКОЛА
- ДОМ ПИОНЕРОВ
- КИНО
- ТЕАТР
- ФИЛАРМОНИЯ
- СЕМЬЯ
- В ДОМЕ НА НОВГОРОДСКОМ
- ЭПИЛОГ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

Татьяна Внукова
Дом на Новгородском

Предисловие

«Я хорошо помню ваш дом на Новгородском, вашу прекрасную семью, Петра Федоровича, маму твою, Петьку, даже собаку, которая была у вас... К сожалению, всё в прошлом...» — написал мне недавно мой однокурсник по институту Леонид Тетерин. Не забыл «дом на Новгородском» и ленинградский писатель Александр Морозов, автор многих трудов о Ломоносове. В письме к моей матери он вспоминал: «Я прекрасно помню деревянный дом на Новгородском проспекте, тёплую печку, большой стол и ироничную хозяйку со всем её окружением...» Значит, было что-то притягательное в нашем доме, нашей семейной обстановке, в общении, в нас, что оставило след в памяти людей.

К воспоминаниям меня подтолкнул и такой эпизод. Однажды в универмаге меня, уже взрослую, остановил и попросил отойти в сторонку отпетый хулиган из нашего детства, Алик Ручьевский. На Новгородском были два таких, «известных», он и ещё Рафик Закиров. Уже не помню, чем они снискали такую славу себе, но думаю, что по нынешним меркам оба потянули бы лишь на понятие «трудный подросток». Пока мы отходили в сторону, я терялась в догадках, что ему нужно. Оказалось, что ему просто захотелось поговорить с «девочкой из детства». Мы не играли вместе, и детство у нас наверняка было разным, но, видимо, есть что-то и общее — это Архангельск нашего детства.

Вот я и решила на примере жизни нашей семьи рассказать, каким был Архангельск в 1930-х начале 1950-х годов, о детстве и отрочестве, о людях, с которыми сводила жизнь, о сослуживцах родителей и гостях нашего дома.

Новгородский проспект, между улицами Володарского и Поморской, вид в сторону Поморской. Фотография 1950-х гг.

Наш дом на правой стороне где-то за вторым телефонным столбом

НОВГОРОДСКИЙ ПРОСПЕКТ

Нашего дома давно нет, его снесли, но не по ветхости, он был очень крепкий, построенный когда-то по-хозяйски. Он стоял на Новгородском проспекте третьим от улицы Поморской в сторону улицы Володарского и имел легко запоминающийся номер «100».

С незапамятных времен в Архангельске улицы, идущие от реки, называют «улицами», а те, что тянутся параллельно реке — «проспектами». Нумерация домов на улицах ведётся от реки, а на проспектах — по течению реки. В таком порядке я и расскажу вам о проспекте моего детства.

Название «Новгородский» значится в делах городской думы с середины XIX века, а до этого он последовательно назывался Малым проспектом, Новой проезжей дорогой, Моховым проспектом. Новгородским проспектом он назван в честь Великого Новгорода, из которого в XI-XIIвеках шло заселение Русского Севера. Но вообще-то, по старинной традиции, названия улицам и проспектам Архангельска давали по именам старых русских городов. Так, параллельно Новгородскому проспекту шёл Псковский проспект (ныне — пр. Чумбарова-Лучинского), Петроградский проспект (ныне — пр. Ломоносова) и Костромской проспект (ныне — пр. Сов. Космонавтов).

Самое начало Новгородского проспекта, дом 2.

Новгородский, 6 Здание треста Двиносплав и Беломорской сплавной конторы (отсюда начиналась “пластиновая” мостовая).

Новгородский проспект тянется почти через всю центральную часть Архангельска. Он начинается от улицы Красноармейской, названной так в 1920 году, а до того называвшейся Семинарской, по находившейся на ней духовной семинарии. Здесь и сегодня ещё сохранились старые деревянные дома той поры. А у дома номер 6 начиналась деревянная мостовая, «пластиновая», как тогда её называли. Досюда мы доезжали, катаясь на велосипедах, и делали поворот обратно. В этом большом двухэтажном доме со срезанным углом и доской почёта при входе располагались трест Двиносплав и Беломорская сплавная контора.

В годы моего детства Новгородский проспект на всём своём протяжении был застроен одно-двухэтажными деревянными домами.

Единственный трёхэтажный дом под номером 48 жив и по сей день. До революции дома были частными, а после стали коммунальными и были заселены как муравейники. В каждом доме был «парадный» и «чёрный» вход. В последние годы деревянные дома вытеснялись большими каменными, и теперь отдельные, оставшиеся ещё старые дома выглядят лишь маленькими вкраплениями в новую застройку.

На довоенном Новгородском проспекте было два промышленных предприятия. Это канатная и трикотажная фабрики. Они находились в квартале между улицами Урицкого и Северодвинской. По причине малолетства я не видела их в натуре, но как-то с интересом прочла воспоминания архангелогородки Зинаиды Щеголихиной[1]: «С улицы Северодвинской, — писала она, — был виден высокий забор, окрашенный в бордовый цвет, и металлические въездные ворота, над которыми по сетке арочной формы шли накладные буквы «Канатная фабрика имени Розы Люксембург». Я знаю, что в начале XIX века в Архангельске было 9 канатных фабрик, но в 1925 году эта канатная фабрика была единственной не только в Архангельске, но и на всем Севере[2]. До национализации ее владельцем был Василий Михеевич Пахомов[3]. Фабрику он унаследовал от неродственной ему семейной пары как продолжатель дела. На фабрике из пеньки делали канаты и тросы, а из отходов — паклю, которая употреблялась в деревянном домостроении. Качество продукции было столь высоким, что фабрика Пахомова удостоилась Малой золотой медали на Всемирной выставке в Париже 1900 года.

После национализации фабрика принадлежала объединённой группе предприятий «Северный комбинат», а с 1925 года стала самостоятельным предприятием. Своей продукцией она снабжала

морское и речное пароходства, лесозаготовительные и лесопильные предприятия, рыбо-звериное хозяйство, промысловиков и крестьян. У неё было 7 корпусов, 9 отделений, и на ней работало в среднем 158 человек[4].

Трикотажная фабрика размещалась в старом деревянном здании бывшей Траловой мастерской Севгосрыбтреста. Она была неплохо оборудована и выпускала широкий ассортимент продукции: женские блузки и юбки из хлопчатобумажной и шёлковой пряжи, полушерстяные и хлопчатобумажные свитера и пуловеры, детские свитера, рейтузы, гетры, чулочно-носочные изделия[5],[6].

Новгородский, 48 (между улицами Розы Люксембург и Выучейского)

Новгородский, 92 (между улицами Володарского и Поморской)

В результате бомбёжки Архангельска 24 августа 1942 года обе фабрики сгорели вместе со складами, жилыми домами и вспомогательными помещениями, и их не стали восстанавливать. Остаток одного из корпусов канатной фабрики долгое время использовался в качестве стрелкового тира ДОСААФ и клуба собаководства. Сейчас на этом месте противотуберкулёзный диспансер, служба эпиднадзора на транспорте и издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».

В деревянном двухэтажном доме на углу улицы Выучейского и Новгородского ныне факультет социальных работников Поморского университета, а в 1930-40-е годы в нём размещалась масса учреждений, в том числе — Архангельское книжное издательство, где работала моя мать.

В квартале между улицами Выучейского и Серафимовича для меня были приметны многие дома. В них жили мои одноклассницы, их родственники, учитель музыки, но главное — здание бывшей 17-й школы. В 1936 году где-то здесь была построена десятилетка, но она сгорела в мае 1937 года. В 1938 году школу отстроили заново, но каменной, и стала она семилетней. Сейчас в этом здании Институт переподготовки и повышения квалификации работников образования. А под

номером 17 теперь другая школа, в Привокзальном районе.

Прямо на проезжей части улицы Серафимовича на перекрёстке с Новгородским стояла водоразборная будка, со временем переоборудованная в ларёк. Ныне с этого места начинается одряхлевшая, разорённая и разрушенная часть Новгородского проспекта, которая тянется до улицы Попова.

Угловой дом на пересечении улицы Выучейского и Новгородского проспекта, здесь в 1944 году располагалось книжное издательство

Новгородский, 66 (бывшая 17-я школа)

Сейчас, если вы поинтересуетесь в отделе архитектуры мэрии планировкой кварталов, примыкающих к Новгородскому проспекту, вам за считаные минуты найдут их в компьютере, но картинка на мониторе будет резко контрастировать с безрадостной действительностью. На сегодня Новгородский проспект в этой своей части из обжитого когда-то, с оживленной магистралью, превратился в трущобу — беспорядочную смесь одноэтажных деревянных домов с новыми заборами высотой с дом, покосившихся полуразрушенных деревянных и хаотично расположенных новых кирпичных строений. На участке проспекта, где мы жили, ещё стоят два двухэтажных дома. Они были как раз напротив нашего. Пожалуй, новое в архитектурном пейзаже Новгородского проспекта — это дома со встроенными гаражами, выдвинутые к дороге настолько, что перед ними нет тротуара, хотя ничто не мешало поставить их несколько глубже и тем самым не сужать проспект.

Такими же умершими, с непроезжими внутриквартальными дорогами выглядят примыкающие к Новгородскому проспекту кварталы с улицами Володарского и Серафимовича. А ведь это самый центр города!

Где-то читала, что по общепринятой логике градостроительства северный город должен быть компактным, без растянутых коммуникаций. Но в Архангельске в 1960-70-х годах

проводилась политика переселения жителей из обжитой центральной части города в отдалённые микро- райны. Это массовое переселение из исторической части города на периферию породило многие социальные и транспортные проблемы, но вернусь к описанию прежнего Новгородского.

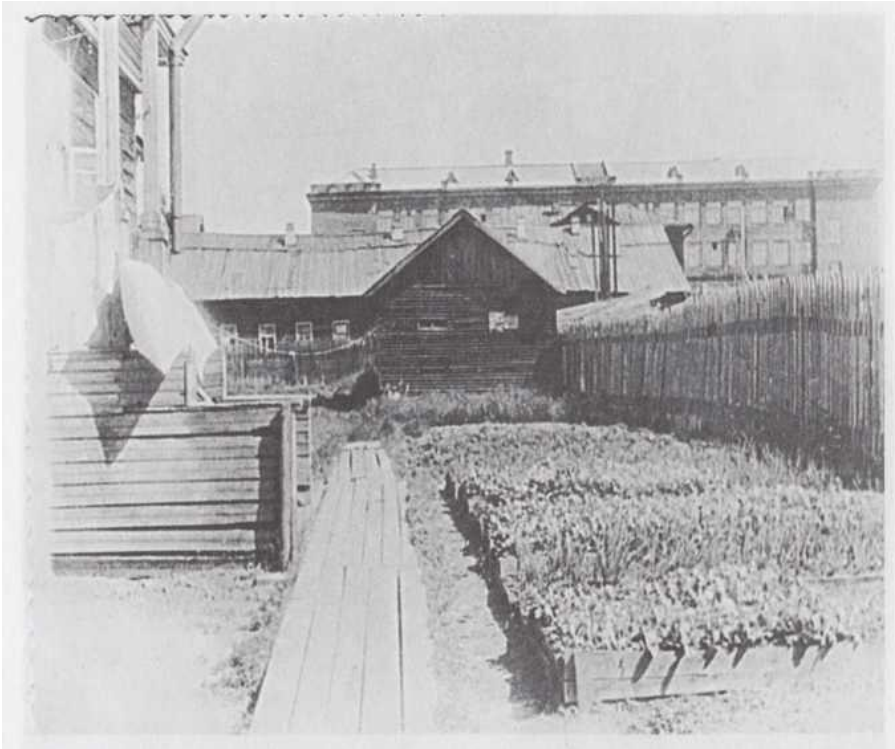
Новгородский, 100. Фотография 1942 года

Ограда Спасо-Введенской церкви на Костромском проспекте. Она шла вокруг церкви. Теперь на месте церкви — 22-я школа

22-я школа, первые два этажа её построены из кирпичей Спасо-Введенской церкви

Продовольственный магазин на пересечении Новгородского и Поморской

Дом индивидуального проекта, Новгородский, 91



На первом плане “чёрный” вход в квартиру Костыговых, торцем к нам сарай, за забором барак для ссыльных, на заднем плане 22-я школа

Перекресток улицы Карла Либкнехта и Новгородского проспекта, две колонки. Поперёк снимка «пластиновая» мостовая, т. е. Новгородский проспект

Каждый дом на Новгородском имел свой двор, границы которого обрисовывались сараями и заборами. Со стороны улицы к домам примыкали забор и калитка с воротами, и в целом они выглядели примерно так же, как у нашего дома. Постановлением горсовета домоуправлениям и домовладельцам предписывалось содержать фасад дома и заборы в отремонтированном и покрашенном виде. При отсутствии средств на это они могли получить беспроцентный кредит. За невыполнение постановления грозил штраф. Не менее строгими были требования к содержанию в чистоте участка перед домом и тротуара. Снег в зимнюю пору должен был быть убран к 8 утра, иначе грозил штраф 100 рублей или месяц принудительных работ.

Сегодня мы как бы заново открываем для себя свой город, узнаем то, о чём в своём детстве и не подозревали: что где-то рядом ещё совсем недавно была церковь, были театр и ипподром; что улицы когда-то назывались иначе, а дома имели имена собственные. Вот и мне в квартале, где я выросла и знала, как мне кажется, всё, открылось много нового. В детстве меня занимало, что между домами № 96 и № 98 забор и ворота были металлическими, ажурными, с каменными столбами-опорами, похожие на кладбищенские. Оказывается это была ограда Спасо-Введенской церкви, снесённой в 1936 году. На её месте и из её

кирпичей к XIX годовщине Октября построена 22-я школа, которая по отношению к нашему дому располагалась в глубине квартала. К школе вела немощёная, но укатанная грунтовая дорога, хотя главный фасад школы и вход в неё были на Костромском проспекте. На правой стороне дороги стояли два одноэтажных домика. Щеголихина пишет, что Спасо-Введенская церковь служила обиталищем для сосланных[7]. Очевидно, что два этих низких, вросших в землю барака, стоявших за задним забором нашего двора, были построены как раз для этой цели. Один из них располагался перпендикулярно школе, и наша семья жила в нём в конце 1935-го начале 36-го годов. Мне было около года, но я помню, как сидели с няней у входа на пристроенной скамеечке, и случай, когда няня спрятала меня с братом Петром под кровать и велела сидеть тихо, пригрозив, что «Хока возьмёт». Мать потом рассказывала, что тогда один из жильцов барака допился до белой горячки и бегал с топором по коридору, выкрикивая угрозы в адрес живущих. Мать вылезла в форточку и бежала вызывать милицию и скорую. В том же, 1936 году родителям посчастливилось снять половину частного дома Костыговых, что был рядом на Новгородском под № 100, где мы затем прожили около 25 лет.

Новгородский проспект., 138. Бывшая гостиница

Новгородский, 179, бывший дом-коммуна

В квартале между Поморской и Карла Либкнехта примечательны два магазина. Один, на углу Поморской и Новгородского, жив и поныне. Он был то специализированным хлебным, то продовольственным. Именно к нему мы были прикреплены при покупке продуктов по карточкам. Второй магазин был в доме № 108. Этот ещё чаще менял свою специализацию и был то продовольственным, то обувным, даже превращался в часовую мастерскую, а закончил свое существование винным уже в годы перестройки.

Перекрёсток Новгородского и улицы Карла Либкнехта памятен двумя водоразборными колонками. Одна уличная, такая же, как напротив нашего дома, а другая — в виде деревянной избушки с дежурной, отпускавшей воду. Сюда приходилось ходить за водой в сильные морозы, когда уличные колонки замерзали.

Татарская мечеть на старой открытке. Такой я её уже не застала

Здание бывшей татарской мечети в 2006 году

На углу Свободы и Новгородского был примечателен двухэтажный белый оштукатуренный дом с большими окнами — детский сад Северного морского пароходства, а на следующем углу, на перекрестке Карла Маркса и Новгородского, деревянная мостовая заканчивалась, и дальше, до улицы Вологодской, на пересечении с которой Новгородский проспект заканчивался, шла грунтовая дорога. Здесь, на углу Карла Маркса, был другой конец нашего велосипедного маршрута. Построенный под гостиницу дом № 138 на моей памяти много лет был Лесснабсбытом (Архангельское управление по снабжению и сбыту лесных материалов) и Управлением рабочего снабжения Архангельсклеса. Напротив него, в одноэтажном деревянном доме, долгие годы существовал продовольственный магазин № 37.

Что я не знала в детские годы, так это то, что деревянный двухэтажный дом, стоявший на другом углу проспекта, ещё совсем недавно был татарской мечетью. Щеголихина вспоминала, что это был «двухэтажный деревянный дом серого цвета с большим количеством окон, расположенных близко друг от друга. На здании круглая башня, на которую надет синенький грибок с золотыми звёздочками, заканчивающийся полумесяцем. Кроме него на крыше здания был большой приплюснутый купол. На его синем фоне тоже сверкали звёздочки. Во дворе виднелись деревянные тщательно вымытые мостки».

Татарская мечеть в Архангельске была в 1905 году открыта и туг же попала на видовую открытку, на которой мы, действительно, видим минарет над входом и характерный исламский купол на крыше здания. Сейчас это здание находится в распоряжении Областного управления исполнения наказаний (УИН), но мусульманская община Архангельска хлопочет о возврате ей этого здания, и, может быть, мечеть ещё возродится в прежнем виде, хотя под строительство новой мечети мэрией уже выделен участок на улице Касаткиной, напротив здания Водоканала.

На углу улицы Логинова и Новгородского проспекта доживает свои дни дом-коммуна (№ 179), построенный в 30-е годы для преподавателей медицинского института. Это архитектурное воплощение утопической идеи времён советского конструктивизма — объединения людей, живущих только общественными интересами, на бытовом уровне.

Улица Вологодская, на пересечении с которой заканчивается Новгородский, не раз переименовывалась: была Аптечной, по аптеке, находившейся у реки, затем Приют-ской, по

Александровскому приюту, находившемуся на углу Троицкого проспекта.

«Пластиновая», как когда-то называли деревянную мостовую, была выстлана в 1938 году[8]. Она была выполнена из пиломатериалов толщиной 70-75 мм и шириной 220- 240 мм, настланных по поперечным лагам. Доски прибивали к лагам квадратными гвоздями с круглой шляпкой. Сооружение на проспекте такой мостовой, наверно, обошлось недёшево, и её предполагалось беречь. Проезд автомобилям с грузом более 3 т и со скоростью более 15 км в час был запрещён.

Деревянная мостовая давала ряд преимуществ. Она была ровной в сравнении с булыжной. Её легко было очищать от снега. Она не была скользкой в дождь, и на ней не стояли лужи. Она быстро высыхала после дождя и рано оттаивала весной. Однако она требовала постоянного ремонта. Доски настила разрушались или начинали проваливаться одним концом — играли как клавиши. Время от времени их приходилось заменять.

Днём Новгородский был оживлённой магистралью. Движение было двусторонним. Ехали грузовые машины и гужевой транспорт, велосипедисты и мотоциклисты, шли воинские колонны. А после 6 часов вечера движение практически прекращалось, и на мостовую из всех близлежащих дворов высыпали ребятишки.

Во дворах уже была тень, а мостовая, благодаря тому, что не было высоких домов, буквально до заката была залита солнцем. В период белых ночей — это до одиннадцати часов-начала двенадцатого ночи. Во что только не играли мы на мостовой! У ворот многих домов были скамеечки, на которые выходили посидеть «на солнышке» взрослые. Самые маленькие ребята играли около них на деревянном тротуаре.

Двухэтажные дома чаще всего имели одинаковое внутреннее устройство: длинный коридор и по его сторонам комнаты. Одна семья могла ютиться в одной комнате или, в лучшем случае, в двух комнатах; общая кухня и общий холодный туалет. Если в доме был водопровод, то на кухне существовала раковина и зеркало над ней. Ванн, хотя бы общих, обычно не было.

Особо хочется отметить бытовую культуру проживавших в этих домах. Все места общего пользования еженедельно мыла по очереди каждая семья. Были и такие дома, где отводили очередь по числу членов семьи, то есть несколько недель подряд. Некрашеные доски полов «нашоркивались» голиком до белого цвета.

Во дворах на некотором расстоянии от домов была помойка — деревянный сруб из одного или двух отделений с крышками.

От дома к помойке вели мосточки. Не редкостью было заселение чердачного пространства домов, так называемые вышки. В доме № 98, рядом с нашим, на чердаке были сделаны комнаты для двух семей, примыкавшие к торцам дома. Между комнатами был настлан пол. Здесь сушили бельё, а для ребят были повешены качели. Мы иногда играли на этом чердаке, когда на улице шёл дождь.

Дом, в котором прошло моё детство, был частный, одноэтажный. Он принадлежал Филиппу Михайловичу и Екатерине Андреевне Костыговым. В хозяйской половине было четыре комнаты: столовая, спальня и две маленькие комнатки, временами сдаваемые внаём, кухня, туалет и ванная. В квартиру вели два входа — чёрный, через кухню, и парадный — к жилым комнатам. Парадным входом хозяева почти не пользовались, и его крыльцо было местом наших игр. Квартира хозяев дома была отделана интереснее нашей: русская печь и две голландские у них были облицованы кафелем с изразцами.

В нашей половине было три комнаты, из них две смежные, и кухня. Голландские печи были просто побелены, а русская печь покрашена масляной краской. Туалеты в той и другой половине дома были сделаны тёплыми со сливом в выгребные ямы. В доме был водопровод, но проложен он был, вероятно, выше уровня промерзания почвы и в сильные морозы замерзал. Весной его приходилось восстанавливать, отогревать паяльной лампой сливную трубу от туалета. Она тоже промерзала в сильные морозы, хотя была проложена в коробе с опилками.

Печи в нашей половине дома были расположены очень рационально. Голландка обогревала задней глухой стенкой маленькую комнату, а стенкой с топкой выходила в большую комнату. Другая голландка стенкой с топкой грела отцовскую комнату, а глухой стенкой тоже выходила в большую. Русская печь обогревала кухню и двумя сторонами коридор и туалет. К русской печке была пристроена плита на две конфорки, с духовкой и двухвёдерным медным баком с крышкой и краном сбоку плиты для слива горячей воды. В русской печке было предусмотрено отверстие в дымоход для самоварной трубы, в которое при неиспользовании вставлялась медная крышечка. Все печи были мастерски сложены и никогда не дымили.

Двери большой комнаты, отцовской и кухни вели в длинный коридор с выходом в сени. К сеням примыкала большая холодная кладовка для временно ненужных вещей. Из сеней крутая лестница вела на просторный чердак. Под ней были устроены ещё две холодных кладовки для пищевых продуктов. Входная дверь сеней, кроме замка, закрывалась на ночь на крепкий длинный

крюк, закреплённый в стене.

По тем временам, когда большинство семей жили в одной комнате и имели общую кухню, наши условия представляются более благополучными.

Двор дома, около 10 соток, был огорожен высоким забором. Со стороны Новгородского в нём были двухстворчатые ворота, закрытые на толстый брус, и калитка, закрываемая на засов. Почту почтальон опускал через поперечную щель в заборе в общий для двух квартир почтовый ящик с дверкой. Пожалуй, до школы нам, ребятам, было строго- настрого запрещено выходить из двора на улицу без взрослых. Мы все трое забирались на брус, которым закрыты ворота и подолгу стояли, разглядывая прохожих и всё, что происходило на улице.

Довольно часто по Новгородскому проспекту в сторону Вологодского кладбища следовали похоронные процессии. Заслышав издалека звуки оркестра с криками «хоронят!», дети вылетали из дворов на улицу к приближающейся процессии. В довоенное время гроб возила лошадь, запряжённая в катафалк с крышей. Бело-голубой катафалк был украшен тесьмой с помпонами и имел вид совсем как в кинокартине «Весёлые ребята». В сороковые годы для этих целей стали использовать «полуторку» с опущенными бортами кузова. Днище кузова застилали красной материей. За машиной шли провожающие и оркестр, когда много, а когда и всего один ряд. Музыкантов трое-четверо, и обязательно один из них с медными тарелками, их звуки так и ударяют по слуху. Весь путь от дома усопшего до самого кладбища провожающие проделывали пешком. Прохожие замирали на тротуарах, а мы, ребятишки, сопровождали процессию до Поморской, где она поворачивала в сторону Костромского. Возвращаясь во двор, усердно обсуждали возраст покойника и причину смерти, исходя из подслушанных разговоров.

Летом по утрам Поморская на пересечении с Новгородским наполнялась мычанием и блеянием. Пастух со стадом коров, овец и коз направлялся на пастбище, которым служили Мхи. Вечером, около 6 часов, он гнал стадо обратно, и животные расходились по дворам. Напротив нашего дома коров держала семья татар Баталовых. Была корова у старика со старушкой, живших в одноэтажном частном домике, втором от Новгородского в сторону Костромского. К ним я с няней ходила вечером за молоком, если днём не купили на рынке. Приносили его хранящим тепло коровьего тела, и поэтому я не могла заставить себя пить, не внимая доводам о пользе парного молока. Хочу привести несколько интересных цифр. По данным переписи скота

на 1 января 1940 года в Архангельске частники держали 1471 голову крупного рогатого скота, 7999 свиней, 614 овец и 220 лошадей.

Двор был сырым. Для укрепления почвы хозяева при освоении участка густо засыпали его строительным мусором, землёй со щепками и кирпичами. В войну даже такая земля вся была превращена в гряды. Для удобрения её осенью перекапывали с фекалиями из выгребных ям.

Весной 1952 года каким-то постановлением было запрещено держать в городе сельскохозяйственных животных, предписывалось снести животноводческие постройки и заборы дворов. Запрещалось также устройство огородов на улицах перед домами.

КОСТЫГОВЫ

Фотографии Филиппа Михайловича у меня нет. Его почти постоянно в Архангельске не было. Всю войну он вместе с Екатериной Андреевной провёл на Камчатке. После войны работал в Калининграде, а по возвращении в Архангельск был арестован, как говорили, за какие-то хозяйственные дела и куда-то выслан. Вернулся он в году 50-м, очень толстый и больной, и сразу, несмотря на своё пошатнувшееся здоровье, занялся ремонтом дома. Хозяйская половина к тому времени накренилась. Человеком он был рачительным и не мог равнодушно смотреть на бесхозяйственность. Помню как, будучи больным, он притащил с натугой громадную доску от мостовой, кинутую в сторону при её ремонте. Прожил он недолго.

Екатерина Андреевна была соломбалка. Красивая, статная, высокая, немногословная — настоящая хозяйка дома. Женат на ней Филипп Михайлович был вторым браком. От первого брака у него было две дочери: Ирина и Александра. От второго брака детей не было, и всю жизнь с ними жила племянница Екатерины Андреевны Женя, позднее — с дочерью Милой.

В годы войны Женя оставалась одна в хозяйской половине дома и сдавала маленькие комнаты военным. Постояльцы часто сменялись, а в домовой книге надлежало вести строгий учет проживающих в доме. Но главное, действовало постановление, согласно которому владелец жилья, отсутствующий более 6 месяцев, терял на него право. Хозяева отсутствовали гораздо дольше, а Женя была не намного старше нас с Петром. Моя мать взяла на себя роль хозяйки дома и этим сохранила хозяевам дом. Он мог бы быть передан в ЖЭК. В благодарность за это вернувшаяся хозяйка много лет не повышала квартирную плату. Не знаю, где жили дочери Костыгова во время войны, но после одна из них, Шура, с мужем Арсением жила с Екатериной Андреевной, и видно было, что та едва её терпит. Шура относилась к категории «пронзительных» женщин. У нее был высокий, крикливый голос, и она постоянно «пилила» своего Арсения — мужика простого и умелого на все плотницкие и слесарные работы. Особенно донимала Шура Екатерину Андреевну, без конца подчёркнуто называя её «мамой» после каждого слова. Настоящее ееёотношение проявилось на похоронах Екатерины Андреевны. Умерла она в тёплое время года, и тело до похорон стояло дома — тогда не увозили в морг. Шура на похоронах многократно повторяла: «Мама-то уже

пахнет». А в церкви, на отпевании, обратила моё внимание на молодого помощника священника с ярким румяным лицом: «А попик-то хорош». Другими словами, Шура не больно-то переживала кончину Екатерины Андреевны.

Екатерина Андреевна Костыгова, хозяйка дома, на крыльце чёрного входа в хозяйскую половину

Нашу половину дома, т.е. ту, которую снимал отец, разделили по суду между дочерьми. Шура получила «большую» и «отцовскую» комнату, и к ним Арсений пристроил кухню и крыльцо. Ирина стала владелицей «маленькой» комнаты и кухни и к ним пристроила кухню, сени и крыльцо. Отцу пришлось просить у городских властей коммунальную квартиру. Этим закончилось наше житье в «доме на Новгородском».

ВОЙНА

В том, что война начнётся, мало кто сомневался. Войну ждали, и горожан к ней готовили. Учебные тревоги с воем сирен были обычным делом. В деревянном городе опаснее всего пожар, поэтому в каждом дворе, обычно на доме, а у нас на сарае был приколочен щит с противопожарным оборудованием: топориком, багром, треугольными вёдрами и щипцами. Рядом стояла бочка с водой. На чердаке дома был ящик с песком. В подвалах многих зданий оборудовали бомбоубежища. Рядом с нами такое убежище находилось в доме № 102, нижняя часть которого со стороны двора была кирпичной. Предполагали, что война, по опыту Первой мировой, может оказаться химической, с использованием газа. Помню детскую книжку с крупными картинками про учебные тревоги, и на одной даже лошадь изображена в противогазе. У нас были детские противогазы. Они висели на вешалке в коридоре и были крупно подписаны химическим карандашом нашими именами. Мы учились их надевать. Резина больно прищемляла и тянула волосы с головы, когда натягивала маску на лицо. Нам было интересно — запотевают ли стёкла противогаза, если натереть их специальным карандашом, который был приложен к противогазу в деревянном футлярчике. Мы соревновались, кто быстрее наденет и дольше в нём просидит. Интересно было узнать, как он устроен. Отвинчивали всё, что можно было отвинтить. Противогаз укладывался в тёмно-зелёную матерчатую сумку. Её лямку надевали через плечо и тесёмками привязывали сумку к талии. Наше счастье, что мы только играли противогазом.

Динамик радио был включен постоянно. Когда внезапно прерывается передача и после сигнала «широка страна моя родная» звучали слова: «Передаём важное правительственное сообщение»... сердце замирает и сегодня. Кощунством считаю использование ныне слов «от советского информбюро» в современной рекламе. Во время войны после таких слов ровный голос Левитана, сообщал, что «за последние часы больших изменений в обстановке на фронте не произошло» или, в худшем случае, трагически: «Сегодня, в 6 часов утра, после тяжёлых боёв нашими войсками оставлен город ...». Помню как, им ликующим голосом Левитан сообщил об освобождении Белгорода и Курска.

При объявлении воздушной тревоги голос в радио несколько раз повторял: «Граждане, внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Затем радио замолкало, воцарялась тишина. Вскоре начинался «лай» зениток, слышался рокот вражеских

самолётов, прорвавшихся к городу; рёв, когда самолет переходил на бреющий полёт, свист падающих бомб, удары при их падении и взрывы. На крыши домов сыпались зажигалки, они ломались, и из них что-то вытекало, плавилось, горело. Важно было вовремя зажигалку схватить, скинуть с крыши и сунуть в песок. Брат Георгий подобрал такую зажигалку, вычистил нутро, и она долго стояла у отца на пианино. Помню, что у нее отвинчивалась нижняя часть со стабилизатором.

Наше трио в 1941 году

Падали на город и фугасные бомбы. От одной из них, упавшей где-то в районе «одиннадцатого» магазина, взрывная волна по болотистой почве дошла до нашего дома, и тогда-то он покосился влево на хозяйской половине.

Помню первую бомбёжку летом 1942 года. Думали, что Германия далеко от Архангельска, и её восприняли сначала как учебную тревогу. Не знали мы тогда, что немцы бомбили Архангельск с аэродрома в Финляндии, в Кеми, что гораздо ближе к нам.

Вечер был обычный, тёплый. Многие сидели на крылечках домов. Когда просвистели первые бомбы и начались пожары, мать с моим братом Петром полезли на крышу смотреть, что горит на Новгородском в сторону Урицкого. Как потом узнали, горели

канатная и трикотажная фабрики. Во дворе 98-го дома паслась белая распряжённая лошадь. Соседский взрослый парень Алька Баженов катал на ней всех желающих.

В эту первую бомбёжку мало кто испугался, но следующие были очень страшными. Если обратиться к статистическим данным[9], при первом налёте к городу через зенитное ограждение прорвались 16-18 бомбардировщиков, а при последующих их число доходило до 100. Бомбёжки повторялись 28 и 31 августа, 20, 21, 28, 29 сентября 1942 года. За время бомбардировок на город было сброшено около 100 фугасных бомб и 21 тысяча зажигалок. Сгорели 130 домов и 85 были разрушены. Кроме канатной и мебельной фабрик пострадали трикотажная и макаронная фабрики и газогенераторный завод. Сгорели продовольственные склады и штабеля дров на тысячи кубометров.

Но немцы, как теперь известно, ставили задачей уничтожение порта. Смотришь статистику истории и удивляешься, что порт и лесозаводы не пострадали. Последний пролет самолета к Архангельску зафиксирован 15 сентября 1944 года. В результате наступления войск Карельского фронта немцы потеряли свои стратегические базы, и налеты прекратились.

Следующие после первой бомбёжки были очень страшными. Помню, как я плакала и кричала матери: «Бежим!», хватая её за руку. На что она мне резонно сказала: «Прекрати. Некуда». Налёты обычно совершались поздно вечером или ночью, вероятно, для большего психологического воздействия. А ночи, как назло, были ясными, лунными, и город, очевидно, был виден немецким лётчикам как на ладони. Кроме луны, его освещали осветительные ракеты, которые сбрасывали на парашютах. Они ярко светили и висели очень долго.

Ни в какое убежище мы ни разу не сходили, одетые в пальто сидели в коридоре посредине квартиры. Мать рассудила, что в нашем квартале нет промышленных объектов и вероятность, что будут бомбить какой-то одноэтажный дом, сравнительно мала. Кроме того, при случайном попадании бомбы и взрыве в двухэтажном доме с каменным подвалом завалит ещё сильнее, чем в одноэтажном.

Бункер Папанина в Архангельске. Это железобетонное бомбоубежище было построено прямо у дома и подъезда, где жил Иван Папанин. Теперь на его месте магазин «Центр». В глубине снимка гостиница «Двина»

Налеты, бомбёжки, пожары были настолько страшными, что появились ненормальные, потерявшие рассудок от пережитого ужаса. Одна такая женщина жила где-то на Поморской, и мы часто видели её в пальто с горжеткой из лисы, с головой и лапками, в шляпе и с авоськой в руках, в которой лежали какие-то тряпки и поленья дров. Мы между собой называли ее «мулей», по аналогии с Раневской в «Подкидыше».

Днём налетов не было, но в 4-й школе в подвале было сделано убежище, и мы при учебных тревогах пару раз туда спускались. В классе двух учениц назначили в помощь гардеробщице, чтобы в случае тревоги быстро всех одеть. Из старшеклассниц были созданы звенья пожарных, связи, санитарок, охраны порядка и ответственных за светомаскировку.

Сквер перед Большим театром был весь перекопан траншеями, которые приходилось перепрыгивать по дороге в школу. Я не знала тогда, что на месте театра когда-то был собор и при нём кладбище, и удивлялась валяющимся человеческим черепам и костям. На берегу, напротив театра, было какое-то подземное военное сооружение, охраняемое часовыми. Собственно, оно сохранилось до наших дней, но во время войны на нём стояли зенитки и все было затянуто маскировочной сеткой.

Подземное убежище было также на углу Театрального переулка и Павлина Виноградова. Оно было сделано специально для Ивана Папанина — личного представителя Сталина в Архангельске в годы войны, жившего в доме напротив теперешнего магазина «Премьер».

Первой реакцией горожан на начало войны стали огромные очереди. Люди лихорадочно скупали всё, что только можно купить, стремясь создать запасы. Прилавки магазинов опустели уже во второй половине дня 22 июня. Скупали всё: хлеб, мыло, спички. С конца июня начались перебои с жизненно важным керосином — горожане готовили еду на примусах. Но по-настоящему острая нехватка продовольствия началась в августе, а в октябре был уже повальный голод.

В августе были введены карточки, сначала на хлеб, сахар и кондитерские изделия, затем на мясо, крупу, жиры, мыло. Те, кто работали, могли дополнительно получить хоть какой-то обед в рабочей столовой. Остальное население жило тем, что давалось по карточкам. Купить на «толкучке» что-то из продовольствия на деньги было невозможно. Меняли только на вещи, и мать несколько раз покупала буханки хлеба, унося свои или отцовские вещи, приговаривая, что все равно их редко надевают. С Георгием она сходила как-то на Кегостров, откуда они привезли на санках мешок мёрзлой картошки.

В школе на большой перемене нам раздавали на бумажке по белой блестящей дрожжевой шанежке, на которую насыпали ложку сахарного песка. Нас, ребят, пытались уберечь от авитаминоза и болезней. Поили хвойным настоем, вливая ложкой каждому по очереди в рот. Делали без конца уколы, то от дифтерии, то от брюшного тифа. Уколы были очень болезненными, и, наверно, из-за нашей ослабленности, место укола долго болело, даже рука несколько дней с трудом поднималась, когда укол делали под лопатку.

Родители как могли старались нас подкормить. Мне хорошо знакомы судки из трёх ёмкостей, соединённых одной ручкой, и ведерко, сделанное из большой консервной банки с плотно закрывающейся крышкой. Иногда мать наказывала взять то или другое с собой в школу, помимо портфеля.

После школы я заходила к матери на работу (это было в крыле Гостиных дворов, что позади типографии), и она вела меня в столовую на третьем этаже теперешнего «Детского мира» съесть тарелку чечевичного супа и что-то на второе. Уж не помню, делила ли она со мной свою порцию или ей давали дополнительную порцию для ребёнка. Иногда вместо обеда что-то удавалось взять и домой, где были Пётр, старая бабушка и няня

Аксинья. Сестра Оля ходила в садик. Жидкий чечевичный суп казался удивительно вкусным. Много лет спустя я увидела в продаже чечевицу. Купила, сварила суп, но он, мягко говоря, не оправдал моих ожиданий.

Видела я, как во дворе типографии строили ледник-холодильник для продовольствия из больших полупрозрачных кубов льда, выпиливаемых на реке. Сверху насыпали толстый слой опилка и земли. Этот холодильник существовал затем несколько лет.

Довелось пробовать мясо и яйца диких птиц, на заготовки которых в 1942 и 1943 годах на Новую Землю были организованы продовольственные экспедиции. Яйца птиц мельче куриных, с зеленоватой скорлупой и чёрными точечками, а мясо птицы пахло рыбой. Ели мы и мидий, которых жарили с картошкой на рыбьем жире, когда удавалось раздобыть картошку.

Уж не знаю, голод ли заставлял это делать или зубы чесались, но во дворе мы жевали буквально всё, что попадало под руку: объедали семена подорожников с прутика, на котором они росли (в детских играх мы называли их огурцами), беленькие семена мокрицы из крохотных чашечек, сосали нектар, выщипывая головки красного клевера (белый не такой сладкий), хотя жевали и его, разжёвывали головки семян лютика едкого (куриной слепоты), выжимали зубом кончики семечек низеньких липучек (не репейника), у которых каждое семечко было с двумя рожками, дикий щавель. А уж жмых или кусок пека были просто лакомством. Я даже жевала уголь из печки.

Когда в порт пришли первые транспорты союзников, в городе появились иностранные моряки. Обращали на себя внимание негры, которых до того мы никогда не видели, и громко разговаривающие на своем языке рослые белые матросы. Моряки тут же начали ходить по дворам и предлагать купить у них тёмно-синие шерстяные свитеры машинной вязки, связанные английской резинкой, и шерстяные одеяла. Мать купила и то и другое. Не помню, кто из семьи носил такой свитер, а одеяло досталось мне. Оно было серо-зелёного цвета, более тёмное с наружной стороны, длинноворсовое и мягкое, как шёлк. Я под ним, спала, кажется, полжизни. Оно, сильно постаревшее, живо и теперь, сплю под ним на даче.

С приходами конвоев в городе стало менее голодно. Появилось много иностранных продуктов. На карточки стали «давать» банки бекона, фаршей, ветчины. Банки были большими и маленькими, круглыми и квадратными и открывались не так, как наши консервы. Надо было накрутить на приложенный к банке ключ с прорезью полоску металла, отделяющую верх банки от

низа. Появилось сало «лярд» белого цвета. Его намазывали на хлеб вместо масла. Легче с продовольствием стало ещё и потому, что картошкой и овощами был засажен каждый клочок земли во дворах и на улице перед домами. Выращивали картошку, морковь, свеклу и даже сахарную свеклу. Огороды военных лет просуществовали до весны 1952 года.

9 мая 1945 года Левитан ликующим голосом объявил, что германское командование подписало акт о безоговорочной капитуляции. В этот день на площади Профсоюзов собрался весь город. Играли оркестры. Были танцы, люди обнимали друг друга, смеялись, пели. Мне в ту пору было 10 лет, и мы с ребятами устроили беготню между людьми в догонялки. Я налетела подбородком на голову мальчишки меньше меня ростом и верхними зубами прокусила себе нижнюю губу так, что при разговоре кусочек выворачивался наружу. Мы продолжали бегать, а распухло и заболело всё назавтра. Но что это была за причина для расстройства в сравнении с радостью, что война кончилась!

Война наконец кончилась, а мы ещё долго надеялись, что сообщение о гибели Георгия ошибочное и он обязательно вернётся.

НАШ БЫТ

Гимн керосину

Керосин прежде всего был топливом для керосинок, керогазов и примусов. Одну из таких конструкций имела каждая семья. Не возьмусь судить о преимуществах, недостатках и принципе выбора одной какой-то из них. Мы пользовались керосинками. Их было две. Керосинка просто открывалась и зажигался фитиль, другим концом опущенный в бачок с керосином. В слюдяное окошечко было видно пламя. Огонь можно было прибавить и уменьшить выдвиганием фитиля. Ставили керосинки на лист фанеры, положенной на плиту. Благодаря тому, что их было две, можно было сразу готовить первое и второе блюда, но чаще керосинки использовались для подогрева еды или кипячения молока. Чтобы сварить суп, обычно топили плиту.

Другое назначение керосина — давать свет. Электричество выключали часто. Было это как во время налётов, так и без них, из-за отсутствия топлива на электростанции, хотя работала она тогда на древесном топливе. Керосиновых ламп в хозяйстве было несколько. С маленькой ходили по всей квартире: в кухню, в кладовку, открыть входную дверь. При движении, благодаря стеклу, пламя задувало меньше, чем у свечи. Размер горелки и, соответственно, фитиля определял размеры всех остальных элементов лампы. Он измерялся в линиях (одна десятая дюйма) и проставлялся на горелке. Лампы так и называли: 5 линейная, 10 линейная.

Когда семья со своими работами собиралась за большим столом, самую большую лампу ставили на что-то повыше посредине стола. Это была крупная кастрюля вверх дном или стопка книг.

Керосин покупали бидончиком в керосиновых лавках на Поморской или углу Выучейского и Петроградского около магазина «Рыбкооп». В кладовке керосин держали в 10-ти литровой бутыли.

Когда керосин был в дефиците, использовали лигроин, но он не давал такого ровного пламени и горел со вспышками, что особенно чувствительно было в керосиновой лампе.

Керосин использовали и для выведения вшей. Волосы девочек обычно были длинными, заплетёнными в косички. Кто знает из-за

чего, но в военную пору вши в волосах так и разводились! Наверно, сказывалось плохое питание, холод в жилищах, отсутствие мыла и невозможность лишний раз вымыться. Подцепляли вшей друг у друга в школе. Однажды на уроке не могла сосредоточиться оттого, что смотрела, как ползает вошь в волосах девочки, сидящей за партой впереди.

При обработке голову сначала вычёсывали частым гребнем над чистым листом бумаги. Затем намазываликеросином и укутывали полотенцем на 15-20 минут. Затем голову мыли. При такой обработке погибали вши и их яйца-гниды, крепко приклеенные к волосам. Снять мёртвые гниды было невозможно, и обычно их состригали только при отрастании волос.

Использовали керосин и для борьбы с клопами. Кисточкой смазывали плинтусы, все детали металлической кровати с панцирной сеткой, дерево пружинных матрацев и места крепления пружин.

Борьба с насекомыми велась нещадная, не покладая рук, но стопроцентного успеха добиться было трудно. Об аэрозолях можно было только мечтать, увидев их на иллюстрациях в журнале «Америка». В деревянном доме с бумажными обоями на стенах, с живучестью клопов, не боящихся даже мороза, с их массовым отложением яиц, даже с помощью керосина покончить было трудно.

Ода самовару

«Самовар — металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углями» — такое определение этому устройству дается в толковом словаре русского языка. Рассказывая о самоваре, трудно ограничиться этим сухим определением. Красивый, блестящий, дающий тепло самовар украшал стол, создавал уют и особую атмосферу за семейным столом. Он давал возможность быстро получить кипяток, когда не было керосина и электричества. То малое количество древесного угля, которое требовалось для работы самовара, удавалось заготовить даже при дефиците дров.

Кипяток из самовара был таким крутым, что его использовали не только для заваривания чая. Можно было сварить всмятку яйцо или сварить соленую вымоченную рыбу, заливая несколько раз сменой кипятка с небольшой выдержкой. Благодаря горячим углям, самовар на столе долго оставался кипящим. В некоторых семьях и сейчас есть подобие настоящего самовара — электрический. Это говорит о том, что к самовару

привыкли, он нравится, но поставить и согреть настоящий самовар в квартире без дымохода не представляется возможным. Как изменение условий среды в природе приводит к исчезновению какого-то вида животных и растений, так замена печного отопления жилища паровым, водяным, электрическим привела к отказу от самовара, его исчезновению из повседневной жизни.

В России самовар получил широкое распространение со второй половины XVIII века. В пору моего детства самовар имелся в каждой семье, да и не один. У нас, например, было два. Один, на каждый день, маленький, литра на два — три, пузатый, никелированный. Второй — вдвое больше, цилиндрический, медный, с медалями на поверхности над краном. Его ставили при приходе гостей. Сейчас самовар стал предметом русской старины, антиквариатом, поэтому немножко подробнее остановлюсь на его конструкции.

Устройство самовара несложно и рационально во всех деталях. Это ёмкость для воды, посредине которой труба-топка, наполняемая древесными углями. Внизу труба заканчивается поддувалом, верх трубы самовара, когда его «ставили», подсоединяли к дымоходу специальной коленчатой «самоварной трубой». Ёмкость для воды сверху закрывалась крышкой, одеваемой на трубу. В крышке имелись два маленьких отверстия, закрываемые поворотными заглушками. Их открывали для выхода пара при кипении воды.

Поверх крышки на трубу закипевшего самовара надевалась конфорка, на которую ставили чайник с концентрированной заваркой чая, разбавляемой кипятком при разливе в чашки. Имелась еще и крышечка для плотного закрывания верха трубы и этим прекращения горения (шаяния) угля в трубе. Ручки самовара были облицованы деревом, чтобы не обжигать руки, когда несёшь горячий самовар на стол. Деревянными были и ручки-кнопки на кране, на заглушках. На столе самовар устанавливали на специальный поднос около хозяйки, которая будет разливать чай.

Красоту самовару придавали красивые прорези на конфорке и поддувале, фигурные ручки и кран, тиснёные украшения на стенках ёмкости и медали, свидетельствующие о наградах на выставках, полученных предприятием-изготовителем.

Разогревать (ставить) самовар нужно было умеючи. Для самовара при топке печей заготавливали крупные куски углей от сгоревших поленьев. Их, красными от жара, складывали щипцами в морильницу, стоящую на высоких ножках, чтобы избежать нагревания под ней пола. Её закрывали плотной крышкой. Угли морились, гасли и остывали.

Ставить самовар начинали с наливания воды и накладывания холодных углей в трубу самовара на три четверти её высоты. Сверху на угли вставляли пучок зажжённых тонких лучинок и подсоединяли самоварной трубой к дымоходу.

На лучину припасали и высушивали короткое прямослойное, несучковатое поленце. Лучину из него строгали непосредственно перед тем, как ставить самовар. Делали это большим ножом. Мы для этого дела долго использовали немецкий штык-нож, привезенный отцом из командировки на фронт.

Когда лучинки прогорали, угли начинали шаять и сгорали, их приходилось добавлять. В скором времени самовар был готов. Интересно, что иногда самовар «пел» на столе, издавая протяжные звуки разного тона. Трудно сказать, отчего это происходило.

Чтобы самовар сиял на столе своей медью, его регулярно начищали. Для грубой чистки использовали порошок из красного кирпича. Для его получения высушивали два куска кирпича и притирали их друг к другу до получения ровных поверхностей. При этом удалялись крупные крошки. Лишь затем расстилали газету и на неё собирали порошок от трения кусков кирпича. В него макали скомканную мокрую тряпочку и чистили поверхность самовара. Некоторые хозяйки чистили просеянной золой, зубным порошком. Но у настоящих хозяек для чистки самоваров, медных кранов, посуды была приготовлена «гуща». Ею намазывали поверхность, давали выдержку и смывали водой. Отъедала она все пятна до блеска, хотя выглядела страшновато. Трудно сказать, какие компоненты в неё входили, да и у каждой хозяйки был свой секрет её приготовления.

Бабушка подарила самовары соседкам, когда отцу дали квартиру с центральным отоплением и газом.

Как я уже говорила, электричества не было часто и подолгу. Необходимость же гладить одежду и бельё не пропадала. В обиходе для глажения были небольшие литые металлические утюги, которые нагревали на горячей плите, и угольные утюги, нагреваемые, как самовар, горящими углями. Крышка утюга открывалась. Внутрь корпуса накладывали из топящейся плиты или печки красные угли. Чтобы разогреть утюг, достаточно было выйти на крыльцо и им помахать. Благодаря отверстиям на боках корпуса утюга и движению воздуха угли разгорались и утюг разогревался.

Стирка

До определённого возраста к большой стирке и глаженью меня не привлекали. У матери, а позже у бабушки, была договорённость на стирку крупного белья с кем-то из соседок, поскольку при смене постельного белья, а у всех членов семьи были свои спальные места, в стирку сразу попадали 10-12 простыней и пододеяльники.

Всё, требующее бережной стирки: вышитые ришелье занавески с окон и остеклённых дверей, дорожки, рубашки и мелкое, как наволочки, полотенца, салфетки, — стиралось дома.

Для стирки имелось металлическое корыто. Обычно оно висело на стенке коридора за кухонной дверью.

В коммунальных квартирах я видела и деревянное корыто, набранное из делянок наподобие ушата, стоящее на высоких ножках, соединённых крестовиной, с пробкой в днище для слива воды. Такое корыто обычно стационарно стояло на коммунальной кухне, и пользовались им несколько хозяек. Стирали вещи на волнистой стиральной доске. Намыленную ткань, перебирая, тёрли об эту доску, несколько раз переворачивая от конца к концу.

Отбеливание, в случае необходимости, производили кипячением белья с мылом, персолью или кальцинированной содой. Был ещё способ отбеливания на солнце. Для этого выстиранные, мокрые наволочки и полотенца раскладывали во дворе на белом снегу.

Полоскали бельё невдалеке от колонок, но крупные вещи многие предпочитали полоскать на реке. Бельё везли летом на тележке, а зимой на санках в большой двуручной щепной корзине.

Для удобства полоскания специальные плотики с перилами, как их тогда называли, «плотомойки», были установлены в нескольких местах берега реки вдоль города. Мне знакома такая плотомойка у Воскресенского ковша, по правую сторону спуска к реке. Плотомойки на зиму не убирали. Полоскали с них и зимой, в проруби. Полоскали бельё рукой в перчатке без пальцев и, не выжимая, складывали в корзину. Вода стекала и частично замерзала, пока бельё везли домой. Нам привозили такую корзину к крыльцу. Мы заносили её в кухню и ставили наклонно в большой таз. Оттаявшее бельё синили, крахмалили и развешивали сушить на чердаке зимой и во дворе летом. Развешивать зимой тёплое мокрое бельё на чердаке — тепло рукам, а снимать голыми пальцами высохшее — очень холодно.

Через неделю сухое, пахнущее воздухом бельё заносили домой и сразу переглаживали. Эта работа быстро нашла меня. Не знаю почему но бабушка требовала, чтобы простыни и скатерти и

перед глажением были сложены сначала вдоль пополам, а затем попёрек. Мужские рубашки следовало начинать гладить с манжет и рукавов, затем спинку, потом передние полочки и последним — воротник.

Когда в продаже появились первые стиральные машины, родители сразу же её приобрели. И вот однажды мы удивили всех соседей — затеяв огромную стирку и завесив бельём весь большой двор! Стиркой занимались мы с мамой. Машина была с механическими валиками, и бабушка её побаивалась.

Стиральные порошки появились не сразу. Мы стирали мыльной стружкой, натирая на крупной тёрке кусок хозяйственного мыла. Потом стружка стала продаваться в коробках, и только затем появились стиральные порошки, в частности порошок «Новость» для стирки шерстяных и шелковых тканей. Порошки были в дефиците и их покупка была большой удачей.

Баня

В деревянных домах, за редким исключением, не было водопровода и тем более ванн, скорее всего потому, что город не имел общей канализационной системы. Если в доме устраивалась ванна, то слив воды предполагался в выгребную яму, как у хозяев нашего дома. При частом использовании ванны яма быстро переполнялась.

Население мылось, в основном, в городских банях. У нас в отдельной квартире, имея в плите, которую топили чуть не каждый день, двухвёдерный бак для разогрева воды, можно было вымыть тело по частям в тазу, закрывшись в кухне. Маленьких нас не водили в баню и мыли в корыте около плиты, но подросшие дети и все взрослые мылись в бане каждую неделю, в крайнем случае, раз в 10 дней. В бане мылись не спеша, без ограничения времени, воды расходовали сколько хотели и не боялись расплескать ее по полу. Домашнее мытье в кухне в сравнении с баней — размазывание грязи. Когда, намывшись, выходишь после бани на улицу, есть ощущение, что родился заново.

Центральная часть здания Макаровской бани, вид с Набереж (фотография 2005 г.)

В центральной части города работали три бани: на Быку; Успенская, сохранившая название по дореволюционному названию улицы Логинова, на которой она находится; Макаровская — на Набережной между улицами Володарского и Серафимовича. Макаровской она называлась в народе по имени её созателя Якова Макарова. Хотя Успенскую так не называли, а она тоже была построена им. Наша семья ходила именно в Макаровскую, поэтому она мне более знакома, чем две другие, в которых я побывала по одному-два раза.

Макаровская баня открылась в декабре 1902 года[10]. Здание было построено на прочном фундаменте из 600 просмоленных свай. В нем были асфальтовые полы и электричество, продуманы системы вентиляции и отвода грязной воды. Весной 1920 года баня была национализирована и стала называться «Центральные бани № 1», но в народе сохранилось её название — Макаровская.

При входе в баню слева был буфет с вечно стоявшей рядом большой деревянной бочкой то ли для пива, то ли для кваса. Здесь же были касса и раздевалка верхней одежды. Прямо напротив входа — лестница на второй этаж. Справа — вход в длинный коридор и лестница вниз, в цокольный этаж, где находились прачечная и мужское помывочное отделение. В начале коридора было несколько отдельных номеров и слева —

общее мужское отделение. В конце длинного коридора налево и направо располагались женские помывочные отделения. В этом же правом крыле с входом по лестнице с набережной на первый этаж были ещё мужское и женское отделения с парилками. В левом крыле с входом с набережной на втором этаже работала парикмахерская.

Макаровская баня работала с 7 утра до 22 часов, а перед праздниками до 24 часов без перерывов.

Посетители снимали пальто в раздевалке и с номерком, со своим узелком белья, мылом и мочалкой, а некоторые и со своим тазиком в авоське, занимали очередь в начале длинного коридора. Скамейки для занявших очередь были по двум сторонам коридора, но очередь была единой и разделялась налево и направо в конце. Сидение в очереди с постепенным передвижением было многочасовым. Читать было невозможно из-за плохого освещения, и люди предавались длинным разговорам. Бегали, падали, плакали маленькие дети. Когда, наконец, передвигаясь к входу в помывочное отделение, определялись со стороной, куда пойдешь, то в маленьком предбаннике ждали, пока откроется дверь и банщик властным голосом крикнет «зайдите одна» или «двое зайдите». В раздевалке помывочного отделения стояли пронумерованные шкафчики с дверками. Сверху на шкафчике лежал тазик для мытья. Тазик имел эллипсовидную форму, две ручки по торцам и название «шайка». В шкафчике было верхнее отделение для шапки и чистого белья и нижнее с крючками для одежды. Раздевшись и сказав банщице, чтобы закрыли шкафчик на задвижку, отправлялись в моечную, большое помещение со скамейками и водоразборной колонкой. Цементный пол имел уклон для стекания воды от скамеек и отверстие с решёткой, через которое вода уходила. Если решетка засорялась волосами, бумагами, кусками лыковых мочалок и начинала накапливаться грязная вода, то всегда находилась женщина, которая помнила, где сливное отверстие, и не брезговала встать в воду на колено, пошарить по решётке рукой и собрать грязь, после чего вода с шумом уходила. У водоразборной колонки крупные краны горячей и холодной воды с деревянными ручками были со всех четырёх сторон.

Войдя в моечную, глазами искали свободное место на скамейках. У меня низкий голос, и мне нравилось спрашивать басом у какой-нибудь тёти, намылившей голову и закрывшей глаза: «У вас рядом свободно?» Тётя пугалась, ей казалось, что зашёл мужчина. Бывало, конечно, и правда, приходил слесарь, если ломался кран. Определившись с местом, намыливали скамейку принесённой из дома тряпкой и ошпаривали кипятком.

Шайку тоже надо было вымыть и ошпарить. После всех приготовлений начиналось мытьё. Напоследок несколько раз окатывались водой с головой и шли одеваться.

В мужских отделениях очередь была всегда меньше и шла быстрее. Иногда какое-то из мужских отделений временно отдавали женщинам. Чаще то, которое было у входа, у лестницы вниз.

Трудно сказать, сколько людей перемылось в этой бане за время её существования, но это — тысячи. Как не упомянуть добрым словом её создателя Якова Ефимовича Макарова! В обзоре выполнения плана за 1939 год (данные исполкома горсовета) на глаза попала интересная цифра о работе бань. За год отмечено 3029 тысяч посещений.

Дрова

Большинство домов в Архангельске, причём не только жилых, но и общественных зданий, отапливалось печами.

В нашей квартире было две голландские печи и русская печь с плитой. Дров на зиму требовалось порядка трех полуторатонных машин (7-8 кубометров).

Снабжение населения дровами в предвоенное время осуществляла организация «Облглесзаг»[11]. Её база имела три биржи: на Смольном Буяне, Соломбальской кошке и Кегострове. Биржи получали поставляемую сплавом древесину. Они были оснащены дроворезками для раскроя бревен на чурбаки («швырок»), имели машины и лошадей для доставки дров.

При самовывозе кубометр дров-швырка стоил 12 рублей 50 копеек, если доставку осуществляла биржа, то добавлялось еще около семи рублей за кубометр.

В начале 1941 года снабжением горожан дровами занимался Архангельский городской топливный отдел. Была проведена перерегистрация нарядов на получение дров по состоянию на 1 января. Всё шло обычным порядком. Но с началом войны положение со снабжением дровами резко ухудшилось в связи с мобилизацией рабочих-мужчин. «Есть техника, а недостаток в рабочей силе может быть восполнен за счет свободного от работы женского населения города», — писала «Правда Севера»[12]. Дело оказалось непростым, и в октябре в той же газете появляется заметка о тревожном положении с дровами[13]. Приближаются холода, а много древесины всё ещё на воде. Следовал призыв к предприятиям направлять женщин на выкатку брёвен.

Положение продолжало ухудшаться. Суровые зимы 1942 и

1943 годов жители Архангельска, предприятия и даже городская электростанция прожили при дефиците дров. В такой ситуации дровам были рады в любом виде, даже в брёвнах.

Помню, как нам привозили брёвна на лошади на специальной телеге с двумя опорными площадками: одна за спиной возницы, другая на раме с колёсами у конца длинного бруса, связывающего обе части телеги. Лошадь везла два — три толстых бревна и с трудом по мягкому грунту двора довозила лишь до нашего крыльца. Проехать к сараю по мягкому грунту двора было невозможно. Двуручной пилой брёвна распиливали на чурбаки но размеру длины топки печи. Пилили по вечерам и в выходные дни мать или отец, кто из них был свободен, и кто-то из нас — ребят. Потом чурбаки кололи на крупные поленья и складывали в поленницу. Поленницу ставили поперёк двора, чтобы продувало ветрами и со всех сторон прогревало солнцем. Но высохнуть за лето древесина с воды не успевала. К осени дрова перетаскивали в сарай и опять укладывали в поленницы. Перед топкой поленья ещё раз перекалывали, мельче, но даже мелкие, без добавления сухих на растопку, они разгорались с трудом. В 1943 году нехватка дров для печей вынудила нас жить всей семьей в кухне, забросив неотапливаемые комнаты. Когда удалось раздобыть для большой комнаты буржуйку, дрова для неё покупали «саночками», а тепло шло только пока печь топилась. В комнате можно было что- то делать, но спать уходили в кухню.

Трубочисты

В холодное время печи топили каждый день, а те, у кого тепло в доме не удерживалось, и дважды в день. В дымоходах и трубах быстро накапливалась сажа. При её накапливании толстым слоем возникала опасность возгорания и создания пожароопасной ситуации. Чтобы избежать этого, дымоходы регулярно очищали. Существовала специальная служба трубочистов с Трубочистным бюро во главе. Оно находилось в здании пожарной каланчи в центре города. Там домоуправления и частники приобретали талоны на вызов трубочиста. В городе и сейчас много деревянных домов с печным отоплением, но трубочиста не встретишь. Может быть, он подъезжает по вызову на джипе или вообще их нет, а раньше встретить трубочиста, идущего по улице, не было в диковинку. Одет трубочист был в чёрную спецодежду, на руке нёс металлический чёрный от сажи короб. В нем гирька с ёршиком из проволоки на мотке верёвки и щётка-смётка. Трубочист поднимался на крышу и ёршиком с

гирькой, поднимая и опуская их на верёвке в трубе, счищал сажу с внутренних стенок дымохода. Затем заходил в квартиру и выметал в свой короб нападавшую на вьюшку сажу. Руки и лицо были покрыты сажей и отмывать их на время пути от дома к дому не имело смысла.

Обычно опытному трубочисту не надо было объяснять, откуда следует вымести сажу, но со мной был случай, когда это пришлось сделать. Думаю, мне повезло, что кончилось всё так, как кончилось.

Бабушка вызвала трубочиста, а сама до его прихода решила быстро куда-то сходить. Я, девчонка, была дома одна. Трубочист — молодой мужчина, пришел в её отсутствие. Я открыла ему входную дверь и дверь на чердак. Через некоторое время он появился в квартире и попросил меня показать, что именно вычищают трубочисты. Я повела его в отцовскую комнату показала, в каком месте вьюшка. Я шла впереди и, когда выходили из комнаты в коридор, чтобы пройти в кухню, ощутила затылком его взгляд с желанием тюкнуть меня по нему гирькой. Но то ли ему не приглянулась обстановка отцовского кабинета, решил, что взять нечего, то ли понял, что в две другие комнаты ему не попасть и он ушёл. А бабушка, когда я рассказала, просто за голову схватилась, испугавшись за меня.

Ассенизационный обоз

Была и такая могучая городская служба. Мне на глаза попала заметка в газете «Правда Севера» за 1932 год с цифрами, характеризующими эту службу[14]: «Количество лошадей ассенизационного обоза — 200, плюс пять автомобилей». Возможно, с годами сократилось число лошадей и увеличилось число автомобилей. Не знаю, куда вывозилось «золото» из выгребных ям и помоек, но по Новгородскому весной тянулись обозы саней, оснащенных деревянной ёмкостью с крышкой для этого добра. Сбоку было прицеплено ведро на длинной палке. Вычищали выгребные ямы и помойки, причём не ждали наступления совсем тёплого времени. Содержимое подкалывали ломиком, да нечистоты и не промерзают так уж глубоко. Возчик управлял первой лошадью, а двое-трое саней везли лошади, привязанные вожжами к едущим впереди саням.

Смешно вспоминать, но мы старались подкатиться по Новгородскому на таких санках до школы, сев незаметно для возчика, погонявшего первую лошадь. Не задумывались, каким будет запах, если испачкаем одежду.

Дворовые игры

Нашим младенческим играм нас, конечно, научили взрослые. Игре в «чижик», когда становишься в нарисованный круг и стараешься отбить плоской дощечкой толстую щепку или камешек, который пытаются в него забросить. Игре мячиком в «грехи», когда играющие становятся в кружок, водящий кидает мяч вверх, называя имя того, кто должен поймать, и все разбегаются. Поймавший мяч должен им в кого-то попасть, чтобы тот стал водящим.

Старший брат Георгий умел делать змея из папиросной бумаги и бамбуковых палочек, с хвостом из мочала. Мы вместе запускали его и посылали по нити телеграммы. Были у нас детские велосипеды, трёхколесный и двухколесный, а для Петра — педальная машина.

У молодёжи всегда проблема — негде собраться. Для нас с соседскими ребятами таким пристанищем был сарай — самое привлекательное место во дворе. Сарай был высокий и длинный, с двухскатной крышей. В нём было три секции. Первые две принадлежали хозяевам. В одной из них, ближе к дому, они держали ненужные на данный момент вещи: шкафы, стулья, ведра, ящики с бумагами и газетами. Вторая — для дров и третья была отдана под дрова нам, квартирантам.

Георгий устроил в сарае под потолком настил, вроде полатей, довольно широкий. Там у него был матрац, и в жаркую погоду он уходил туда спать из дома. На настил можно было подняться только по канату или верёвочной лестнице. Канат больше предназначался для быстрого спуска. Мы на себе ощутили, насколько нелегко ползти по веревочной лестнице, особенно если её внизу никто не держит. Нам нравилось залезать и сидеть там, разговаривать.

В сарае были дрова, но хватало места для велосипедов, детских, а потом и взрослых. Здесь их чинили, сначала Георгий, а позже Пётр. Потом стоял мотоцикл Петра. В предвоенную пору была сделана клетка для двух кроликов, которые всё время умудрялись убегать, и мы искали их во дворе. Когда их зарезали, никто из детей не стал есть их мясо. Трудно съесть того, кого знал «в лицо» и звал по имени.

Здесь, в сарае, Петр однажды задумал шить лодку-

плоскодонку. Он не был рыбаком, и на что она ему потребовалась, трудно сказать. Сколотил дно, потом начал из досок впритык набирать бока. Затеей заинтересовалась мать, пришла посмотреть и изрекла: «Пожалуйста, занимайся, но попрошу на воду в ней не соваться». До этого и не дошло. Пётр вытащил готовое создание из сарая и развел громадный костёр, чтобы его смолить. Сейчас же приехали пожарные и родителей чуть не оштрафовали.

Кстати сказать, мы имели возможность покататься на настоящей лодке. В яхт-клубе была лодочная станция и прокат. Слева от гавани яхт-клуба был причал с десятком лодок и будка лодочника на берегу. Приходи, выбирай лодку, оставляй лодочнику денежный залог или какой-нибудь документ, сообщи номер выбранной лодки. Лодочник выдавал уключины, вёсла — и в путь. Сначала ходили кататься с отцом, потом самостоятельно, вдвоем с Петром или несколькими ребятами со двора.

С Петром каталось спокойнее. Гребли по очереди. А когда в лодке была группа ребят, парни раскачивали лодку с борта на борт, чтобы мы, девчонки, визжали. Катались 1,5-2 часа, обычно вдоль берега, но раза два доплывали и до Кегострова.

Не меньше времени, чем внутри сарая, мы провели на его крыше. Калоши не скользили по дереву и мы не только сидели верхом на коньке, но и бегали по скатам крыши. К нашему сараю примыкали сараи 98-го дома и барака, который стоял за задним забором двора. Играли в пятнашки. Убегать было куда. На земле весной сыро, а крыши почти всегда сухие и играть здесь было здорово. С крыши сваливались в кучу снега или спрыгивали на землю. Решиться спрыгнуть было не просто. Высота была большой. Почти как с крыши одноэтажного дома. Зато знаем, какие ощущения получаешь, спрыгнув с высоты и приземлившись на пятки.

Когда нам разрешили выходить из двора, мы увлеклись катанием на «гигантских шагах», «гиганах» во дворе соседнего 102-го дома.

Гиганы — столб с установленным на нем сверху поворотным устройством, с привязанными к нему четырьмя- пятью канатами. На конце каната сделана петля, в которую садишься. Сначала все бегут по кругу, чтобы раскрутить гиганы, потом, поджав ноги, летят. Затем снова разбегаются и снова летят. Каждому хочется покататься подольше, а желающих много, и, чтобы происходила замена, играли «в тряпку». Водящему нужно во время движения положить тряпку, сделав кувырок к столбу или наоборот, оттолкнувшись в сторону настолько внезапно, чтобы едущий за ним не достал. Если достал, то становится вместо тебя водящим.

Не достал — уступит место другому. Играли часами. Такие гиганы были во дворах многих двухэтажных домов.

Недавно на китайской выставке услышала от экскурсовода об игре, которую, оказывается, любили китайцы. Забавно, но мы, особенно мальчики, в неё тоже играли в первом классе — «пинучка» или «жожка». К кусочку меха прикрепляли свинец, и эту конструкцию подкидывали со счётом внутренней стороной ботинка, поворачивая ногу, согнутую в коленке. Кто дольше не пропадет — победитель.

Девчонки, а иногда и мальчишки, скакали «в классики», нарисованные мелом на рано оттаявших мосточках. Нужно было преодолеть 10 классов, «котёл» и «экзамены».

Играли об стенку маленьким мячиком, бросая его из-под руки, из-под ноги, с переворотом, приговаривая: «Горы, шлёпы, блести, крести, из-под ручки...» и т. д.

Девочки любили вышивать, сидя компанией на солнышке на крыльце. Вышивали подушки на диван модным тогда болгарским крестом. Разговаривали.

Вечерами на деревянной мостовой Новгородского играли в круговую лапту. В пространстве между двумя отчерченными «салами» бегает вся группа играющих. «Парятся» двое водящих. Каждый на своем «сале». Перекидывают друг другу маленький мячик, стараясь попасть в играющих — выбить. Мяч может быть пойман. Это даёт право вернуться в игру первому выбитому. Если выбиты все, то «парятся» те, кто выбиты первыми.

Другой игрой на Новгородском была игра «попа гонять». Поп — короткий отрезок толстой круглой палки. Его ставили на попа. Наверно потому игра так называлась. Начинается игра с забрасывания бит игроков (палок длиной 60-70 см) от черты «сала». Забрасывали стоя к черте спиной. Чья бита упадет дальше всех, тот будет играть первым, чья ближе всего к салу — будет водящим. Водящий ставит попа. Затем все игроки сбивают его по очереди с того места, где лежит своя бита, а водящий ставит на том месте, куда он отлетел. Гнали по Новгородскому до 17-й школы. В какой-то момент игрок, чья бита оказалась рядом с попом, роняет его на бок. Все хватают свои биты и бегут к «салу» отметиться. Кто прибежит последним — водящий на следующую игру. Мы пугали прохожих, когда бежали толпой с большими палками в руках.

В эту же пору привлекательным занятием стало катание на велосипеде. У нас с Петром на двоих был отцовский взрослый велосипед. Первым начал кататься Петя. Он просовывал ногу в просвет рамы и ездил стоя. С седла ноги не доставали до педалей. Потом, очень скоро, он стал доставать, поставив седло в

самое нижнее положение. Я училась кататься, доставая педали кончиками пальцев и переваливаясь с боку на бок. Взрослые велосипеды были у большинства ребят. Подростковый был только у одного мальчика, и он давал нам «для души» по очереди на нем прокатиться. Только после окончания девятого класса родители подарили мне дамский велосипед с красивой цветной сеточкой над задним колесом. Катались мы прежде всего по деревянному Новгородскому, потом ездили по всему городу и особенно любили Набережную. Несколько раз большой группой ребят ездили до Чёрного Яра. Путешествие занимало целый день.

Потом пришла пора игры в волейбол. Начинали играть часов в 5 и играли до ночи. Помешать могла только дождливая погода. Родители даже однажды сказали, что домой не пустят, и в 11 вечера заперли дверь на крючок. Кстати, обычно входная дверь не закрывалась, потому что в коридоре лежала овчарка. Петру пришлось залезть через крышу и чердак в сени и открыть мне дверь.

Из домашних игр мы любили шашки, карты, мальчишки — шахматы. Был у нас маленький бильярд, размером в 6-ю часть настоящего. В шашки играли в «крепкую», «поддавки» «уголки» и игру, называемую в «Чапаева», когда щелчком своей шашки выбиваешь шашку противника. После каждой победы перемещаешь ряд своих шашек на одну клетку. Последнее расположение вплотную ряд к ряду — «расстрел». Затем противник ставил шашки по 2, по 4 и 8. Потом игра начиналась снова. Отцовские шашки были отличными для такой игры — крупные, деревянные со свинцовым вкладышем для утяжеления.

Вплоть до 10-го класса нашей любимой игрой были «10 палочек». Начиналось всё с выбора водящего. Для этого считались. Во дворе собиралось играть человек 15. Каждый хотел считать, и все кричали: «Я!» Хозяйка дома даже жаловалась матери, что такой крик трудно выносить. Все знали считалки. Например, «на златом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, ты кто такой». Если видел, что выбор падает на тебя, добавлял «говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей». Палочки укладывали на поперечину, поставленную на манер весов, и разбивали. Пока водящий собирает, нужно было убежать и спрятаться. Если он находил игрока, то бежал к палочкам и, трогая их со словами «чур за ...», называл имя пойманного. Пойманного могли выручить, если прибегали к салу за время, когда водящий отойдёт искать других. Нашел всех — отпарился. Водит тот, кто попался первым. Смешно, когда играли в десятом классе, одного из наших парней остановил милиционер, увидев, что тот крадётся вдоль забора.

РЫНОК

Рынок обозначен на плане Архангельска 1794 года, но ещё более широкой полоской — на генплане Архангельска 1854 года. Рынок на берегу реки сложился исторически, естественным образом, ведь деревни вблизи Архангельска расположены по берегам Двины к верховью и по рукавам в устье. Наилучшее сообщение с городом по воде. Берег в районе рынка между улицами Карла Либкнехта (Соборной) и Володарского (Театральной) был оснащён пятью пристанями.

Приехав с мясом, рыбой, молоком, овощами на своём карбасе, лодке, а позднее катере, речном трамвайчике, можно было выгрузиться на причал и тележкой или телегой, запряжённой лошадью, довезти товар за два шага до торгового прилавка.

Очень красочно эту процедуру и сам архангельский рынок прежних врёмен описали писатель Илья Бражнин и известный океанограф Всеволод Васнецов. Поэтому, прежде чем рассказать о первой достопримечательности города — рынке, каким я его видела в 40-50 годах прошлого века, остановлюсь на их описаниях. Вот что писал об архангельском рынке 1912-1914 годов Бражнин:

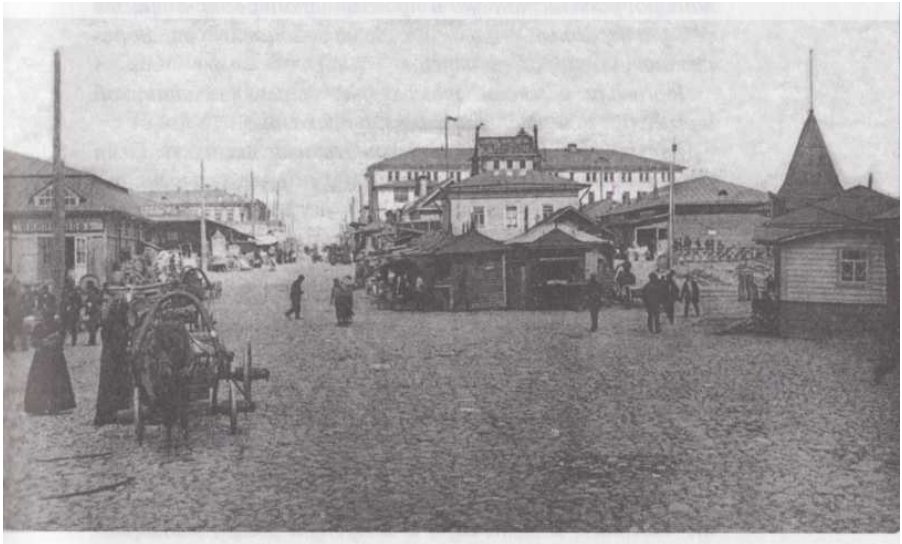
«Архангельский базар был своеобычен и имел сугубо местный колорит. Продукты на него привозили из окрестных деревень по преимуществу крестьянки. Они приезжали из-за реки на восъмивесельных карбасах, нагруженных так, что сидели почти до уключин в воде. Гребли только «жонки», гребли по-особому — часто, споро и дружно. Они не боялись ни бури, ни грозы, ни дали. Молоко, простоквашу и сметану, вообще молочные продукты, они привозили в огромных двоеручных, плетеных из дранки корзинах. Восемь жонок, которые только что бойко гребли в карбасе, да и девятая, сидевшая на руле, выволакивали из него корзинки, и все в ряд, неся восемь двоеручных корзин, шествовали от пристани к базару. Молоко продавалось в деревянных полагушках — бочечках-бадейках с тремя-четырьмя обручами с полулунной прорезью на верхнем донце. Эта полулунная прорезь затыкалась такой же полулунной деревянной крышечкой, с обернутой снизу чистейшей полотняной ветошкой. Хозяйки придирчиво выбирали молоко, приходя на базар со своими деревянными ложками.

«Жонки», как сказано, приезжали на базар каждый день, но мужики появлялись на базаре не так часто и только с рыбой,

выставляя улов тут же перед собой поверх брошенной на землю рогожки. Архангельские крестьяне в свободное от полевых работ время почти поголовно промышляли либо неподалеку от своих деревень, либо уходя к Двинскому устью, розовотелую семужку, узконосую стерлядку, плоскую черно-белую камбалу, щуку и другую рыбу. Деревни, как правило, ставили при реках, и у каждого хозяина были мережи, морды и прочая снасть.

Карбасы кегостровских и заостровских «жонок» у рыночной пристани

Здание Интерклуба на Набережной в 40-50-е годы



Архангельский рынок на фотографии начала XX века. В перспективу уходит улица Поморская, в глубине которой слева виднеется дом Плотниковой, справа, в советское время, Интерклуб. В описываемый период рынок мало чем отличался от этого

На базаре продавали рыбу не только сами ловцы, но также и перекупщики. Кроме того, по закраинам базарной площади стояли просторные в два створа лавки местных рыбных тузов. Продавали в них очень хорошо разделанную, распластанную и просоленную треску, а также семгу и огромные — килограммов до двадцати — туши истекающего жиром палтуса.

Торговали и мясом, только что стреляной дичинкой и разными галантерейными мелочишками.

Торговали с лотков серебряными изделиями, всякими перстеньками с цветными камешками-стекляшками, висячими серьгами-калачами, кольцами с цинковой прокладкой внутри «от зубной боли» и серебряными тисненными из тонкого листа коровками, которые жонки покупали, когда заболевала корова, чтобы повесить эти жертвенные коровки перед образом святого Фрола — покровителя стад.»[15]

А вот каким увидел тот же рынок в 1921 году Васнецов: «Рынок был очень велик и живописен, особенно в летние дни. С раннего утра к Соборному и Рыночному ковшам с окрестных деревень спешили карбасы. Если шли под парусом, то на руле сидел «мужик», если на веслах, то «жонка». В солнечную и ветреную погоду множество надутых парусов ярко белело на синей реке. Подходя к берегу, кормщик быстро ронял парус, и вся

эта лодочная флотилия до отказа заполняла ковш. Прибывшие позже должны были со всей своей поклажей, как по суше, шагать с карбаса на карбас, чтобы добраться до пристани.

Рыночная площадь, забитая торгующими, становилась изумительно красочной, яркой, колоритной. Тогда женщины носили платья преимущественно из домотканых материалов синего, красного и коричневого цветов. Юбки почти всегда синие со множеством фалд и пестрым орнаментом по подолу. Кацавейки тоже синие или коричневые, расшитые разноцветным узором на груди и по воротнику. Не перевелись тогда еще и яркие платки и головной убор вроде кокошника, тоже расшитый серебром и разноцветными нитками. Это была с давних пор традиционная поморская женская одежда»[16].

Такой рынок ушёл в прошлое. Дальше его жизнь шла со взлётами и падениями. После революции была полоса упадка в рыночной торговле. Затем, в 1931-1932-х годах, городские власти предпринимали героические усилия для её оживления. В октябре 1932 года была проведена первая краевая колхозная ярмарка. Местом её проведения были Поморский рынок и Октябрьская площадь перед театром. Организаторы продумали во всех деталях создание мест для торговли, размещение на ночлег приехавших торговать колхозников и частников, стоянки для их транспорта, складирование товара, организацию для торговцев выездной торговли промышленными товарами и инвентарём, культурную программу.

В сентябре 1933 года при подготовке к проведению очередной ярмарки горсовет решил создать новый ярмарочный комплекс и постоянный рынок вместо старого рынка на Поморской. Для строительства был отведён участок между улицами Урицкого и Парижской Коммуны (территория Б. Никольского монастыря). В связи с этим были снесены несколько монастырских зданий. Были построены центральный павильон и 15 ярмарочных павильонов. Но рынок на этом месте не прижился и вернулся на Поморскую. Пустующая площадь нового рынка много лет прослужила городской толкучкой.

Новая попытка избавиться от рынка в центре города была предпринята в 1935 году. На месте рынка задумали строительство морского вокзала. Рынок перевели на Бык. Потом передумали, и вокзал начали строить по соседству с местом рынка, ближе к улице Карла Либкнехта. В газете «Правда Севера» было опубликовано постановление горсовета об отмене решения Октябрьского райсовета о прекращении торговли на Поморском рынке, о переведении на Бык мясомолочной контрольной станции, сносе зданий. Предписывалось немедленно создать

условия для торговли.[17] Но, как говорится, — ломать не строить. Сломанное восстанавливалось с трудом. Публикации в газете того времени свидетельствуют о грязи и неорганизованности на рынке, о грубо сколоченных ларьках и наспех собранных навесах и палатках. Постепенно всё утряслось, и рынок благополучно дожил на своём историческом месте до шестидесятых годов.

В пору моего детства, это 1940-50-е годы, мне редко приходилось бывать на рынке зимой по причине учёбы в школе, но летом, начиная с мая, я бывала там часто. Меня посылали за молоком, овощами, ягодами. Рынок был большой и собирал множество торговцев и покупателей. Он тянулся от Поморской до Банковского переулка с тремя выходами: на Поморскую, против Театрального и Банковского переулка. У последнего располагалась первая в городе бензоколонка.

В районе Поморской рынок от Набережной отделяло старинное складское здание с воротами складов на Набережную и внутренними помещениями, со входом с рынка, где размещались служба выдачи весов и проверочные лаборатории контроля качества мяса, молочных продуктов и грибов. Около выхода с рынка к Театральному переулку в старом двухэтажном кирпичном здании работала столовая. В этом же здании ближе к Банковскому переулку были склады со стороны рынка и магазин хозтоваров с набережной.

Территория рынка был замощена булыжником. Деревянные мосточки были только вдоль прилавков. Каждый комплекс торговых мест, сколоченных из досок, представлял собой два стола прилавка на две стороны под одной крышей. Он защищал продавцов от дождя, но был открыт всем ветрам. Комплексы-прилавки были поставлены в два ряда перпендикулярно набережной по четыре в каждом, так что получалось 16 прилавков.

Сейчас трудно представить, но на рынке не продавалось никаких помидоров, бананов, апельсинов и киви. Продавали только то, что вырастало на северной земле и ловилось в реке и море.

Первым в у входа с Поморской ряду был прилавок частников, торгующих молочными продуктами. Торговали как женщины, так и мужчины. Все были в белоснежных фартуках и нарукавниках. На бидонах, вёдрах с молоком, ёмкостях с творогом и сметаной красовалась наклейка «проверено» с датой проверки. Чтобы показать качество молока, продавец погружал мерку в бидон и показывал, как оно стекает по мерке. Густое, жирное молоко не стекало бесследно. Желающим попробовать наливали в согнутую ковшичком ладонь. Давали попробовать и кусочки творога. В том

же ряду, за частным молочным, шли прилавки частников, торгующих овощами, за ними — ягодами, грибами, мясом и рыбой. В правом ряду большинство прилавков было отведено колхозам и закреплено за ними, о чём свидетельствовали приколоченные фанерные таблички с их названием.

В 40-50-е годы на первом этаже этого здания работала столовая. Открытка начала XX века

Первая в городе бензоколонка. На заднем плане — Соловецкое подворье

Колхозное молоко было немного дешевле частного, и цена удерживалась постоянной, поэтому ко времени подвоза молока собиралась небольшая очередь. Привозили его с пристани речного сообщения в алюминиевых флягах на телеге, запряжённой лошадью. Продавец ловко сдёргивал фляги под прилавок. В считанные минуты проходила проверка молока, продавец надевал фартук и нарукавники, размешивал во фляге молоко литровой меркой, и торговля начиналась. От колхоза «Организатор» много лет молоком торговала продавщица Груня. Высокая, стройная, сильная с красноватым заветренным лицом — типичная поморка. Её, наверно, помнят все, кто ходил за молоком.

Торговали колхозы и овощами: морковью, картошкой, репой, цветной и белокочанной капустой, редькой, редиской, турнепсом и даже зеленым горохом в стручках. Частники тоже торговали овощами, но чаще только картошкой, морковью и капустой. Интересно, что картошка, продаваемая частниками, по своему размеру подразделялась только на ровненькую (это мелкая) и крупную, и мера веса была не один килограмм, а два. Да, мера веса так и называлась — «вес». Торговаться на рынке не было принято. Цену мог снизить сам продавец, если покупатель брал несколько «весов».

Ягодный сезон начинался с морошки, затем появлялись

черёмуха, голубель, черника, дикорастущая малина, смородина чёрная, белая, красная и последними — брусника и клюква. Все ягоды при продаже отмеряли стаканами. Черемуху продавали связанными в пучки веточками с ягодами. Съесть такой маленький пучок было трудно. Ягоды связывали язык настолько, что он переставал ворочаться. Но всё равно ягоды нравились, и желание купить и съесть не пропадало. В урожайный год ягод продавалось море. Мне обычно поручали купить 12-13 стаканов черники или голубели. Ели ягоды с молоком на десерт, добавив сахарного песочка. Кроме того, бабушка ежегодно покупала ягоды всех разновидностей, хотя бы по килограмму, и варила варенье в запас на зиму.

Не менее изобильным, чем ягодный, был рынок грибов, сначала свежих, а затем солёных. Каких только их тут не было! Каждый частник солил грибы по своему вкусу: кто без всяких специй, кто с укропом, с разными листьями. Особенно красиво смотрелись солёные грузди с желеобразной серебристой поверхностью. На вёдрах с грибами тоже красовалась наклейка «проверено», и никто не боялся отравиться, купив их и употребляя в пищу.

Рыбу и мясо мне покупать не поручали по причине неопытности в этом деле, но помню, что торговля рыбой из бочки и в ларьках была в конце базара ближе к реке. Воду из бочек выливали прямо на мостовую. Вони и мух было предостаточно. Продавали на рынке речную рыбу и лесную дичь. Бабушка как-то купила на рынке крупного глухаря.

В промежутках между рядами по весне торговали из бочек мелкими, плотными хрустящими ярославскими огурчиками.

Рынок, в том состоянии, каким он был, располагал лишь минимальной степенью благоустройства: была колонка с питьевой водой, столовая и обычные российские туалеты. Он не обеспечивал комфортных условий ни торговцам, ни покупателям, поскольку в холодное время, а это 9 месяцев в году, не защищал от погодных условий. У дирекции рынка не было своего транспорта для оказания помощи частникам и колхозам в перевозке товаров от пристаней к прилавкам. Перевозку осуществляли частники на больших двухколёсных ручных телегах или на телеге, запряжённой лошадью.

Рынок на Поморской был единственным на всю центральную часть города. Поход на рынок был событием в повседневной жизни. Сюда в выходные дни шли семьями закупать продукты на неделю.

С четвертой попытки руководству города всё-таки удалось ликвидировать рынок на берегу (что давно хотелось), потому что

он проявлял «безобразие города с наличной стороны», как говорили в старину, и был построен крытый рынок на Выучейского. То же произошло и с Соломбальским рынком, аналогичным Поморскому по связи с рекой. Вместо того, чтобы его усовершенствовать путём возведения на том же месте крытого рынка, был создан рынок на улице Валявкина, который не прижился.

Оба были построены без связи с рекой, гостиниц для торговцев, без стоянок для транспорта. Ныне появились рынки у магазина «Диета», на стадионе «Динамо», где торгуют практически только перекупщики северных овощей. Много ли мы видим местных торговцев? Это 5-6 человек на рынке «Динамо», это череда из 10-15 торговцев овощами, ягодами и грибами у «Диеты».

Несколько слов о соседе Поморского рынка — здании Интерклуба в моём детстве. Старинное банковское здание стало быстро разрушаться, когда на набережной открыли движение тяжёлого транспорта (автобусов, затем троллейбусов), когда началась забивка свай под новый Дворец пионеров. В результате оно было снесено.

Проект нового здания интерклуба, что стоит теперь на углу улицы Шубина и Ломоносовского проспекта, разработан ленинградскими архитекторами, причём за основу был взят типовой проект городского Дома Культуры, в который были внесены «существенные изменения для того, чтобы здание лучше соответствовало своему назначению»[18]. В Архангельске, городе моряков, это здание должно было быть одним из градообразующих, а проект оказался заурядным, и город потерял ещё одну интересную тему, высказывался по этому поводу архангельский архитектор Юрий Барашков[19]. Неудачным надо признать и расположение здания. Оно втиснуто между зданием гаража скорой помощи и жилыми домами и не смотрится, не имея вокруг свободного пространства.

МАГАЗИНЫ

В восьмом классе я снова оказалась в 4-й школе. Я «большая» и иду домой уже не по вершинам сугробов — теперь мой путь лежал через сквер перед Большим театром, затем по проспекту Павлина Виноградова до Поморской и далее по Поморской до Новгородского, с заходом во все встречающиеся на пути магазины. Для меня было развлечением смотреть на всё вокруг: дома, товары в магазинах, да и просто на людей. Посещение магазинов после школы давало удивительное ощущение свободы. Эти прогулки оказались неотъемлимой частью воспоминаний о детстве.

Все «главные» магазины находились на проспекте Павлина Виноградова (теперь — на Троицком). Каменные дома чередовались с деревянными. Большинство из них были дореволюционной постройки, купеческими. Первые этажи их когда-то были магазинами. После национализации они использовались для размещения учреждений и контор. Но постепенно пошёл процесс возвращения их к магазинам, только они теперь не были частными.

Первый на моём пути был ювелирный магазин. Он занимал первый этаж красивого двухэтажного каменного дома. Два окна с цельными стёклами без перёплетов по вечерам закрывались металлическими гофрированными шторами. Помещение магазина небольшое, прилавок — буквой «П». В витринах прилавка с подсветкой на чёрном фоне в левом крыле — серебряные и мельхиоровые столовые и чайные приборы, в средней части — украшения (серьги, кольца, перстни, кулоны, медальоны). В правом крыле прилавка — браслеты, цепочки, часы. За спиной продавца в зеркальных шкафах — хрусталь и серебряная посуда: вазочки, наборы рюмок на подносах, кубки, подстаканники, украшенные чернью, гравировкой, эмалями. Ажиотажный спрос на золото и хрусталь ещё не появился. Единственная в магазине милая, ухоженная, средних лет продавщица обычно была занята с одиночным покупателем. На нас, девчонок, никто не обращал внимания, рассматривали что хотели.

Атмосфера того магазина не идёт ни в какое сравнение с современными ювелирными магазинами, подавляющими масштабом помещений, роскошью отделки, обилием света и при малочисленности покупателей большим числом продавцов, собравшихся вместе и нахально разглядывающих и без стеснения обсуждающих редких посетителей.

Следующий на пути магазин — галантерейный. Он располагался в двухэтажном кирпичном доме, построенном купцом Быковым в 1911 году. Тогда на первом этаже размещались галантерейный и обувной магазины и магазин хозяйственных товаров Н.А. Кушеверского. После революции в нём был Городской банк, Коллегия Гублескома, Центральная контора Госторга, но в октябре 1934-го в нём снова открылся магазин, торговавший детскими товарами.

Проспект П. Виноградова (Троицкий), дом 50. На первом этаже этого здания в 40-50-е годы работал ювелирный магазин.

Проспект П. Виноградова (Троицкий). Первое слева здание — галантерейный магазин

В 1936 году он стал магазином Мехторга. В 40-50-е годы старый магазин вернулся к своей первой специализации и снова стал галантерейным и культтоваров.

В галантерейном магазине было два торговых зала. В одном продавали сверкающие никелем духовые музыкальные инструменты. В витрине лежали детали к ним и крупные губные гармошки. В другом были отделы верхнего и бельевого трикотажа, галантереи и культтоваров. В отделе галантереи, как в этом магазине, так и в других, нас привлекало разнообразие атласных лент по ширине и цвету, ведь мы до десятого класса ходили с косичками и бантами. Нравилось разглядывать кружева и кружевное шитьё для воротничков и манжет форменных платьев и, конечно, разноцветные нитки ирис и мулинэ для вышивания. Очень красивы были цвета китайских моточков мулинэ и китайские наволочки на диванные подушки из желтого, красного, синего, чёрного атласа. Они были круглыми по форме, с вышитыми шёлком жар-птицами.

Что касается отдела культтоваров, то на меня неотразимое впечатление производили наборы цветных карандашей и акварельных красок, появившиеся в продаже на следующей день после объявления о денежной реформе в 1947 году. Не могу сказать, что у нас совсем не было цветных карандашей. Были. Но это были огрызки синих, красных, зелёных карандашей

нескольких тонов. А тут коробки на 12 цветов и среди карандашей — розовый и даже белый. Ходила, смотрела на них и переживала, что мне не достанутся. Пришлось ждать первой получки родителей в новых деньгах.

Следующий магазин на пути — «Серый горт». Ну, серый, понятно, по цвету здания, а вот аббревиатура «горт», оказалось, расшифровывалась не городской отдел розничной торговли, как я считала, а городской отдел распределения товаров! Универмаг строился в 1931 году и открылся к 8 Марта 1932 года. Теперь мы его знаем как магазин «Светлана». Он был первым магазином, работавшим на полном хозрасчёте. Для начала горт выделил универмагу 260 тыс. рублей оборотных средств и разрешил самозаготовку товаров. Аппарат сотрудников магазина насчитывал 71 человека. В дальнейшем шло совершенствование магазина, в нём начали работать сберегательная, театральные кассы и отдел доставки купленных товаров.

В универмаге работали отделы готового платья, трикотажа, обувной, галантереи, парфюмерии, посудохозяйственный, отдел фототоваров и фотоаппаратов, канцелярских товаров и музыкальных инструментов, но в отличие от галантерейного магазина это была продажа гитар, гармоней и патефонов с наборами пластинок. В апреле 39-го года открылся даже отдел проката патефонов, гитар, швейных машин, фотоаппаратов, посуды. Отделы были расположены в ряд по периметру помещения и по овалу в центре. Дирекция постоянно искала вариант самого удачного размещения и без конца перемещала отделы с места на место.

Верхние этажи здания принадлежали гостинице «Интурист» с рестораном. В 1942 году в ней размещался госпиталь, где находились на излечении моряки союзных конвоев. Во время первого налёта немецкой авиации, когда разом горели все близлежащие деревянные дома на Поморской, союзные моряки прямо в больничных одеждах вместе с архангелогородцами участвовали в вытаскивании мебели из горящих домов.

В ноябре 1945 года помещение магазина было использовано для проведения областной сельскохозяйственной выставки. На ней демонстрировали свою выращенную продукцию многочисленные овощеводческие колхозы. Один стенд был похож на другой: картофель разных сортов, крупные морковь, свёкла, брюква, кочаны капусты, кабачки и снопы ржи, ячменя, овса.

Стенды животноводческих хозяйств блестели фотографиями передовиков-животноводов и животных-рекордистов. Графики отражали рост достижений.

Потребкооперация тоже не осталась в стороне. Были

представлены изделия народных промыслов, солёные и маринованные грибы, варенье из черники, клюквы и брусники в банках с закатанными металлическими крышками. Ничто из показываемого до окончания выставки не продавалось.

В сентябре 1934 года на первом этаже этого же здания открылся коммерческий продовольственный магазин, который после стал обычным продовольственным и в народе назывался «под Интуристом».

Вход в «Серый горт» был с Павлина Виноградова, а выход в конце зала на Поморскую, то есть для меня удобно по пути домой, и я проходила через него чуть не ежедневно, хотя народу в магазине всегда было много. В толчее бойко работали карманники, и я не раз видела плачущих женщин, потерявших свои кошельки.

Конец первого этажа этого здания по Поморской занимало ателье по пошиву одежды.

Когда архангельский горожанин, отправляясь за покупками, говорил, что «пошел в город», то имелись в виду рынок на Набережной и магазины на Поморской на участке от набережной до Чумбарова-Лучинского и по Павлина Виноградова от Карла Либкнехта до Володарского. О трёх из них я уже рассказала. Теперь об остальных.

Поморская, 1. Это здание памятно архангелогородцам моего поколения. Второй этаж его много лет занимал райсовет Октябрьского района города, а на первом этаже работали магазин № 1 Севмаслопрома с входом с Театрального (Церабкоопского) переулка и промтоварный магазин «Снежинка», который со временем поглотил маслопромовский магазин. До революции этот дом принадлежал потомственной почетной гражданке города Екатерине Плотниковой. На первом этаже торговали мануфактурой купцы Калинин и Шумляев, резной мебелью — Кошелев, посудохозяйственными товарами Сазонов. Фирменный магазин «Зингер» торговал швейными и пишущими машинками.

В 40-50-е годы в «Снежинке» работали парфюмерный, посудохозяйственный отдел и отдел тканей. В последние годы существования магазин торговал уценёнными товарами и дополнился отделами галантереи, обуви, верхней одежды и даже мебели.

Магазин в доме по Поморской, 3 соседствовал с городским ломбардом. Он открылся в августе 1934 года как специализированный обувной. Газета «Правда Севера» писала: «В него заброшено на 100 тысяч рублей различной обуви»[20].

«Серый горт» вскоре после открытия магазина. Фотография середины 30-х годов

Улица Поморская от П. Виноградова до Набережной

На моей памяти помещение магазина много раз меняло специализацию. Здесь были магазин рабочей одежды, меховой магазин, комиссионный, фото и канцелярских товаров, часовая

мастерская, фотография.

Поморская, 4. Одноэтажное белое оштукатуренное здание. В марте 1936 года в нём открылся магазин спорттоваров «Динамо». В газетной рекламе в июле 1936 года[21] наряду с настольными играми, лыжами и бильярдами упоминаются «гигантские шаги» с верёвками за 190 рублей и без них за 62 рубля. Значит, их промышленно изготавливали и именно простота приобретения готового устройства позволяла установить их почти в каждом дворе. В магазине, как помню, был отдел воинской атрибутики: погоны, орденские планки, кокарды, нашивки, форменные пуговицы к обмундированию и т. п. Всё продавалось только военным. Были отделы для рыболовов и охотников, спортивной одежды, велосипедов, мотоциклов и деталей к ним.

Поморская, 5. Двухэтажное белое оштукатуренное здание. Долгое время на первом этаже находился обувной магазин. К недостаткам торговли этого обувного магазина и обувных отделов прочих магазинов можно отнести постоянное несоответствие количества поступающей в продажу обуви по номенклатуре размеров реальной потребности. Обуви 34-37 размеров в основном хватало только на работников магазина и их полезных (по принципу «ты мне — я тебе») знакомых. Рядовому покупателю оставалось любоваться 40-41 размером красивых туфель и мечтать, чтобы нога до него доросла и проблем с покупкой не было.

В верхнем углу снимка магазин «Ткани» на перекрёстке

проспекта П. Виноградова с улицей Поморской

На углу Павлина Виноградова и Поморской стоял одноэтажный каменный магазин «Ткани», отремонтированный после войны пленными немцами. Вход в магазин был с угла. В магазине торговали отличными отечественными стопроцентно шерстяными пальтовыми, костюмными, плательными хлопчатобумажными и шёлковыми тканями. По Поморской к нему было пристроено одноэтажное крыло, где был рыбный магазин.

Со стороны Павлина Виноградова к магазину «Ткани» примыкало двухэтажное здание комиссионного магазина, принадлежавшее до революции Екатерине Плотниковой, а торговлю мануфактурой в нём вели «Мануфактурное товарищество» и «Торговый дом Видякин П.П. и сыновья». После национализации здания в двухэтажной части в июле 1934 года открыли первый в городе универмаг культтоваров. В нем были три торговых зала. Один на первом этаже и два на втором. В продаже были музыкальные инструменты, спортинвентарь и канцелярские товары. В 40-50-х годах в двухэтажной части работал комиссионный магазин. На первом этаже был отдел торговли мебелью, на втором принимали на комиссию и продавали бельё, одежду, ткани, обувь.

Все нейлоны, кримплены, стилоны, капроны и полиэстеры ещё только появились за границей. У нас эти ткани, в то время очень модные, тогда можно было купить разве что в магазине моряка «Берёзка» или в «Салоне для новобрачных».

В одноэтажном крыле здания по Поморской, работал рыбный магазин. Он переехал сюда с Павлина Виноградова, 82, из магазина, находившегося напротив Дома Советов. Там было просторное помещение даже с аквариумом для живой рыбы, а здесь очень небольшое. Свежая рыба по-прежнему продавалась из бочек со льдом.

Комиссионный магазин, примыкавший к магазину «Ткани» со стороны П. Виноградова, на открытке начала XX века

Полки были заполнены банками с тресковой печенью, сигами и треской горячего копчения, дешёвыми и общедоступными.

В 40-50-е годы в правой части здания на первом этаже работал книжный магазин и в нём, кроме книжного, были отделы подписных изданий и филателии. Здесь я покупала марки, сэкономив деньги на школьном завтраке. Был отдел политической литературы с материалами съездов, докладами, пятилетними планами и директивами. Кроме книг продавались плакаты самого различного содержания, и наборы портретов руководителей партии и правительства, причём изображены все гораздо моложе, чем были на самом деле. В конце своего существования магазин переквалифицировался в овощной, а в правой части здания разместились облсуд и облпрокуратура.

В маленьком одноэтажном деревянном доме по Павлина Виноградова, 34, работал магазин культтоваров, особенно привлекательный для детей. Здесь продавали игрушки и игры, детские велосипеды, детскую мебель и санки. Перед концом своего существования он тоже сменил назначение и торговал тканями.

Второе слева здание — П. Виноградова, 30

Продовольственные магазины вплоть до 1947 года, до отмены карточной системы, были малопривлекательны для досужих посещений. В них лишь отоваривали карточки жильцов домов, прикреплённых к магазину.

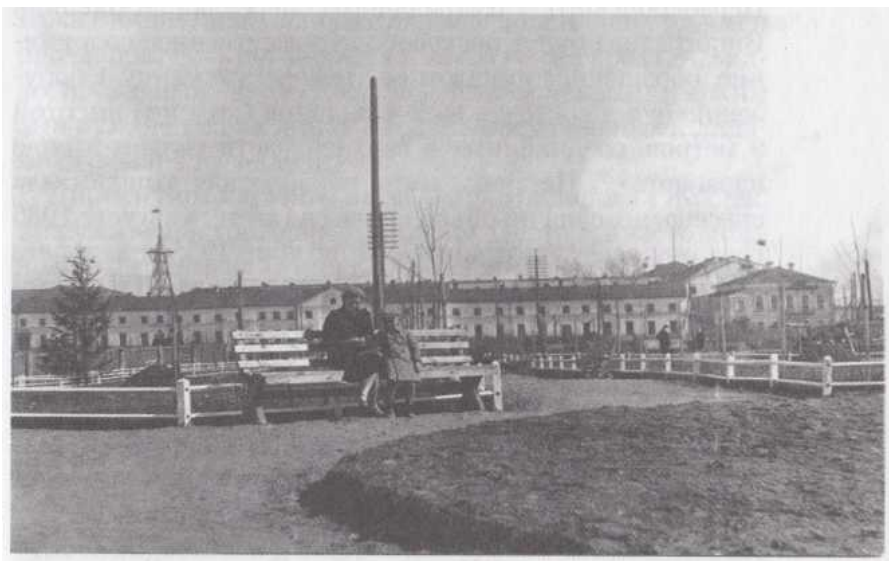
Заметными были магазин «под Интуристом», гастрономы в домах 46 и 41 по Павлина Виноградова и магазин «под парашюткой».

Дом № 46 построен в 1890 году и принадлежал М.П. Аренсону. На первом этаже работал мануфактурногалантерейный магазин. После национализации был превращён в продовольственный № 9 Горпищеторга.

Деревянный двухэтажный дом № 41 был построен в 1860 году. Он принадлежал купцу Петру Сергееву, затем, с 1890 года — А. П. Петровой и позже — её наследникам. Магазин № 4 «Гастроном» на первом этаже был открыт в феврале 1936 года и существовал долго. Он располагался у трамвайной остановки, недалеко от кинотеатра «Эдисон» и работал в праздничные дни как дежурный с 8 утра до 24 часов. В нём всегда было много покупателей. Перед сносом дома помещения магазина использовали под пункт проката, приёмный пункт химчистки, отдел книготорга.

Несколько слов о магазине с названием «под парашюткой». Пятиэтажный каменный дом № 37а на Павлина Виноградова, в

котором на первом этаже располагался этот магазин, построен в 1940 году. Никакой парашютной вышки ни на нём, ни рядом я не видела. Не могу также сказать, в какие годы после сноса Рождественской церкви парашютная вышка появилась на её месте и когда её снесли, но в одной из газет «Правда Севера» за 1934 год прочла интересную заметку: «Парашютная вышка находится в центре города. Ничем не заполненный обширный участок выглядит как брешь среди зданий. По заданию горкома партии составлен проект, по которому на углу Церабкоопского (Театрального) переулка и Павлина Виноградова будет построено художественное сооружение, обращённое фасадом на Поморскую улицу. Сооружение будет состоять из 2-х пилонов (колонн) высотой 9 метров, соединённых в верхней части сводом в виде парашюта»[22].



Октябрьская площадь. 1930-е годы. Вид от театра в сторону улицы Карла Либкнехта. За вытянутым зданием виднеется парашютная вышка. Справа на углу нынешний музей «Особнячок»

Не знаю, когда парашютная вышка была снесена, но, судя по объявлениям в газете, в августе 1935 года она ещё существовала. В октябре 1935 года газета рассказывала о парашютной вышке высотой 40 м на территории Красной Кузницы и получении заводом в качестве премии самолета и двух парашютов[23]. Возможно, тогда и снесли вышку в центре, но в памяти людской она осталась названием магазина «под парашюткой», потому что он был построен рядом.

Большинство продовольственных магазинов были известны горожанам по присвоенным им номерам: «4-й гастроном», на углу Поморской и Павлина Виноградова, напротив «Серого горта», «19-й магазин» — на углу Карла Либкнехта и Павлина Виноградова, «37-й магазин» — на углу улиц Карла Маркса и Новгородского, «44-й магазин» — на углу Поморской и Костромского, «70-й магазин» — на углу Володарского и Костромского. Но в отдельных случаях их знали по народным названиям — «высокое крылечко», «каменушка» и т. п. Кстати, «каменушек» в Архангельске было несколько, и одна из них была как раз на моём пути из школы домой — на Поморской, второе строение от Петроградского по нечётной стороне. В этом магазине торговали мясом и колбасой. Товар бывал эпизодически и, если появлялся, сейчас же собирал людей из ближних домов. Стояли сначала на улице, потом наполняли маленький «торговый зал». Пока стоишь, невольно разглядываешь стоящих рядом и продавцов. Есть поговорка ***«У*** хлеба не без крох», и, видно, продавцы неплохо питались. Каким нежным и ярким был румянец на их лицах в сравнении с бледными лицами стоявших в очереди.

Директором магазина была Фира Иосифовна Жбарж. Её мужа звали Григорий Наумович. Супругов часто можно было видеть на Поморской, они жили где-то недалеко от нас, на Костромском, 16, вместе ходили на работу, но никогда рядом. Шли неспешно, Фира всегда на несколько шагов впереди Григория.

Об «11-м магазине», что стоял до недавнего времени на углу Петроградского и Поморской, особый разговор. Он открылся на первом этаже деревянного дома в марте 1936 года. Первоначально в нём были отделы хлебобулочный, винный и гастрономический. В праздничные дни он работал как дежурный.

Интересное из истории Поморской улицы и магазина № 11 рассказал Ю. А. Барашков[24]. Оказывается, до революции в его помещениях был трактир Соболева, а Поморская, в целом, была полна питейных заведений. На пересечении Поморской и Торговой (Набережной) — Федосовский ресторан с дамским оркестром, на углу Троицкого — Минаевский «Золотой якорь», на углу Псковского проспекта и Поморской — винная торговля. Но в пору моего детства на Поморской уже не было никаких питейных заведений. Рестораны в городе были лишь в Интерклубе и Интуристе.

11-й магазин занимал весь нижний этаж деревянного двухэтажного дома, а в верхнем было коммунальное жилье. Магазин много лет был «общественным» центром для жителей близлежащих кварталов.Торговали в нём всем: хлебом, молоком, крупами и консервами, мясом и рыбой, овощами, вином и

кондитерскими изделиями. Он был самым универсальным в наших краях. В войну, когда всё было строго по карточкам, мы были прикреплены к другому магазину — на перекрёстке Поморской с Новгородским. Карточки просуществовали до 1947 года, но в послевоенное время прикрепление не было таким строгим. По карточкам можно было что-то купить и в 11-м, и в 44-м магазинах. Кроме того, появилась возможность приобретать муку к Новому году, 7 Ноября, 1 и 9 Мая, и мы её покупали в 11-м магазине. О том, когда её будут «давать», некоторым становилось известно заранее, и очередь начинала формироваться с вечера, почти сразу после закрытия магазина в шесть часов. Она быстро росла. Последний называл занимающему номер, а тот, прибавляя 3-5 номеров, чтобы потом поставить в очередь родню, знакомых или соседей, передавал его следующему. Первый пересчёт назначали на 11-12 часов вечера. Считали только тех, кто был в наличии, независимо от возраста, и люди, невзирая на ночь и холод, тащили с собой закутанных маленьких детей, даже грудных.

Перед пересчётом очередь, человек 200-250, стоит сбившись в кучу. Вот пошли считать. Обычно это делали двое. Один спрашивает старый номер, другой называет новый. Толпа начинает пятиться и разворачивается в «хвост». Пересчёт закончен, и люди начинают расходиться. Но первые два десятка остаются, они будут дежурить всю ночь. Следующий пересчёт назначали на 6 утра, а перед открытием проводили проверку номеров. Бывало и так, что не успевали люди разойтись, как кто-то из тех, кто оказался далеко, начинал провоцировать оставшихся на новый внеочередной пересчёт, чтобы быть ближе. Не пересчитался, не получил нового номера — выпал из очереди. Бывали, конечно, случаи, когда «боевые», умевшие постоять за себя, вставали в очередь по своему старому номеру и дело могло дойти до драки.

Продажа муки происходила не в магазине, а на улице, из ларька, прилепившегося к стенке магазина со стороны двора магазина. Очередь шла бойко, поскольку мука уже была развешена по пакетам по 1, 2, а иногда по 3 кг. Продавали муку нескольких сортов: пеклеванную и пшеничную первого, высшего сортов или крупчатку. Можно было выбирать сорт, но количество, которое «давали» на одного, было «пайкой», каждая весила иногда 2 кг, а иногда и 3.

С тошнотой вспоминаешь, сколько времени мы провели, стоя в очередях! Продавцам всех магазинов не нравилось, чтобы народ набивался битком в торговый зал, и очереди, как правило, стояли часами на улице в мороз, дождь и снег. Очереди ещё убивали тем,

что никогда не знал заранее, хватит ли тебе того, за чем стоишь. Мог оказаться совсем близко к продавцу, но тот вдруг кричал: «Касса, не выбивай — весь товар в отделе», — и идёшь домой ни с чем.

Летом в 11-м магазине, около того же ларька, продавали свежую треску или пикшу из громадных деревянных бочек. Рыба пересыпалась колотым льдом и была не замороженной, а свежей. У входа в магазин работал частный точильщик ножей и ножниц с переносным деревянным станком и даже трудился, такая диковина по нынешним временам, чистильщик сапог, у которого можно было купить ваксу, шнурки разного цвета, подковки на каблуки. Здесь же, около магазина, предлагали свои услуги по перевозке груза владельцы больших двухколёсных ручных телег.

В войну был период, когда дрова купить в количестве, достаточном для всех печей, было невозможно, для многих единственным источником тепла стала «буржуйка». Для неё около 11-го магазина можно было купить у частника саночки дров. Невесть где они их брали, но дрова были настоящие, наколотые из чурбаков, сухие. Поленья были уложены горкой на большие сани и привязаны к ним толстой верёвкой. Таких продавцов бывало несколько. Меня родители посылали купить, сориентировав по цене. Я имела опыт топки печей и могла судить о качестве и количестве дров. Спрашивала цену и командовала, чтобы ехал за мной, благо было недалеко. Покупали мы такие дрова и на растопку в добавление к своим мокрым, заготовленным из брёвен с воды, не успевшим высохнуть за лето.

Напротив 11-го магазина, на другой стороне улицы, торговала керосиновая лавка.

ШКОЛА

В 1942 году я начала учиться в 4-й школе. Школьное здание расположено на Набережной. Оно не сразу стало таким, каким было в 1942 году. Южная его часть построена в 1788 году. В ней размещались городская дума, магистрат, сиротский и словесный суд. В 1876 году здание занимала телеграфная станция и в том же году сюда переместилось трехклассное Городское училище. С 1903 по 1912 годы училище существовало как четырехклассное. В 1920 году училище было преобразовано в 4-ю школу II ступени. В 1906 году на углу Набережной и улицы Воскресенской было построено здание Благородного собрания. В нём проходили выборы должностных лиц, устраивались балы, концерты, спектакли. У отца сохранился снимок 1931-1932 годов, на котором ещё два самостоятельных здания — Городское училище и Благородное собрание. В 1936 году их соединили вставкой, а на здание Благородного собрания надстроили третий этаж. Сегодняшний вид оно обрело в начале 1950-х годов, когда перед ним был поставлен памятник Петру I.

В сентябре 2000 года здание закрыли на капитальный ремонт. Из-за ветхости в нём уже нельзя было учиться. Одновременно начались разговоры о дальнейшей его судьбе. Высказывается мнение о том, чтобы его снести и тем самым распахнуть Петровский парк на Набережную, сохранив, быть может, только южную часть как памятник старины. Другое мнение — здание отремонтировать и разместить в нём Ломоносовскую гимназию. Как решится этот вопрос, покажет время, но с градостроительной точки зрения школа расположена неудачно — вблизи нет жилья и вокруг транспортные потоки. Кроме того, современное, показательное, на что претендует Ломоносовская гимназия, учебное заведение требует больших площадей и должно в полной мере отвечать современным методам обучения и преподавания. Возможен ли компромисс между старым и новым в данном случае, не знаю.

Меня определили в школу на год раньше. Восемь лет мне исполнилось бы только в феврале. Причин, по которым родители меня отправили в школу раньше, было несколько. Во-первых, я оставалась бы дома одна, когда брат Петя уйдёт в школу, а сестра Оля в садик. Во-вторых, предполагалось, что я, как более собранная, буду благотворно влиять на учёбу брата. В тот год обучение мальчиков и девочек было совместным. В-третьих, я уже умела читать, писать и немного считать. И как результат Петя и я с одним портфелем и одним комплектом учебников оказались за

одной партой. Утром мы бежали в школу самым коротким путём — проходными дворами, известными Петру, причём где-то пролезали в дыры в заборах, а где-то и перелезали через забор, что меня нисколько не смущало. Портфель мы носили по очереди, и эта очередь не очень чётко соблюдалась. Каждый искал причину, чтобы не нести его из школы. Был случай, когда портфель из парты не взяли ни он, ни я и хватились только тогда, когда надо было делать уроки. Бежали в школу вдвоём, где с радостью обнаружили его спокойно лежащим в парте.

Городское училище и бывшее Благородное собрание. Фотография 1932 года

Детская игровая площадка на набережной возле 4-й школы. Фотографии 1930-х годов. Два здания уже соединены вставкой, но третьего этажа ещё нет

Вход в школу был в северной части здания и во всю длину фойе, справа от входа располагался гардероб. Пальто принимали и выдавали гардеробщицы. В коридоре слева от входа был маленький спортзал. В этом же крыле на первом этаже была пионерская комната. В южной части здания размещались

кабинеты физики, химии, биологии. Там же было жильё директора школы и технических работников. Отопление в школе было печным. Хорошо помню круглую, обитую железом чёрную печку в классе, вокруг которой мы бегали от медицинских работников, пришедших делать уколы, пока под угрозой вызвать в школу родителей не решались его сделать.

Уборкой в классах занимались уборщицы. В обязанности дежурного входило принести мел, вычистить доску и выполоскать тряпку.

Из предметов, изучаемых в первом классе, наиболее трудным было чистописание. Писали в ту пору ручками с вставными перьями, которые макали в чернильницу, вставленную в специальную вырезку на крышке парты посередине между учениками. Перья были нескольких видов и носили название «86», «рондо», «копиручёт», «ласточка». Они позволяли, регулируя нажим, делать в нужных местах толстые и тонкие линии при написании букв, как этого требовали правила чистописания. Чтобы только что написанный текст не размазывался, его просушивали прилагаемой к тетради промокашкой. Для чистки кончика пера имелись самодельные многослойные перочистки из кружочков мягкой ткани, сшитых в центре. Может быть, чистописание имело смысл для укрепления детской руки, но оно немало нам попортило крови и ничего не дало в выработке каллиграфического почерка. В старших классах мы писали как хотели. И на это уже никто не обращал внимания.

Зима 1942-43 годов была очень холодной. Уроки постоянно отменялись. Но первый класс мы успешно окончили, а со следующего года было введено раздельное обучение. Петю перевели в шестую школу, а я осталась в четвёртой, которая стала женской. Из совместного обучения осталось в памяти признание в любви. Когда я с девчонками шла из школы, один из парней нашего класса прокричал мне: «Тебя любит Вадька Соколов». Я, конечно, сказала ему «дурак», но на следующий день разглядела белобрысого приятного мальчишку по имени Вадик.

Учась во втором классе, из школы мы с девчонками возвращались не спеша. Сначала катались на портфеле с пандуса у драмтеатра для затаскивания декораций, как с горки. Затем шли по Карла Либкнехта или по Павлина Виноградова и Поморской.

В школу ходили в форме, хотя иногда приходилось одеть сверху вязанку. Вместо рейтуз носили узкие брюки, называемые «шкарами». В них была резинка внизу штанины, и они хорошо натягивались поверх валенка. В этом случае снег не мог попасть внутрь валенка, даже если ты проваливался чуть не по пояс. Я

пользовалась этим и из школы домой шла не по тротуарам, а по гребням сугробов, образующихся сбоку от тротуара при его чистке от снега.

Валенки были самой распространённой зимней обувью. Ходили в них с осени до тёплой весенней поры. Когда становилось сыро, на них надевали калоши. Кстати сказать, калоши — неплохое изобретение. Они надевались на валенки, ботинки, туфли. Пришедший в гости человек мог снять их в передней и остаться в своей чистой обуви. Валенки носились долго и переходили в семье от ребёнка к ребёнку. Качество их не ухудшалось, если они пронашивались до дыры. Их отдавали подшить. Подшивать были настоящие мастера, которые ровными стежками подшивали к валенку подошву, вырезанную из голенища другого старого валенка, и починяемый валенок становился еще теплее. Недостатком валенок, пожалуй, было то, что при ходьбе они быстро «съедали» чулки, и дыры постоянно приходилось штопать. Одна моя подруга пошутила, что всю зиму босиком проходила по снегу. Дыры были и в валенке, и на чулке.

В 1944 году в первый класс 17-й школы пошла младшая сестра Оля, которая была моложе меня на два года. Её нужно было отводить. Северо-Западное областное издательство, где работала мать, в том году размещалось в доме на углу Новгородского и Выучейского. Матери было удобнее вести Ольгу в сторону работы. В ту же семилетнюю школу № 17 перевели и меня. Перевели почему-то не с первого сентября. Отец привёл меня в класс во время урока. Помню, как я стояла у дверей, а весь класс меня разглядывал.

Семнадцатая школа была в новом здании, вся светлая и солнечная, в сравнении с четвёртой.

Трудно представить это в современной школе, а мы на переменах водили хоровод или, взявшись за руки, шли стенкой на стенку с песней «а мы просо сеяли, сеяли», на что другая сторона наступая, грозно отвечала «а мы просо вытопчем, вытопчем». Носили мы и кукол в школу. Оставались играть после уроков. Куклы были самодельными, плоскими, рисованными на картонке. Сначала рисовали их сами. Я была специалистом по этому делу и по просьбам рисовала девочек и мальчиков. Каждый из играющих рисовал своей кукле одежду. Одежда складывалась в коробку от папирос. Куклы переодевались, ходили друг к другу в гости. Более красивых кукол такого плана, нарисованных красками и даже с приклеенными волосами, стала приносить и продавать наша одноклассница. Другими нашими увлечениями были стихи в альбомы, игра в фантики из конфетных обёрток, бессистемное собирание марок и обмен без понимания их ценности: по

принципу, есть такая или нет. К Новому году начинался сбор пожеланий. Записочку с пожеланием складывали наподобие фронтового треугольника и надписывали, кому от кого. Чтобы пожелание сбылось, читать следовало сразу с наступлением Нового года. Соревновались, кто больше соберёт.

Мы много читали и обменивались книжками. Удалось прочесть такие редкие тогда книги, как «Сибирочка» Чарской, «Историю «маленького» лорда Фаунтлероя» Бернета, «Серебряные коньки» Доджа. Их передавали друг другу по очереди буквально на вечер. Дома тоже было что почитать. Домашняя библиотека была большой, конечно, включала Стивенсона, Фенимора Купера, Конан Дойля, Жюля Верна, чьи книги с наибольшим интересом читаются в детстве. Перечитала я и всевозможные сказки Писахова, Крюковой, Андерсена, братьев Гримм, Гауфа, Перро.

Потом пришла пора чтения про кругосветные и арктические путешествия Крузенштерна, Головнина, книг Джека Лондона, Диккенса, Филдинга, Пушкина и Лермонтова.

В 3-м классе нас приняли в пионеры. В школу обязательно ходили в красном галстуке, концы которого завязывались на груди узлом или скреплялись зажимом с нарисованным костром. Пионерская работа состояла в проведении собраний и выпуске стенгазет. Кто-то из родителей, умеющих рисовать, делал шапку газеты на листе ватмана и разделял лист на 3-4 колонки. На первой обычно размещалась заметка классной руководительницы с итогами наших успехов. Для других редколлегия с трудом выколачивала заметки из нас. Газету читали. Тогда же мать выписала нам домой «Пионерскую правду». Я читала в газетах не только объявления, но привыкла читать их «от корки до корки».

Не осталось в памяти каких-то вечеров или утренников. Наше общение с мальчишками было только в том, что они с палками встречали нас, выходящих из школы после второй смены на тёмную улицу, и пугали. Входная дверь, разумеется, открывалась одной половиной. Вышедшие первыми от страха бежали обратно в школу навстречу другим выходящим, и в дверях образовывалась куча мала. Правда, не припомню, чтобы мальчишки хоть кого-нибудь ударили. Удовольствие им доставляли наши страх и визг.

Другим развлечением мальчишек было «не пускать на горку», которая была во дворе школы. Они загораживали вход на лестницу и рассматривали девочек. Если понравилась — пропускали, нет — не пускали.

17-я школа 5-й класс 1947 год, учителя: А.А. Агеева, З.Н. Зимина, В.Я. Кузнец (слева направо)

4-я школа 8-й “б” класс, учителя Г.М. Зеленина, А.А. Кочанова, А.П. Ганичева (справа налево)

Директором школы была Зинаида Николаевна Зимина. Она преподавала историю, а её муж, вернувшийся с фронта, вёл у нас уроки военной подготовки и вместо «Смирно» произносил: «Хэр-р-на», так мы его и прозвали. Классная руководительница Анфия Антоновна Агеева была очень серьёзной и неразговорчивой дамой. Одной из моих одноклассниц запомнилось её розовое красиво облегающее трикотажное платье, а мне — её походка мелкими шажками с кистями рук, приподнятыми и отставленными в стороны. Она вела у нас математику.

Мы все ещё писали ручками со вставным пером, но на партах уже не было стационарных чернильниц. Пришла мода на непроливашки. Теоретически она считалась непроливашкой, а практически, если сильно тряхнуть, чернила из неё прекрасно выплёскивались. Вспоминаю, как около нашей колонки на Новгородском дрались две девчонки, ревели и резко выплескивали чернила из непроливашек друг другу в лицо и на одежду, а потом тщетно тут же на колонке пытались смыть химические фиолетовые пятна водой.

Я тоже однажды, упав на крыльце, залила чернилами белый фартук, в кармане которого лежала непроливашка.

Были у нас и уроки рукоделия, но, по-моему, без настоящей программы. Мы должны были приносить начатое дома рукоделие и продолжать им заниматься в классе. Те, кто действительно хотел чему-то научиться, окружали стол Серафимы Николаевны плотным кольцом, и она учила. Мы же с несколькими девчонками в это время проползали под партами по всему ряду с первой до последней и веселились. Помню, как учительница пыталась научить всех ставить заплаты на чулках. Начать следовало с подравнивания краёв дыры. Я так подравняла, что штопальный гриб стал продеваться. Заплата получилась большой и грубой. Мать запретила мне впредь такой ремонт.

Уроки географии вела Прасковья Степановна Крапивина. Она очень занятно произносила слово «Нью-Йорк», при этом двигая в стороны нижнюю челюсть, и мы в восторге просили ещё и ещё раз повторить. Русский язык и литературу преподавала Вера Яковлевна Кузнец. Женщина крупная, дородная, с толстой чёрной косой, обёрнутой вокруг головы. Сочинений мы ещё не писали, только диктанты и изложения. Благодаря обширному чтению мне единственный раз встретилось слово, которое я не знала как написать. Это слово «воочию». Учительница при диктовке читала его как «воочью», так его я и написала.

Физику преподавал Валентин Николаевич Глазачев. По внешности запомнился как что-то необычное. У него ступни ног

были развёрнуты во вторую балетную позицию. Так он и ходил. Была у нас по физике не только теория, но и лабораторные работы. Валентин Николаевич научил выполнять простейшие работы: починить утюг или плитку, поставить розетку.

Уроки физкультуры проводила Лидия Александровна. Женщина симпатичная, но «спортивная», если не сказать мужиковатая, не терпящая женственности в девчонках. Особенно её раздражали две хорошенькие девочки из нашего класса с длинными, ниже пояса распущенными волосами, завязанными сверху большим бантом. Придиралась она к ним как могла.

Экзамены мы начинали сдавать с 4-го класса. Сначала это были диктант, русский устно, математика устно и письменно. С годами к этому добавились география, физика, история и химия.

В июне 1944 года нас с Петром впервые отправили в пионерский лагерь Обкома союза рабочих леса и сплава, в который были даны путёвки и детям работников предприятий управления культуры. Лагерь размещался в Боброво. Ехали туда долго на маленьком пароходе, часа три-четыре. Путь в лагерь от пристани шёл лугом. Первый раз увидела такое разнотравье: жёлтые, лиловые колокольчики, белые хлопушки, цветы пуговичками, ромашка, клевер. Поселили мальчиков в здании местной школы, а девочек в большом старом двухэтажном доме. Житьё в старом северном доме дало возможность познакомиться с его рациональным устройством, позволяющим хозяину зимой, в морозы, не выходить для ухода за скотом. Задняя половина дома имела помещение для скота на первом этаже и поветь с сеновалом на втором. Сено завозили на поветь на санях по пристроенному к дому наклонному звозу и сбрасывали зимой вниз, задавая животным корм. На повети сушили бельё в плохую погоду. Нам были там устроены качели, мы в дождь играли и качались.

После выборов председателя совета отряда и лагеря началась обычная жизнь по режиму. Подъём, уборка кроватей, зарядка, умывание, линейка с подъёмом флага, завтрак и разные занятия, после чего обед, мёртвый час, игры после полдника, ужин, линейка с опусканием флага и сон.

Мне всё нравилось. Начала заниматься в самодеятельности. Пела частушки с группой девчонок, играла в кукольном театре. Петя привыкал трудно. Настал день, когда родители на «виллисе» целой группой приехали нас навестить. Пётр ухватился за мать и не остался в лагере ни за что. Так и уехал домой.

В жаркие дни нас водили купаться на Двину, но берег был глинистый, вязкий. Заходить в воду было не очень приятно, а напротив был песчаный остров, который так и манил пляжем. В

отряде я была вместе с Тамарой Ситниковой, дочерью администратора филармонии Марии Николаевны. Тамара была на год или на два старше меня и в нашем дуэте была заводилой. Она договорилась с мальчишками, и мы после завтрака сбежали на берег, и взяв чужую утлую лодчонку, отправились на остров. Рейд был огорожен металлическими бонами, и мы с ходу их перескочили. То ли лодка и сразу была дырявой, то ли мы продрали дно, перескакивая через боны, но вода начала быстро прибывать, и мы вычерпывали её консервной банкой и чем могли: носками, платками — затыкали дыру. На острове было действительно здорово, и мы прекрасно провели время до обеда. Путь обратно в заполняемой водой лодке опять был неприятным, но доплыли. Могу сказать, что плавать я тогда не умела совершенно и, конечно, утонула бы, оказавшись в воде. На обед мы опоздали. Нас уже хватились и за самовольный уход из лагеря вечером всю компанию выставили на позорную линейку.

Мы жили отрядом в одной большой комнате. Кровать к кровати. Легли как-то спать, свет погашен, в комнате темно, и вдруг кто-то сказал: «Девчонки, расскажите что-нибудь, а то не спится». Я начала рассказывать какую-то сказку. Так повелось каждый вечер. Почти всю лагерную смену я рассказывала что-то из прочитанного, начав со сказок и до «Звёздного мальчика», «Кентервильского привидения» и «Портрета Дориана Грея» Оскара Уайльда. Я сейчас уже и забыла об этом, но недавно мне напомнила девчонка, которая со мной была в лагере.

Таня Кольцова

Поём частушки, первая слева — Тамара Ситникова

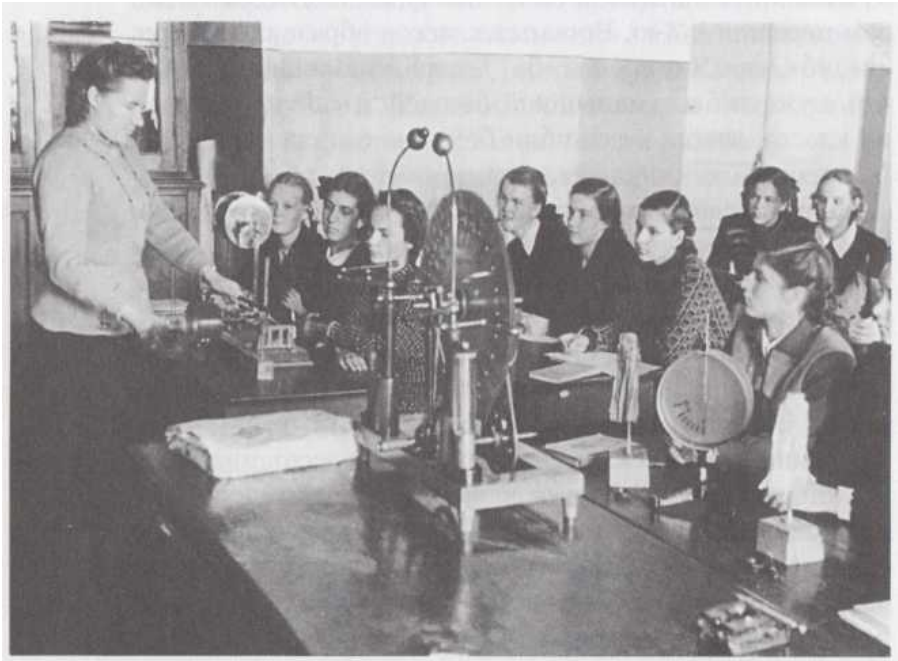
В лагерь на заключительный праздник приезжал корреспондент газеты «Правда Севера», и в августовском номере газеты появилась заметка о лагере и снимок, где я в костюме, который нам из сундука дала одна из местных жительниц. Не знаю, почему корреспондент сочинил, что я сама вышила фартук[25]. Он был старинный и вышит бисером, очень красивый. Матери корреспондент подарил этот снимок и ещё второй, на котором мы группой поём частушки.

После этого в лагеря я ездила ещё несколько раз, и чем старше становилась, тем больше мне это нравилось. Я играла в волейбол за лагерную команду. Мы ездили в соседний лагерь на соревнования. Вечерами устраивались танцы. К расставанию с лагерем мальчишки делали узорные палки, для чего обжигали в костре стволики маленьких сосенок и на чёрной поверхности вырезали орнаменты, которые оказывались белыми. Такие палки они делали себе и девчонкам, которым хотели их подарить. Ходили мы в лагере в походы на лесные озера, где пытались спать в палатке, но комаров было столько, что заснуть можно только закрывшись одеялом с головой. Многие так и не смогли уснуть и просидели всю ночь у костра. После лагеря, вернувшись в город, мы некоторое время встречались, созваниваясь по телефону. Потом дружба затихала, заменяясь школьными привязанностями.

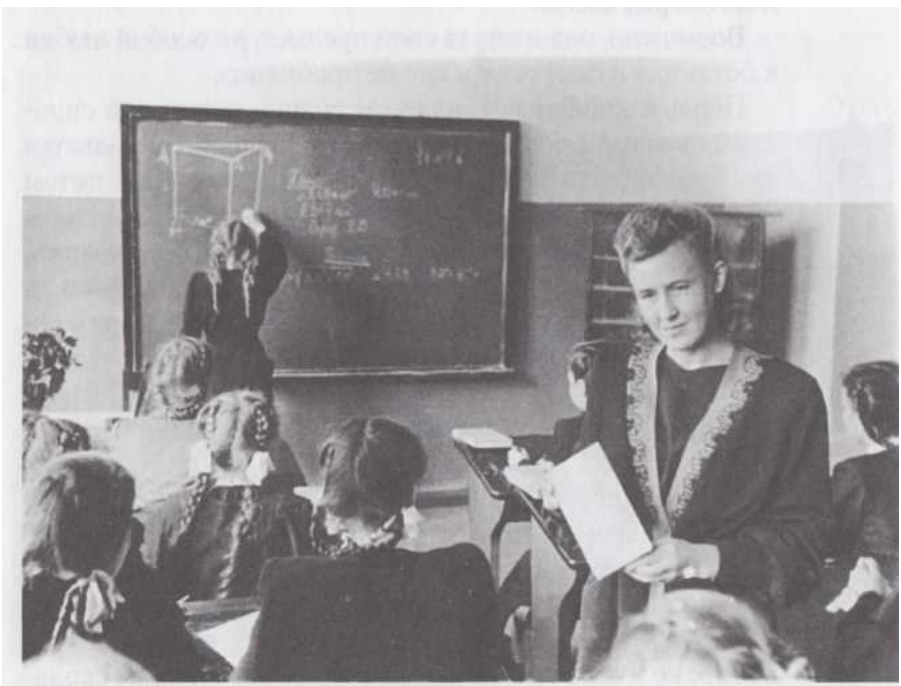
Окончив 17-ю семилетнюю школу, мы почти всем классом

перешли в 4-ю. Восьмых классов образовалось три: «а», «б», «в». Я попала в «б». Теперь, оказавшись снова в 4-й, я уже не была малышкой, боящейся выйти в коридор из класса, чтобы не сшибли бегущие старшеклассники. Мы теперь сами стали старшими.

Первого сентября шли пораньше «захватывать» парту. Я любила сидеть на 3-4 парте на любой из трёх колонок. Заранее договаривались, с кем сядем, и учителя редко нас пересаживали. Хочется сказать добрые слова в память тех, кто нас учил. Историю преподавал Александр Гаврилович Селезнёв, краевед, интересный человек. Завучем и нашим учителем химии была Ирина Петровна Демчинская. Очаровательная женщина и хороший учитель. Молодые педагоги математичка Галина Максимовна Зеленина и учительница физики Нина Александровна Пыжикова мало отличались от нас по возрасту и держали дистанцию строгостью. Уроки литературы вела восторженная, влюблённая в свой предмет Надежда Викторовна, черчению учил Никифор Дмитриевич. О классном руководителе Качановой Анне Африкановне особые слова. Она была из тех людей, кто из каждой ерунды готов раздуть конфликт, причём она сразу начинала угрожать плохой характеристикой, которую дадут по окончании школы и с которой никуда не примут. Она преподавала биологию, её кабинет в старом здании был сырой, тёмный, заставленный банками с водой, муляжами, со стенками, завешанными плакатами, и шкафами с заспиртованными земноводными. Голос у неё был какой-то особенный, тонкий, но с прорывающимися низкими нотками. Так и казалось, что она прокашляется и заговорит басом.



Урок физики ведёт Нина Александровна Пыжикова, 1950 год



Урок математики ведёт Галина Максимовна Зеленина, 1950 год

Возможно, она и знала свой предмет, но особой любви к ботанике и биологии в нас не пробудила.

Первый конфликт с классом возник, когда она спровоцировала нас высказать причины нашего недовольства учительницей русского языка и литературы (её потом сменила Надежда Викторовна), якобы для того, чтобы помочь учительнице устранить ошибки в преподавании. Те, у кого были трудности, горячо навысказывались, а Анна Африкановна потом с трибуны общешкольного собрания сказала, что наш класс до того докатился, что обсуждает методы преподавания и преподавателя. По пустяковому поводу вызывала в школу родителей. Смешно вспомнить, как однажды она потребовала, чтобы на родительское собрание пришли все родители, потому что (так она и сказала) она будет поднимать свой авторитет.

Из года в год к каждому празднику и юбилею вся страна становилась на предпраздничную вахту и принимала повышенные обязательства. Не должна была остаться в стороне и школа. Наверно, давалась разнарядка, сколько учениц от класса должны выступить на собрании и что-то пообещать. Однажды выбор Анны Африкановны пал на меня, и, скорее всего, она считала свой выбор безотказным, поскольку знала, что отец выслан на Север и мне можно пригрозить и что отказ будет расценен как аполитичность. Я, конечно, отказывалась, но доводы были слабыми. Говорила, что не знаю, какие обязательства и что говорить. Она мне подсказала: «Выйдешь на трибуну, скажешь, что хорошо учишься, а обещаешь ещё лучше учиться». И вот, на очередном общешкольном собрании в актовом зале из президиума объявили, после череды выступающих, и моё имя как желающей выступить. Я вышла и сказала буквально такие слова: «Сейчас учусь хорошо, на 4 и 5, но эту четверть обещаю закончить отличницей». Нашлись по недомыслию среди школьниц классов младше девочки, которые восприняли моё выступление как личное желание выпялиться. Эля Волкомирская со своей приятельницей Коробицыной долго меня потом донимали тем, что подкарауливали где-то в коридорах школы и издевательскими голосами шипели: «Я учусь хорошо». А когда я действительно окончила четверть отличницей, одна из одноклассниц удивилась: «А я думала, что ты просто так пообещала».

4-я школа, 9-й Б класс. 1951 год

Александр Гаврилович Селезнёв, как краевед, знаток истории страны и Севера, был эрудированным преподавателем. Сам рассказывал что-то интересное в дополнение к теме и этого же ждал от нас. Он давал вызванной к доске рассказать то, что она заучила по учебнику, а потом спрашивал, кто может дополнить ответ, и ставил оценку за дополнение. Чтобы дополнить, нужно было дополнительно почитать. И мы читали: мифы Древней Греции, про Батыя и Чингис-хана, историю китайского фарфора и т. п. Он учил, что подготовка к уроку должна быть независимо от того, спросят тебя или нет. Меня он однажды проучил. Спросил на одном уроке, и я ответила на пятерку. Была в полной уверенности, что долго больше не спросит, ведь в классе нас около 30, а он спросил и на следующем уроке. Мямлила, мямлила и получила тройку.

С помощью учительницы математики Галины Максимовны я узнала, что мыслю логически. Писали контрольную. Я долго возилась с примерами, а в решении задачи по геометрии нужно было, прежде чем прийти к подсчётам, обосновать принятое решение, почему считаем угол или сторону такими. Я быстро написала обоснование, поскольку времени уже не оставалось, и решение, которое досчитала второпях. Была недовольна своей работой и об этом сказала девчонкам. Каково же было моё удивление, когда Галина Максимовна, говоря об итогах проверки контрольной, назвала обоснование лучшим! Кто хотел более

углублённо заняться математикой, ходили в кружок, который организовала Галина Максимовна.

Учительница литературы Надежда Викторовна вдохновенно читала нам на уроке описание первого бала Наташи Ростовой, и сама хорошенькой вздёрнутой верхней губкой подходила под описание жены Андрея Болконского... Не её вина, что не было в программе стихов Блока и Ахматовой, не «проходили» мы Бунина и Булгакова. Нам следовало знать, что о каждом изучаемом нами произведении сказали литературные критики Белинский, Добролюбов, Писемский и другие. У Надежды Викторовны, как видно, была пятёрка в институте за знание русской критики. Она старалась передать все знания нам. Но её не интересовало, а что мы сами думаем о прочитанной книге, как мы относимся к её героям. Представляю, что было бы, если бы я сказала, что осуждаю Анну Каренину и мне симпатичнее Каренин, а это так и было. Или что я ни с какой позиции не могу оправдать Раскольникова. Каждое сочинение нужно было начинать эпиграфом опять же из высказываний классиков. Как тут не обзавестись шпаргалкой! Был у нас и литературный кружок совместно с мальчиками из шестой школы.

Интересными и полезными были уроки черчения. Мы не только познавали азы, с помощью циркуля и линейки изобретали орнаменты, а к концу обучения даже могли в аксонометрии вычертить шар с вырезанной четвертью. В институте с черчением у меня трудностей не возникало, и в пятёрке есть доля Никифора Дмитриевича. Высокий уровень обучения подчёркивает проведение именно в нашей школе в 1949 году городской выставки работ учеников средних школ по черчению.

Дети растут быстро, становятся высокими, взрослеют по виду, но по сознанию долго остаются детьми и оценивают свои действия как шалость. В разум на уроках химии нас приводила Ирина Петровна Демчинская. Однажды, придя на урок в кабинет химии, мы обнаружили на каждом столе штатив с 3 или 4 пробирками одноцветной жидкости. Не раздумывая долго, некоторые из нас начали капать из одной в другую, разбалтывать и радоваться случайному окрашиванию. Короче говоря, к началу урока у некоторых весь подготовленный материал был испорчен. Ирина Петровна закипела, но сдержанно разъяснила нам на всю жизнь, как опасно смешивать реактивы, не зная, какая реакция может произойти. Возможен разогрев, воспламенение, появление ядовитых газов и, как результат, ожоги лица и рук, порча одежды. В нашем случае, конечно, этого не могло случиться, но труд, затраченный на подготовку к уроку, пропал даром. Ещё хорошо, что не все сделали такую глупость и не был сорван урок. Дело

закончилось замечаниями в дневниках.

Класс был довольно дружным, хотя делился на несколько групп. Как единое целое мы выступали лишь в конфликтных ситуациях. Как-то одна из девочек принесла в школу музыкальное устройство из часов вроде музыкальной шкатулки. Поворачиваешь ручку, и она играет мелодию типа «во саду ли в огороде». Начали играть под партами на уроке литературы. Надежда Викторовна прислушалась и сказала, что где-то играет музыка. Мы, конечно, хором сказали, что ничего не слышим. Начали передавать устройство под партами и играть то на одной колонке, то на другой. Короче, кончилось всё тем, что к последней игрушка попала в руки нашей отличнице, члену учкома школы. Учительница заявила, что, если мы не скажем, кто последним играл, урок прекращается. Мы не могли выдать, а у девочки не хватало смелости сознаться. Урок был сорван. Когда, наконец, через пару дней конфликт разрешился и она созналась, учительница многократно повторила, что не может поверить, чтобы такая девочка так могла поступить — играть на уроке.

Другая конфликтная ситуация связана с уходом из школы А. Г. Селезнева.

Коллектив преподавателей был, в основном, женским, а это трудные коллективы. Женщины более завистливы к чужим успехам и категоричнее в оценке взаимоотношений, чем мужчины. Демчинская и Селезнев симпатизировали друг другу. Оба красивые, интересные люди — чего тут удивительного. Но даже просто большее внимание к одной из женщин коллектива уже причина зависти и возмущения остальных. Александр Гаврилович уходит из школы. Нам, конечно, разъяснили, что дело совсем не в этом и причины ухода другие, но мы считали именно так. Мы собрали деньги, купили ему подарок на память как любимому учителю и пригласили в класс, чтобы вручить и попрощаться. А Анну Африкановну, нашу «классную», не пригласили и дверь класса закрыли на палку. Никаких особых секретов у нас не было. Мы говорили о том, как жалеем, что он уходит, а он пожелал нам учиться как следует и сказал, что тоже сожалеет о расставании и только, но весь педагогический персонал прямо вылез из себя, чтобы узнать, о чём мы говорили. Старосту класса сейчас же после окончания нашей беседы вызвали в учительскую, долго «пытали», и она пришла оттуда вся в слезах, поскольку ничего не рассказала.

Новым историком стала Эмилия Николаевна. Она была хорошим преподавателем, и отношения с ней в дальнейшем были отличными, но на первом уроке мы встретили ее «в штыки». Спрашивает первую к доске отвечать урок — не готовилась,

вторую — та же картина, третью — то же самое. Опять срыв урока, опять собрание.

К каждому празднику в школе проводился вечер. Ритуал состоял из торжественной части (чей-то доклад о делах школы), выступления хора, концерта самодеятельности и танцев под духовой оркестр. Хор был принудительно-обязательным. Не будет хора — не будет вечера. Пели и смеялись, не зная слов. Чтобы пригласить мальчиков, мы должны были написать, кто кого зовёт, и отвечать за его поведение на вечере. О пьяных, наркоманах и курящих девочках и речи не было!

Дружили мы с ребятами из 6-й и 22-й школ. У многих из нас там учились братья. Мы тоже бывали в тех школах на вечерах. Что же касается самодеятельности, то талантов хватало. Были играющие, поющие и танцующие. Помню Зину Леванову, сильным низким голосом поющую песню Леля из «Снегурочки» «туча со громом сговаривалась». Стала ли она певицей, не знаю. Отрывок из пьесы Островского ставили ученицы во главе с Юлей Снимщиковой, девочкой с красивой длинной каштановой косой.

Несмотря на отсутствие настоящего спортивного зала, школа была спортивной.

Первое, чему нас учила Зоя Ивановна Евдокимова — ходьбе на лыжах. Стадионом служила Северная Двина. Чтобы скатиться с берега как с горки, забирались без палок до деревянной балюстрады Набережной, разворачивались, держась руками, и съезжали.

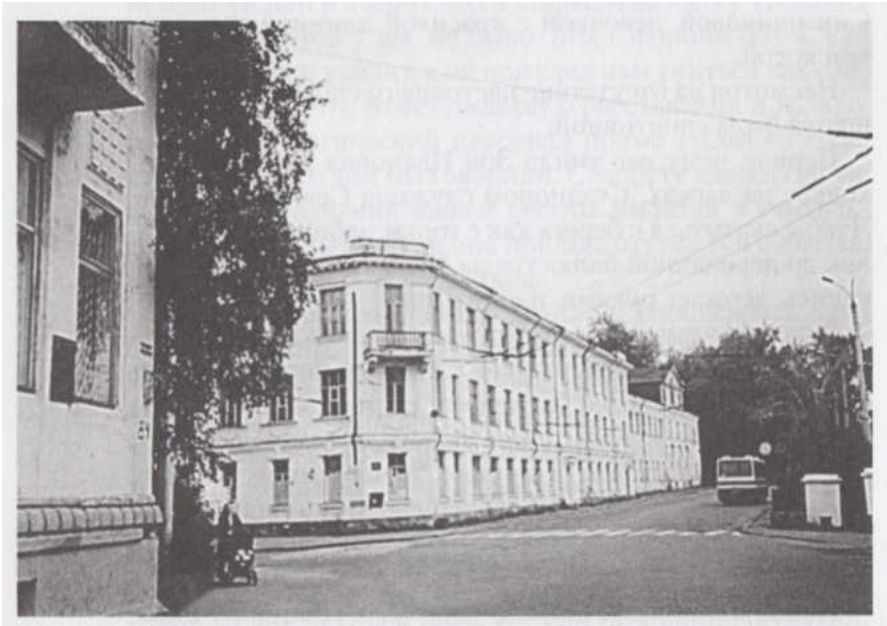
В зале занимались гимнастикой и прыжками в высоту. Зал, переоборудованный из класса, не позволял учить нас игре в волейбол и баскетбол. Их нам заменяла игра «Мяч капитану». Капитаном выбирали самую высокую девчонку. Она стояла в кружке, начерченном на полу мелом, и ловила мяч от игроков своей команды. Азарт игры был так велик, что при отборе мяча дело доходило до драк.

Над школой шефствовало общество «Водник». Работали конькобежная и легкоатлетическая секции, где занятия проводили заслуженные мастера спорта К.А. Котов и В.И. Петров. Были в школе разрядницы по лёгкой атлетике, лыжам, шахматам.

Но общим увлечением школьниц было массовое катание на коньках на стадионе «Динамо».

Мы с Петей начинали учиться кататься на коньках на мосточках напротив дома на Новгородском. На той стороне, где была колонка. Воду носили жители всех домов. Когда шли с полными вёдрами, вода выплёскивалась на деревянные мосточки и образовывалась ледяная дорожка. Коньки были «хаген» или «снегурочка» и привязывались к валенкам. Для этого одна

веревочная петля крепила задник конька к щиколотке. Другая с передней части конька надевалась на носок валенка, их соединяли, закручивали палкой и палку перекидывали на наружную боковую поверхность валенка. Катались от угла Поморской до Володарского. Со временем у нас появились коньки с ботинками. У Петра с «ножами» у меня с «хаге- нами». Ботинки были низенькими, и устойчивость ноги появилась не сразу.



4-я школа. Фотография 2009 года

В дни, когда объявлялось массовое катание на стадионе «Динамо», под трибунами работала раздевалка, буфет, был прокат коньков и даже работала мастерская, где можно было наточить и приклепать коньки. Поле было ярко освещено висящими над ним лампами. Звучала музыка. Катались по кругу, взявшись за руку или двумя перекрещенными руками. Начиналось катание в 6-7 вечера и заканчивалось в 11. Народу бывало очень много. Воистину массовое катание. Удовольствие кататься было очень большим, особенно в тёплую погоду и даже с небольшим летящим мягким снежком. К Новому году на поле устанавливали ёлку. Недолго покатавшись вначале, шла в раздевалку, расшнуровывала ботинки и давала ногам отдохнуть, а потом каталась до конца. Перед окончанием катания начинали предупредительно гасить свет. Раз и два. Потом выключали и свет, и музыку. В раздевалке надевали пальто и валенки и по всей

Павлина Виноградова до Поморской шли домой пешком.

Сначала ходили на каток с подругами и, бывало, там знакомились с мальчишками, которые предлагали «покатать», а к 10-му классу стали ходить целой компанией, в которой были и мои подруги, и Петины друзья. Конечно, были в ту пору и пришедшие на каток похулиганить. Например, захватывали друг друга за талию сзади и ехали, шагая «в ногу» целым поездом. Потом первый резко тормозил, поезд разворачивался боком, участники падали и сшибали медленно катающихся по кругу. Мне так упавший подкатился сзади под колени. Я через него навзничь упала на лёд и гак стукнулась затылком, что потеряла сознание. Пришла в себя, открыла глаза, а надо мной целая толпа стоит. Дома, конечно, ничего не рассказала, опасаясь запрета ходить на каток, лишиться такого удовольствия не хотелось.

Не обошлось в школе без «ЧП» в последние месяцы учебы. В одном из десятых классов обнаружилась ученица, ждущая ребёнка. Парень, виновник события, был «мореходчиком» и не отказывался жениться. Это грозило ему закрытием визы на заграничные плавания. Её немедленно исключили из школы, чтобы не подавала «дурного примера» нам, хорошим. А о ней не подумали, не дали окончить среднюю школу.

Учиться в школе было интересно. Надо только отметить, что многие из нас не задумывались, а кем будут после школы, какую выберут профессию. Современным ребятам приходится задумываться об этом гораздо раньше, чем в 10-м классе. Они ходят на дополнительные занятия в институты и другие учебные заведения, куда собираются поступать. Им нанимают репетиторов. Я, во всяком случае, совершенно над этим не задумывалась, и родители меня не нацеливали. Я даже не задумывалась над тем, что медаль давала возможность поступать без экзаменов.

Училась без особых усилий и вполне могла бы учиться лучше.

Но вот и выпускные экзамены закончены. На выпускном вечере присутствует моя мать. Аттестаты вручает бессменный директор школы Вера Павловна Соловьёва. Начинаются танцы под духовой оркестр, и на первый вальс меня приглашает самый красивый десятиклассник 22-й школы Витя Ерюхин. Танцуем мы с ним и говорим о планах на ближайшее будущее. Окончена школа, окончилось детство. Впереди начало взрослой жизни.

ДОМ ПИОНЕРОВ

Для ребят моего возраста он вновь открыл двери в ноябре 1944 года, после того как в здании перестал работать госпиталь, размещённый в 1942-1943 годах.

Дом пионеров работал и до войны, но у здания была предыстория. В мае 1936 года на углу Павлина Виноградова и Серафимовича было начато строительство Дома изобретателей. Здание спроектировала городская проектная контора, автор проекта Николаев. Через год, в мае 1937 года, в газете «Правда Севера» появляется восторженная заметка о том, что здание уже высится на Павлина Виноградова, и первый в Союзе Дом изобретателей начал свою работу[26]. Изобретателям помогают в оформлении заявок на изобретения, экспериментальные мастерские принимают заказы на изготовление опытных образцов изобретений, в зале демонстрируют тематические кинофильмы.

Театр кукол, бывший Городской дом пионеров, а до того Дом изобретателей. Фотография 2009 года

Одновременно в городе назревал вопрос о строительстве Дома пионеров. Реализация идеи началась с изучения оптимальной доступности из всех районов города, достаточности территории для организации работы на воздухе (спорт, опытные грядки), защиты от шумов центра города. Предполагалось, что Дом пионеров должен располагаться вблизи крупного зелёного

массива и воды и быть украшением города[27]. Строительство намечалось возле Кузнечевского моста. Рассматривались несколько вариантов проекта здания. Проскальзывает сообщение о том, что уже ведутся земляные работы.

Но решился вопрос строительства Дома пионеров гораздо проще. Общество изобретателей закрыли, а здание передали Дому пионеров. Решение было принято в феврале 1938 года, а 30 марта того же года Дом пионеров уже был открыт, причём с пышным празднованием этого события. Прилегающие кварталы и площадь Профсоюзов были празднично украшены и радиофицированы. На площади работала детская ярмарка, был зажжён праздничный костёр.

Организованные в Доме пионеров кружки подразделялись по трем секторам: художественный, производственно-технический и массовый. К художественному отнесены хоровой, драматический, изобразительного искусства, вышивки, балетный. К техническим отнесены кружки фото, радио, авиамодельный, лесотехнический, юного техника и натуралиста. К массовому — туристический и шахматно-шашечный.

К руководству кружками привлечены артисты театра Белов, Бестужев, Медведева, Маркота, постановщик танцев Вульфсон. В 1940 году с ансамблем пионерской песни и пляски работают композитор Кольцов и хормейстер Северного хора Поликин.

Во вновь начавшем работать Доме пионеров были те же кружки, что в довоенном, разве только большее внимание уделяется подготовке радистов, электриков, киномехаников, ведь война ещё не кончилась. В газете публикуются сообщения о радистах, подготовленных в кружке и ушедших на фронт.

Несколько девочек из нашего класса стали ходить в хореографический кружок. Захотелось заниматься в нём и мне. Кружок уже был переполнен, но по просьбе отца руководитель кружка Н.Д. Маркота разрешила мне посещать занятия, подвергнув проверке музыкальный слух и чувство ритма. Для этого она протаптывала дроби, а я должна была повторить. Класс для занятий балетного кружка был на самом верху здания, на четвёртом этаже, и оборудован по-настоящему: станки вдоль стен, зеркала, паркетный пол. В кружок меня привлекло не столько желание стать профессиональной балериной, ведь я знала, что для этого начинают учиться не в 10-11 лет, а потребность научиться красиво танцевать мазурку, полонез и другие бальные танцы.

Походила в кружок я не без пользы, но увлечение балетом было недолгим. Одноклассницы продолжали ходить в кружок, и я видела их позже не раз выступающими в концертах

самодеятельности на проводимых в Доме пионеров вечерах. В Новый год, кроме обычных вечеров, устраивали маскарад. Вспоминаю, как пошла в костюме принца, взятом отцом напрокат в театре, и в маске. Была очень довольна, что никто из одноклассниц меня не узнал. В 1948 году в Доме пионеров начал работать как филиал «Эдисона» кинотеатр, с одним дневным сеансом в 16 часов.

Тот Дом пионеров, в котором теперь кукольный театр, был городским, нынешний, на Набережной, уже не Дом, а Дворец, замышлялся как областной. Если в старом к 1972 году было 100 кружков, то в новом предполагалось 200, вдвое больше педагогов, вдвое больше школьников, которых он сможет принять. Проект был разработан в Москве Центральным научно-исследовательским институтом проектирования учебных зданий. Автор проекта Е. Сеничев. Проектом предусматривался зрительный зал на 600 мест, спортивный зал, плавательный бассейн, планетарий и обсерватория, зимний сад, технические и подсобные помещения в цокольном этаже. Со стороны реки намечалось сооружение спортплощадок и игрового городка для малышей.

Выбор места для строительства областного Дворца пионеров на Набережной мне представляется не бесспорным. Думаю, это скорее дань популистскому лозунгу «всё лучшее детям», чем соответствие упомянутым выше критериям. Были сторонники строительства Дворца в Привокзальном районе, и, может быть, так и надо было бы поступить. А так он стоит на пустынной вечерами Набережной. В этом районе нет жилых домов, и все школьники должны добираться до него транспортом. Большая часть береговой зоны, отданная Дворцу для строительства спортплощадок, не используется, заросла травой и репейниками. Архангельск не Сочи, тепло и солнечно на берегу только 1-1,5 летних месяца, остальное время — холод и ветер. Но как раз в летние тёплые месяцы детей во дворце и нет. За зданием и сбоку расположились ларьки арендаторов. Говорят, что таким образом обеспечивается охрана территории, её уборка и защита здания от хулиганов во время городских праздников, когда при пьянках и драках разбивают витражи.

О новом Дворце пионеров я упоминаю, отчасти, потому, что мне жаль, что его разместили на месте исторического рынка на Поморской. Он перекрыл вид с неё на реку. Идёшь прежде по Поморской и в перспективе видишь громадину судна, идущего словно у самого берега, хотя на самом деле оно на середине реки. А теперь перед глазами «минарет» неработающей обсерватории. Но главное это то, что размещение Дворца пионеров на месте

исторического рынка, вблизи пристаней, подорвало интерес к торговле у местных производителей сельхозпродукции.

КИНО

Кино в пору моего детства принадлежала большая роль. Тогда ещё не было видеомагнитофонов и телевизоров, и кино было любимым развлечением. Посмотреть фильм можно было только в кинотеатре. Новые фильмы появлялись не часто, и особенно понравившиеся смотрели по нескольку раз, благо детские билеты стоили дёшево, наполовину дешевле взрослых.

В 1943 году, когда я начала самостоятельно ходить в кино, в центральной части города было три кинотеатра: «Эдисон», «Арс», «Победа». В Соломбале был кинотеатр «Революция».

«Эдисон» был главным. В нём начинался прокат нового фильма и через «Арс» и «Победу» двигался к «Революции». Если не успевали посмотреть фильм в «Эдисоне», была возможность застать его там.

Здание кинотеатра «Эдисон», о чём мы, естественно, не знали в ту пору, до революции принадлежало упоминавшейся уже Плотниковой. Оно было построено в 1908 году как электростанция при усадьбе Плотниковой и вместе с двумя электростанциями Якова Макарова и электоростанциями «немцев» работала и на центральную часть города[28].

В 1914 году Плотникова переоборудовала электростанцию в кинотеатр «Эдисон» на 500 мест с прекрасным буфетом от ресторана Минаева. Этот электротеатр (так сначала называли кинотеатры) был крупнейшим не только в Архангельске, но и на всём Севере Европы. Норвежцы приезжали в Архангельск, как они говорили, в «Северный Париж», за тем, чтобы прогуляться по магазинам, погулять в ресторанах и посетить «Эдисон»[29].

Зал «Эдисона», несомненно, претерпел изменения в оформлении со времён Плотниковой, но среди других кинотеатров был наиболее приспособленным для показа фильмов. Пол в зале имел подъём к задним рядам, обеспечивая хорошую видимость с любого места. Хорошо было видно экран и с мест на балконе, но любимыми рядами были двенадцатый, после прохода поперёк зала к боковым выходам, и первый ряд балкона, где перед тобой не сидел никто. Экран размещался над сценой. Справа от него стояла скульптура лётчика в рост человека, а слева — моряка.

Кассы располагались в одноэтажном здании напротив входа в кинотеатр. Билеты нужно было покупать заранее, и нередко приходилось постоять в длинной очереди. Перед сеансом за 15 минут в продаже появлялись билеты из «брони», но на них трудно было рассчитывать. Бронирование билетов существовало для

высокопоставленных лиц, военных и моряков загранплавания.

Первоначально демонстрировались немые фильмы, сопровождаемые игрой на фортепьяно, музыкой, созвучной сюжету кадров, а какое-то время даже струнным оркестром под управлением А.С. Литвяка.

«Звуковой» Эдисон открылся 24 ноября 1931 года показом фильма «Одна» с музыкой Шостаковича. Праздничное оформление кинотеатра к этому событию выполнил художник А. В. Казаков. В 1935 и 1937 годах звуковая аппаратура заменялась «новейшей, по последнему слову техники».

Мои первые воспоминания о кинотеатре связаны с фильмом «Подкидыш». Мне около 5 лет, сижу на коленях у матери. Постепенно фильм наскучил. Слезаю с колен и начинаю ходить по проходам в полутёмном зале. После этого «сеанса» меня в кино долго не брали.

Идущие в кино обычно встречались около входа в кинотеатр на улице или маленьком коридорчике при входе. После прохода через контролёра зрители оказывались в узком помещении, прямо из которого был вход в фойе перед зрительным залом, а направо лестница на балкон и в буфет, где бывали вафли, конфеты, мороженое и лимонад.

Перед сеансами в фойе на первом этаже играл оркестр. В мае 1934 года здесь играл вновь созданный джаз-оркестр под руководством М.М. Аренсона. Приглашались на выступления перед сеансом и заезжие артисты. Выступали артисты Ленинградского госцирка, этнографический цыганский ансамбль под руководством Е.И. Орловой.

В мою бытность в фойе играл оркестр под руководством Игоря Роскова. С оркестром выступали певицы Жанна Казакова и Валентина Скрылёва. Конферировал программу и выступал с «художественным словом» Сергей Казаков. В репертуаре оркестра были арии и музыка из оперетт, популярные, модные в ту пору песни и, конечно, песни и музыка из новых, идущих на экране кинофильмов. Послушать выступление оркестра и съесть мороженое перед началом фильма было почти ритуалом.

Директором кинотеатра долгое время работал Дмитрий Степанович Попов. Благодаря его творческому подходу к делу «Эдисон» был привлекательнее других кинотеатров. Именно Попову принадлежит инициатива создания оркестров кинотеатра, проведения в кинотеатре весенних ночных танцевальных вечеров, фотовыставок в фойе, иллюстрирующих важнейшие события в стране. В фойе перед балконом на втором этаже была создана комната отдыха с газетами и журналами.

Попов публиковал анонсы новых фильмов в газете «Правда

Севера», репертуарные планы на дни школьных каникул, организовывал тематические фестивали фильмов, практиковал показ хроникально-документальных фильмов перед художественным.

В послевоенную пору борьбы с космополитизмом в 1951 году «Эдисон» переименовали в «Север».

Кинотеатр «Арс» находился на углу Петроградского проспекта и улицы Пролеткульта (теперь — Попова), торцом к Петроградскому. Он был построен в 1918 году, т. е. в годы Гражданской войны, как миниатюр-театр Баранова[30] (чего мы опять-таки в годы моего детства не знали) и то, что он предназначался не для кино, ощущалось — со многих рядов видно было плохо. Другим недостатком было неудобство мест. Не помню, во всех ли рядах, но в части их были длинные деревянные диваны, поделенные чёрточками на отдельные места, а не отдельные сиденья и, если попадал между двумя толстыми взрослыми соседями, то положение было незавидным. Гораздо хуже, чем в «Эдисоне», осуществлялся и показ фильмов. Обрывалась лента, пропадал звук, на что зрители реагировали свистом и топотом ног. Балкон неприятно низко нависал над третью зала. Достоинством кинотеатра было только то, что билеты почти всегда можно было купить перед началом сеанса. Зал был большим и редко заполненным.

Здание кинотеатра «Север» фотография 2006 года, (бывший Эдисон)

Кинотеатр «Победа» располагался в здании Архангельской филармонии. У этого здания сложная история. Оно неоднократно передавалось от одной организации другой, и зал менял название.

Первое сообщение о кинотеатре в этом здании появилось в газете «Правда Севера» в марте 1934 года[31]. Открылся он в качестве кинотеатра Крайисполкома. Заметка была полна восторженных слов о прекрасной отделке фойе и зала. В кинотеатре есть читальный зал, уголок отдыха, раздевалка, как нигде в кинотеатрах. Пока взрослые смотрят кино, пришедшие с ними дети с массовиком и пианисткой разучивают игры и песни. Зал предполагалось использовать также для проведения концертов.

Кинотеатру присвоили название «Ударник», но основное назначение зала было всё-таки не для кинотеатра. Здесь проводились сессии областного, городского, районного Советов депутатов, собрания крупных партийных организаций, торжественные собрания общественности. Здесь же проводился тираж всесоюзного займа, встреча с челюскинцами, отмечали юбилеи С.Г. Писахова и народных сказительниц М.С. Крюковой и М.Р. Голубковой. В этом зале проходили концерты, спектакли театров оперетт и даже сельхозвыставки.

Кинотеатр «Ударник, затем — «Победа» и филармония

В июле 1936 года зал кинотеатра «Ударник» был передан созданному театру музкомедии «Ударник». Зал был перестроен, увеличен размер сцены. Этот театр просуществовал до января 1938 года. С июля 1941-го зал считается кинотеатром «Победа». С января 1944-го года зал стал в большей степени принадлежать филармонии и именоваться в объявлениях как «Концертный зал Севгосфилармонии».

Однако во все времена зал работал как кинотеатр только в свободные от других мероприятий дни. Раздевалка при проведении сеансов не работала. На дневных сеансах ощущалось недостаточное затемнение окон белыми шёлковыми занавесками, и в последние годы работы зала перед сносом окна были заколочены листами покрашенной фанеры, в фойе уже не было красивых высоких зеркал. Но показ фильмов был не хуже, чем в других кинотеатрах.

Рассказ о кинокартинах начну, конечно, с детских: «Волшебное зерно», «Кощей бессмертный», «Василиса прекрасная». Они, может быть, уж не так привлекательны для детей нового поколения, какими были для нас, но мы смотрели их бессчётное число раз. Новые фильмы появлялись не так часто, и мы помнили все их названия. Была у нас детская игра за столом, в которой побеждал тот, кто написал больше названий фильмов, начинающихся на заданную букву. Такие фильмы, как

«Тимур и его команда», «Белеет парус одинокий», «Золушка» не могут устареть — так хорошо они сняты по книгам.

Из довоенных фильмов в памяти «Цирк», «Волга-Волга», «Музыкальная история», «Моя любовь». В них снимались Утёсов, Лемешев, Марецкая, Макарова, Фёдорова. С удовольствием смотрим эти фильмы и теперь. Большим успехом у ребят пользовались революционные боевики «Котовский», «Зигмунд Колоссовский», «Чапаев». Бурей возгласов встречал зал появление красной конницы и героев в нужный час в нужном месте!

Наше поколение было в числе первых зрителей новых фильмов с М. Жаровым и Л. Целиковской в главных ролях: «Близнецы», «Сердца четырёх», «Антон Иванович сердится», «Воздушный извозчик». Не меньше нравились нам «Первая перчатка», «Поезд идёт на восток», «В 6 часов вечера после войны», «Жди меня». Нашими кумирами были Е. Самойлов, В. Серова, Л. Смирнова, П. Кадочников, В. Володин. Все фильмы были музыкальными, с песнями, быстро ставшими популярными, с какими-то меткими выражениями, используемыми нами потом в жизни, типа «Еропкин сказал — значит всё» или название одежды «упаковкой». С не меньшим интересом смотрелись исторические фильмы: «Кутузов», «Адмирал Нахимов», «Петр I».

Не могут устареть, стать неинтересными экранизации пьес «Школа злословия» с М. Яншиным и О. Андровской в главных ролях, «Без вины виноватые» с красавицей А. Тарасовой и В. Дружниковым, «Маскарад» с Макаровой Т. и Н. Мордвиновым в роли Арбенина, «Бесприданница», которую не затмит фильм, поставленный Э. Рязановым.

Что касается зарубежных фильмов, то впечатление от некоторых не оставило в памяти ничего, кроме названия. Например, «Очарован тобой». Но такие как «Большой вальс», чаплинские фильмы, «Серенада солнечной долины» с оркестром Гленна Миллера и олимпийской чемпионкой Соней Хени — нравились тогда и не меньше нравятся сегодня.

Кинотеатры очень следили за нашей нравственностью. Дети до 16 лет на взрослые фильмы не допускались. Мы с братом по возрасту различались на год, но он был высоким и смотрелся старше своего возраста, а я была маленькой и тонкой, не тянула на свои 14-15. Помню, что на фильм «Девушка моей мечты» с купюрами, которые делали его пригодным для просмотра младенцами, мне пройти не удалось. В кинотеатр пришли Пётр с приятелями и я с подругой. Купили билеты, простояв в очереди. А потом парней пустили, а нас — нет. Петя остался около контролёрши уговаривать, чтобы нас пустили, и уговорил, но мы с подругой уже не рассчитывали на это и продали билеты.

Посмотрела фильм лишь год спустя.

В полном восторге мы были от полнометражных диснеевских фильмов «Бемби» и «Белоснежка и семь гномов».

Из отечественных фильмов военной тематики большое впечатление оставили «Она защищает Родину», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке» и «Рим — открытый город» — из итальянских.

На премьеры фильмов собирался весь цвет города. Это было традицией.

Обо всех событиях, происходящих в стране, мы узнавали по радио. Увидеть происходящее глазами давали хроникально-документальные фильмы. С некоторого времени они стали предшествовать началу художественного фильма. До сих пор помнится музыка, которой открывались журналы «Новости дня» и «Наш край». «Новости дня» рассказывали о событиях на фронтах и в стране, а «Наш край» — о происходящем в северных городах. Если повезёт, можно было увидеть, например, свою школу на майской демонстрации, а то и себя в колонне.

Можно только удивляться, насколько быстро производились съёмки хроникальных фильмов типа «Боевых киносборников» об освобождении наших городов, городов Европы, взятии Берлина. О качестве натурных съёмок можно судить по тому, что документальному фильму о разгроме немцев под Москвой был присуждён «Оскар».

После окончания войны демонстрировалось много трофейных зарубежных фильмов: «Дитя Дуная» с Марикой Рокк в главной роли, «Сестра его дворецкого», «Зорро», «Лунная долина», «Роз-Мари», «Тарзан», «Индийская гробница», «Мост Ватерлоо». Смотреть их мы ходили в «Арс» на ночной сеанс, который начинался в 12 часов ночи. Ходили большой компанией и после возвращались домой по Новгородскому, белой ночью, по спящему пустынному городу, громко обсуждая просмотренный фильм.

ТЕАТР

Интерес к театру возник у меня рано. Нравилось читать пьесы. Но одно дело представлять героев в воображении, гораздо интереснее увидеть их в сценическом воплощении. По моей просьбе отец начал брать меня на вечерние взрослые спектакли, когда мне было 7-8 лет. В спектаклях того времени не было «постельных» сцен и ужасающих сцен драк и насилия. Спектакль мог показаться скучным, можно было что-то не понять в серьёзных разговорах героев, не оценить остроту, но не нужно было бояться, что будет показано то, что не следует видеть ребёнку моего возраста.

Первое время я смотрела спектакли из оркестровой ямы, сидя на маленькой скамеечке у ног отца. Было интересно наблюдать, как оркестр готовится к началу спектакля. Вот двое-трое заняты своими разговорами, кто-то разбирает и устанавливает на пюпитр свои ноты, другие настраивают инструменты. Отец напоминает кому-то о каких-то тактах. Потом слышен звонок. Отец встаёт, стучит дирижёрской палочкой о пюпитр и поднимает с ней руки. Начали. А дальше меня захватывает действие на сцене и уже не обращаешь внимания на музыкантов. Музыка звучит в нужном месте, певцы поют согласованно с оркестром — всё как надо.

Только теперь понимаешь роль дирижёра театрального оркестра. Он практически ведёт спектакль. Музыка в сценах и между картинами, пение артистов — всё должно быть согласовано с действием. Работа требует мастерства, а ведь отцу, когда он стал заведующим музыкальной частью театра, руководителем и дирижёром оркестра, было только 27 лет.

Подрастая, освоившись в театре, я уже смотрела спектакли то из-за боковой кулисы, сидя на поставленном для меня стуле, то из ложи над сценой, то из ложи осветителя, то со свободных мест партера в зрительном зале. Занятно видеть, как сменой фильтров осветитель меняет на сцене день и ночь и яркость картины. Во всех случаях я была близко к сцене и постигала секрет, что вблизи особенно видна хорошая игра артиста, когда забываешь, что это игра. Один и тот же спектакль нравилось смотреть несколько раз. Первым таким спектаклем оказался «Забавное приключение» К. Гольдони. В репертуаре театра были спектакли, уже знакомые по московским радиопостановкам. Это «Машенька» А. Афиногенова и «Таня» А. Арбузова с первой исполнительницей роли Тани Марией Ивановной Бабановой. Но, как говорят, «лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать», и спектакли в театре смотрелись с неменьшим интересом, хотя сюжет уже был знаком.

К зимним каникулам для детей старшего возраста театр ставил пьесы соответствующего плана: «Сын полка», «Хижина дяди Тома», «Её друзья», «Аленький цветочек» и устраивались танцевальные вечера. Для малышей проводились новогодние ёлки.

Оркестр Большого театра. В центре — мой отец

Пригласительные билеты со штампом «подарок» выдавали родителям на работе. В театр мы с Петром шли одни, без взрослых, и главной заботой было не потерять номерок из раздевалки и билет со штампом «подарок».

Сначала у ёлки в фойе на втором этаже Дед Мороз играл с ребятами. Дети читали стихи, плясали, водили хоровод вокруг ёлки, затем действие переносилось в зал, и начинался спектакль с приключениями Снегурочки и лесных зверей. Зал хором призывал ёлочку зажечься или предупреждал Снегурочку об опасности. После представления из окошечек рисованных избушек в фойе мы получали заветный подарок — пакет с конфетами, мандаринами и печеньем. Придя домой, мы с Петей прежде всего сравнивали подарки. Убедившись, что всё одинаково, сортировали свои «сокровища» на жевательные и сосательные.

Приходя в театр с отцом на вечерний спектакль, мы обычно снимали пальто в кабинете администратора на первом этаже в коридоре справа от общих раздевалок или в помещении дирекции

на втором этаже над кабинетом администратора. В антрактах и по окончании спектакля в дирекцию заходили артисты, нередко в гриме, если это был антракт, художники и режиссёры. Я много раз видела вблизи Н.К. Теппера, А.Н. Кудермана, С.Н. Бестужева, Б.И. Горшенина, В.Н. Соловьёву, З.Х. Славину, Н.В. Ситникова, З.А. Вульфсона (Зигу, как его называли), администратора Я.С. Бродавко, чья дочь училась со мной в одной школе, но классами старше. У неё была шапка необыкновенно густых волос и странное прозвище, которое ей дали дети артистов «Жафоська, фоська, фа». Н.К. Теппер вспоминается, как человек, очевидно, по первому впечатлению, в безрукавке на меху и белых фетровых бурках, какие обычно носили хозяйственники.

Некоторые артисты и музыканты были мне знакомы по Новгородскому. В хозяйской половине нашего дома долгое время снимал комнату Дмитрий Сергеевич Алексеев с женой Татьяной Михайловной и дочкой Ирой. В доме напротив нашего жила семья артиста С.А. Лобанова. Он, жена и дочь составляли красивое трио, когда выходили из дома вместе. Они невольно привлекали к себе внимание. Дочь Наташа выглядела как кукла: хорошенькое лицо, светлые длинные волосы локонами и нарядное платье с оборочками. В доме соседнем с лобановским (Новгородский, 103) жила семья пианиста театрального оркестра Н.К. Шатрова. Его дочери Вера и Надя были участницами наших игр.

Многие артисты театра тогда жили в здании театра. Окна их картир выходили на реку. В театре жили С.Н. Бестужев, директор театра Н.В. Ситников. Помню, как в антрактах я бегала по лестницам с Тамарой Ситниковой, дочерью директора, заходила к ней в комнату знакомиться с её куклами и ещё, в какую-то большую комнату, где стол рояль и на полу была разостлана большая шкура белого медведя с головой.

В дирекции велись разговоры, и мне было занятно, что отца называли Петей, без отчества.

Вид Большого театра с Набережной. Фотография 1970-х годов

Отец начал работать в театре в 1931 году и в период до 1942 года, до того времени, с которого я стала завзятой театралкой и пересмотрела, наверно, все без исключения спектакли, оказался мне совсем неизвестным. В памяти живы воспоминания о многих увиденных спектаклях, но впечатления оставили скорее сюжеты пьес и игра актёров. С уровня моего возраста трудно было оценить постановку спектакля во всей полноте, и поэтому теперь я заинтересовалась оценкой критиками работы постановщиков спектакля, художников и, конечно, музыкального оформителя. Я пересмотрела все рецензии и публикации о спектаклях с 1931 по 1952 год в газете «Правда Севера».

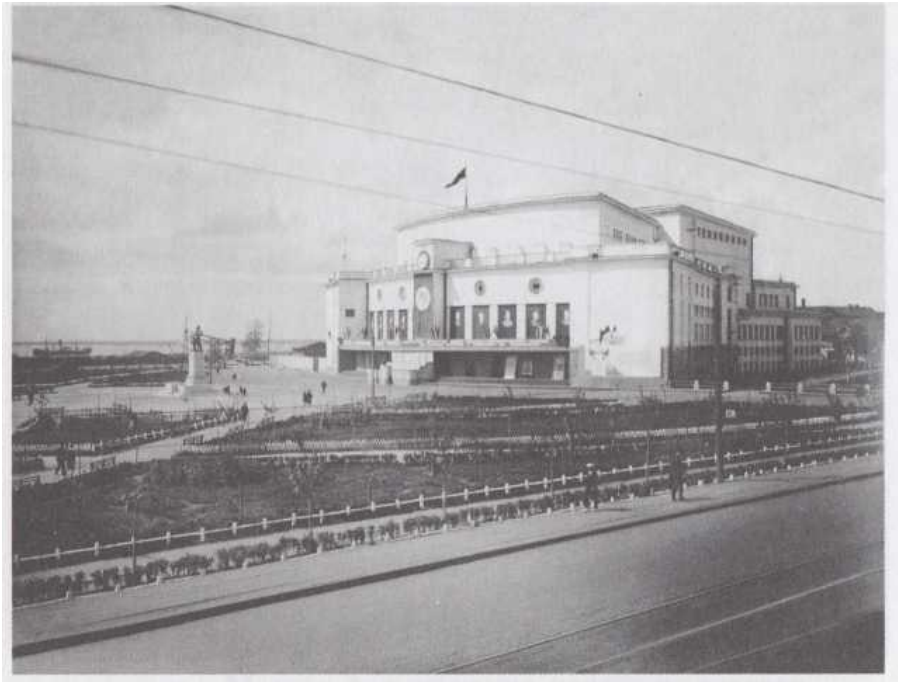
Первое, на что наткнулась, начав просматривать старые газеты — история строительства здания театра. Она увлекла меня с такой же остротой, какая возникает при чтении детективного романа с динамичным сюжетом.

История начинается с заметки «К годовщине Октября в Архангельске будет построен новый театр»[32]. Руководство Северного края пришло к выводу, что в городе нет здания с залом на 1000 и более человек для проведения массовых общественных и зрелищных мероприятий и, не откладывая дело в долгий ящик, решило немедленно начать строительство. Был создан оргкомитет, в который вошли представители Крайплана, КрайСНХ, архитектор Аришев, Стройобъединение, коммунотдел. Комитету было дано задание к 7 ноября (XIV годовщине

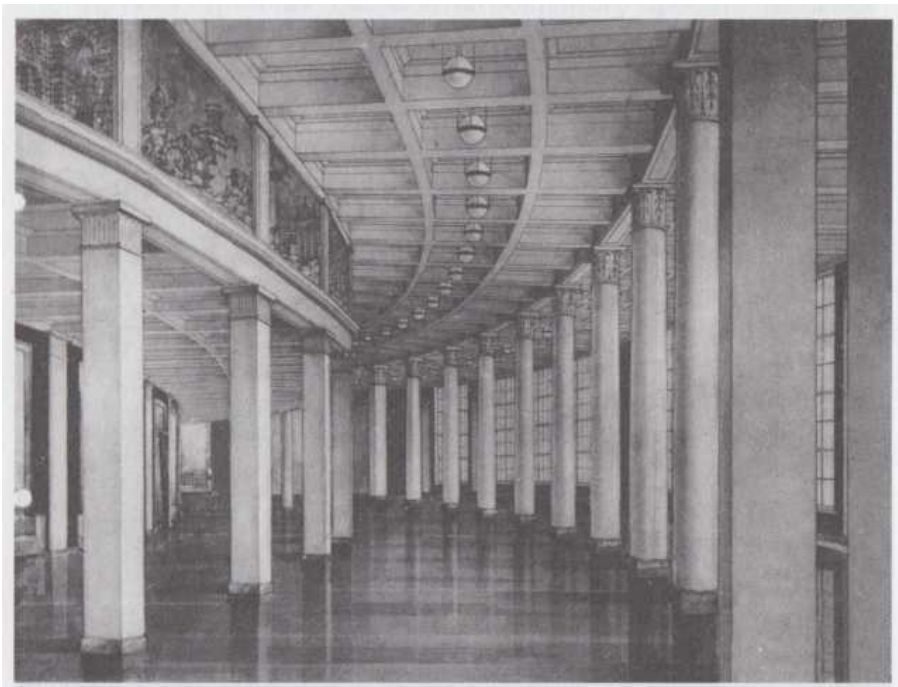
революции) 1931 года построить капитальное каменное здание театра на 1300-1500 мест.

Возведение здания театра не предусматривалось планом строительства на текущий год, в бюджете не было на него средств, не было строительных материалов. Поэтому было решено привлечь к материальному участию профсоюзы, общественность, изыскать кредиты, часть средств взять из бюджета, строительные материалы найти путём перевыполнения плана их производства, в первую очередь на архангельских кирпичных заводах, а также за счёт рационального использования кирпича на других стройках. Разработка эскизного проекта была поручена архитектору Аришеву. Строительство будет вести Стройобъединение, при котором создаётся специальная ячейка. Северному представительству в Москве поручено провести переговоры с соответствующими организациями об оборудовании для сцены. УЗП (Управление зрелищных предприятий) уже представило свои соображения по этому вопросу. По его мнению, сцена должна быть вращающейся, приспособленной для постановки современных пьес больших массовых действий. Продумывались вопросы очерёдности возведения частей здания. Предполагалось строительство начинать со сцены. Часть её оборудования придётся приобрести за рубежом. Для сцены потребуется сухой пиломатериал длительной естественной сушки. На оснащение сцены отводилось 3-3,5 месяца. Обсуждался вопрос и создания противопожарного металлического гофрированного занавеса. Был назначен ответственный за сцену, которого предполагалось позднее заменить специалистом из Москвы.

На строительство здания грандиозных по тем временам размеров отводилось всего 8 месяцев! Напряжение сил на стройке было таким же, как у комсомольцев на строительстве железной дороги в романе Николая Островского «Как закалялась сталь».



Большой театр. Фотография 1930-х годов



Большой театр, фойе на втором этаже. Проект конца 1930-х годов

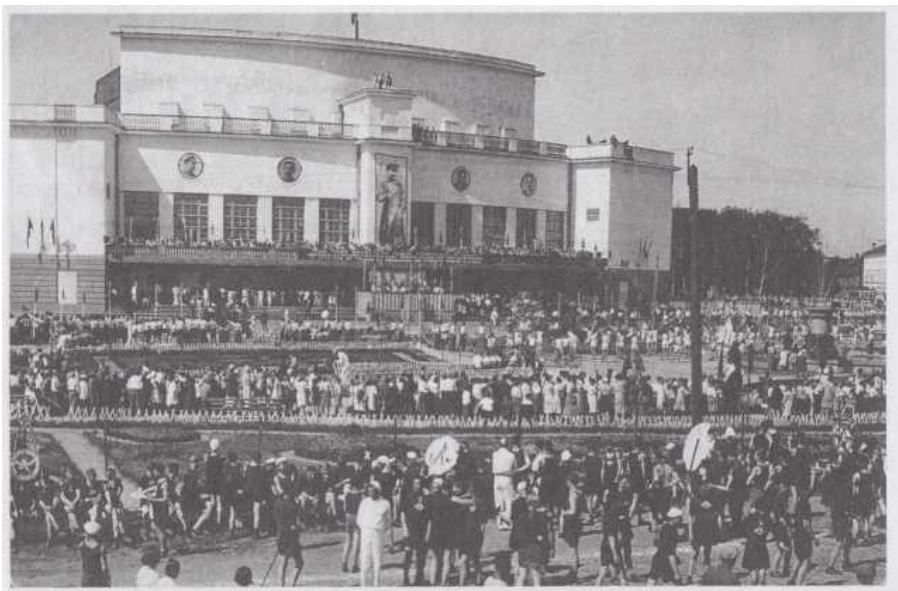
Бытует мнение, что кафедральный собор снесли специально, чтобы на этом месте строить здание театра. На самом деле, как можно судить по публикациям того времени, прямой связи между этими событиями не было. Та же «Правда Севера» писала, что «вопрос о месте театра не решён», что предполагались три места: площадь, где находится Кирха; площадь имени Октябрьской революции (возникшая на месте снесённого собора) или на месте Рождественской церкви (угол Театрального переулка и проспекта Павлина Виноградова). Ее уже разбирали «из- за трещины, грозившей обвалом всего здания»[33].

Автор проекта Аришев поначалу считал самым удачным первый вариант. Правда, главный фасад на улицу Карла Маркса потребует пространства и большого сноса, но зато задняя, как говорил он, «некрасивая часть здания», будет прилегать к существующим постройкам; боковые фасады будут выходить на Набережную и проспект Павлина Виноградова. Аришев был убеждён, что если здание театра расположить на Октябрьской площади, то будет потеряна единственная в городе большая площадь, да и вид здания с реки не украсит панораму города.

И всё-таки театр решили строить на Октябрьской площади, фасадом к Карла Либкнехта, но разместить его так, чтобы около 25 тыс. кв. м площади осталось свободной[34].

К 15 марта Аршиев заканчивает эскизный проект и выезжает в Москву для изучения новейших театров и опыта их строительства. Тем временем Стройобъединение, которому было поручено строительство, приступило к заготовке необходимых материалов и подбору рабочей силы. Большое количество бутового камня даст разборка фундамента полуразобранного Михайло-Архангельского монастыря на Смольном Буяне. Начата заготовка бутового камня и извести в Орлецах. С открытием навигации они будут доставлены к месту строительства.

Не успев появиться, Большой театр стал общественным центром города



Главный фасад театра был задуман как фон уличным действам, вытянутый балкон служил трибуной. Фотография второй половины 1930-х годов

Балкон театра — главная праздничная трибуна. Первомайский парад

Участники спектакля «Любовь Яровая»

Работа стройбюро ведётся под лозунгом «Даёшь подлинно большевистские темпы на строительстве». Выполнен ряд подготовительных работ. Построены столовая, кладовая.

Достраиваются контора и общежитие на 700 мест. Началась кладка стен. На стройке работают 130 каменщиков, но только 20 из них квалифицированные, остальные — ученики. Каменщики разделены на 10 бригад. Две из них сделаны хозрасчётными. Они выкладывают в день в среднем по 200-300 кирпичей на человека (это мало по сравнению со всесоюзным рекордом — 3,5 тысячи). Другие и с этим не справляются. Для выправления ситуации на хозрасчёт переводят все бригады. К работе приступают бетонщики и арматурщики.

Для поднятия боевого духа строителей первую «вылазку» на стройку делает бригада профсоюза работников искусств. В её составе представители всех цехов театра: художник, режиссёр, рабочие сцены, осветитель, актеры и представитель краевого отдела работников искусств. Бригада артистов в обеденный перерыв даёт концерт строителям.

Оставалось меньше двух месяцев до срока, установленного для завершения строительства. Газета призывает строителей «Удесятерить темпы строительства». Но на стройке совершенно нет кровельщиков, не хватает плотников. Ещё остаются работы по внутренней отделке. И, наконец, апофеоз героических усилий: оргкомитет строительства городского театра извещает, что 7 ноября в театре состоится торжественное заседание рабочих строителей с участием общественных организаций. По окончании торжественного заседания будет дан большой концерт. «Правда Севера» пишет: «Ещё накануне с вечера площадь была готова принять тысячи демонстрантов. Театр готов. Сегодня он освещён сотнями точек-лампочек. Балкон над входом украсили красные полотнища, говорящие о победе на хозяйственном фронте»[35].

Конечно, здание театра было готово «полуфабрикатно». Вскоре появляется заметка о том, что для окончания стройки требуется ещё 715 000 руб., что на строительстве театра продолжают работать 550 человек. Внешняя отделка и благоустройство площади будут завершены летом 1932 года, что в декабре должны закончиться штукатурные работы, покраска фойе, механизация сцены, проводка электричества, парового отопления, меблировка помещений. Видимо, с этого времени в Архангельске берёт начало порочная практика принимать строящиеся объекты с недоделками, приурочивая завершение строительства к праздничным датам.

В 1932 году зал нового театра используется эпизодически. В январе в нем проходят концерты солиста московского ГАБТ Ивана Бурлака, затем — III краевая конференция большевиков. «Партер, амфитеатр, балкон, ложи заполнены делегатами...». Значит, театр уже в таком состоянии, что это возможно. В марте — гастроли

Московского художественного театра балета Викторины Кригер, в мае — столичного мюзик-холла, в июне — гастроли Театра музкомедии, в августе 1932 года в здании театра проходят гастроли Ленинградского театра оперетты. В газете появляется критическая заметка Л. Ивич «К гастролям оперетты в Архангельске»[36]. Автор пишет: «Нигде и никому не разрешалось превращать театр, добавим — новый архангельский театр, являющийся одним из лучших провинциальных театров СССР, в храм отдыха и полного забвения окружающего, что в действительности приводит к протаскиванию враждебной идеологии. Это грубейшая ошибка Управления УЗП, которую необходимо немедленно исправить, сняв с репертуара все эти Сильвы, Марицы ... и им подобные произведения...».

Чувствуется, что у труппы нашего театра с выбором комедийного репертуара будут сложности. Кстати, называя архангельский театр лучшим провинциальным, Ивич, конечно, имел в виду только здание.

Просматривая газету за газетой, ищу и не нахожу объявлений о наборе артистов, художников, рабочих сцены, закупке реквизита, но вот заметка о том, что оформлением открывающейся в сентябре колхозной ярмарки заняты художники Большого театра КиКа.

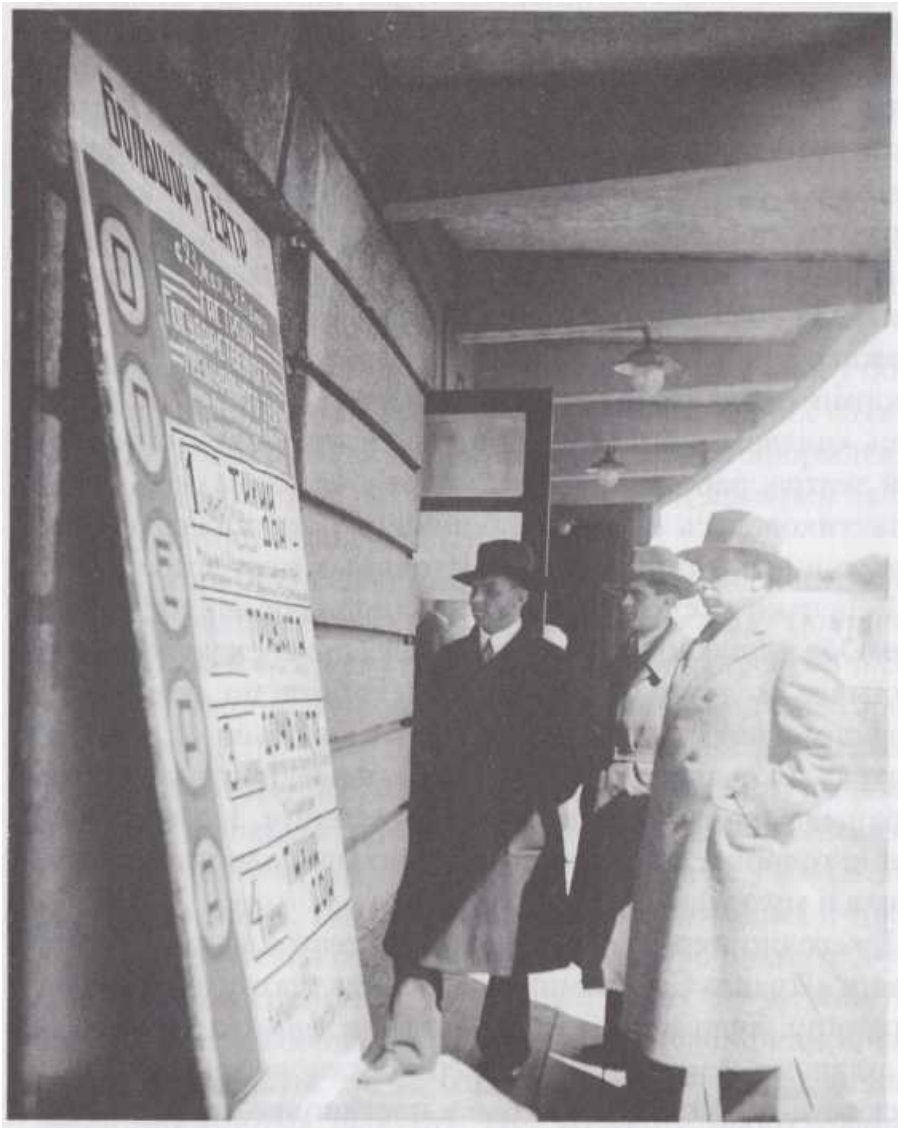
В октябре появляется заметка «Закончить достройку и оборудование точно в намеченные сроки». Большой театр должен открыть сезон 20 октября. Директор УЗП Н.В. Ситников, ставший вскоре первым директором театра, пишет в газете о том, что общее представление, что театр готов, абсолютно неверно, что в таком положении, как сейчас, в театре начинать спектакли нельзя[37]. Не закончен монтаж отопления, дренажные работы выполнены на 50%. Во время дождей вода попадает в трюм сцены, образуется озеро стоячей воды, что препятствует ведению под сценой строительных работ по устройству сцены и вращающегося круга. Есть квалифицированные специалисты, но не хватает 60-70 человек неквалифицированных рабочих. Нет нужного оборудования и материалов. Но всё-таки здание театра в Архангельске уже построено. У него зрительный зал на 1800 зрителей, оркестровая яма, суфлёрская будка, сцена с продольной осью 29 м, с поворотным кругом диаметром 11,75 м. На сцене сложное электрохозяйство.

В дальнейшем зал совершенствуется. Проводятся работы по улучшению акустики зала. Потолок обивается мягким материалом, под который подкладывается вата. Меняется световое оформление, приобретена новая аппаратура для освещения сцены.

Премьера первого спектакля состоялась 27 октября 1932 года. Это была пьеса А.М. Горького «На дне» (режиссёр-постановщик К.Т. Бережной, художник- оформитель А.Ф. Холодков). Первые спектакли делались «целевыми» для ударников лесоэкспорта, строителей театра, работников Баскомвода, Осоавиахима и т.д. Практиковалась продажа абонементных книжек и абонирование предприятиями постоянных мест в зале.

Рецензий на спектакли первого сезона появилось всего две. Обе написаны Л.Ивич. Первая — на спектакль «Егор Булычев и другие» Горького[38]: «Работа по режиссуре и оформлению, «выходящая из рамки обычной работы театра». Вторая рецензия на спектакль «Девушки нашей страны»[39] отмечает бедность оформления. Но в заключение говорится, что пьеса «пропитана радостью, полна смеха и музыки».

Ежегодно перед началом нового театрального сезона газета «Правда Севера» предоставляла театру всю третью страницу. Художественный руководитель театра делился планами на сезон. Режиссёр-постановщик премьеры рассказывал о своём подходе к постановке, об артистах, занятых в спектакле. Артисты, в свою очередь, рассказывали, как работают над ролями. Нередко публикация о премьере печаталась и в день спектакля. Через какое-то время появлялась ещё и рецензия на него.



У театральной афиши

Основываясь на этих материалах, приведу пример работы режиссёров и артистов над несколькими интересными спектаклями. Один из первых спектаклей, поставленных на архангельской сцене Н.К. Теппером, «Гибель эскадры» А. Корнейчука (1934 г.), художник-оформитель Г.А. Белоуско. Артисты знакомятся с подлинным приказом Ленина о затоплении флота, фотографиями настоящих участников этой исторической драмы. В фойе театра для зрителей организуется выставка, на которой представлены фотографии, документы и портреты артистов в ролях пьесы. В рецензии С. Белякова этот спектакль отмечен как «удачное, многообещающее начало сезона»[40].

В том же году был поставлен спектакль по пьесе Гольдони «Слуга двух господ» (реж. постановщик И. И. Азров, художник Б. А. Альмединген). Режиссёр собирает материалы об эпохе Карло Гольдони, Венеции XVIII века, проникается смыслом и значением пьесы. Спектакль строится на музыке итальянских мастеров XV-XVII столетий. Вводится несколько музыкальных номеров. Текст дословно переводит с неаполитанского профессор ленинградской консерватории В.И. Павлова-Боровик, а в стихотворную форму обрабатывает поэт Б. М. Зубакин. Спектакль начинается с танцевальнопантомимической интермедии. И опять в фойе для зрителей организуется выставка собранных материалов и портретов артистов в ролях. Рецензент С. Беляков говорит о спектакле как о «красочном и интересном. Роли сыграны с большой выразительностью»[41].

В 1940 г. Е.А. Простов поставил пьесу А. Каплера и Т. Златогоровой «Ленин в 1918 году». Для вдохновения он посетил музей Ленина в Москве. Артист А.М. Боздаренко, играющий роль Ленина, не только посетил музей в Москве, а изучал произведения Ленина, слушал записи его речей на патефонных пластинках. Зрителем спектакль был оценен как «спектакль большого общественно- политического значения». Критик К. Саянский назвал его «лучшим в творческих победах театра»[42].

Интересна работа Л. Иоста над спектаклем «Полководец Суворов» по пьесе Бехтерева и Разумовского в феврале 1941 года. В театре для артистов проведена теоретическая творческая конференция с докладами «Суворов и его эпоха», «Суворов и Красная Армия», режиссёр Л. Иост рассказывает об основных принципах постановки пьесы. Лекцию о приёмах военных действий Суворова и его тактике прочёл старший батальонный комиссар М. П. Беликов. Показанный спектакль признан рецензентом Б. Пономарёвым «новой творческой победой коллектива театра»[43].

В некоторых случаях успешной работе режиссёра способствовало участие авторов пьес: А. Копылова — одного из авторов «Павлина Виноградова» (1940), полярного лётчика — героя М.В. Водопьянова, автора «Вынужденной посадки» (1940), Ю. Германа — «За того, кто в пути» (1943) и «Белое море» (1944), К. Симонова, при постановке спектакля «Русские люди» (1942).

В апреле 1935 года архангельский театр в первый раз посетила бригада Наркомпроса. После просмотра спектаклей «Гибель эскадры», «Маскарад» и «Бешеные деньги» последовал отзыв о наилучших впечатлениях от помещения, квалифицированной режиссуры и хорошего коллектива артистов: «Еще 2-3 таких спектакля, и работы театра смело можно

показывать в Москве», — делают вывод столичные специалисты.

В 1937 году театр получил приглашение Всесоюзного комитета по делам искусств участвовать в смотре горьковских пьес и показал на московской сцене спектакли «Дачники», «Последние» и сверх программы «Анну Каренину», «Бориса Годунова» и «Оптимистическую трагедию». Репертуар, привезённый театром, не встретил никаких возражений со стороны принимающей репертуарной комиссии. Указанные мелкие недостатки в оформлении «Анны Карениной» удалось быстро исправить.

Показ горьковских, да и не только горьковских, пьес в Москве прошёл с громадным успехом[44]. Большой интерес зрители проявили к постановке «Дачников». Этой пьесы не было в репертуарах других театров, участвующих в смотре. После спектакля «Последние» зрительный зал устроил овацию Н.К. Тепперу как художественному руководителю театра.

Николай Константинович Теппер начал работу режиссером-постановщиком в архангельском театре в сезон 1934-1935 года. Первая поставленная им пьеса «Гибель эскадры» была оценена, я уже говорила об этом, как «многообещающее начало сезона». В дальнейшем он поставил десятки спектаклей: «После бала», «Бешеные деньги», «Платон Кречет», «Аристократы» (1935), «Собака на сене», «Слава», «Отелло», «Оптимистическая трагедия» (1936), «Борис Годунов» (1937), «Обыкновенный человек» (1945), «Дорога в Нью-Йорк» (1946), «Победители», «Молодая гвардия», «Большая дружба», «О друзьях-товарищах», «Губернатор провинции», «За Камою-рекою», «Счастье», «Заговор обречённых», «Чужая тень», «Свежий ветер», «Голос Америки», «Девушка с кувшином», «Три сестры», «Любовь Яровая», «Мёртвые души», «Семья».

Многие годы Теппер был художественным руководителем театра (1935-1938, 1946-1952), его душой. Под руководством Теппера сложился постоянный творческий состав актёров и режиссёров. О дружеской, тёплой обстановке в коллективе артистов того времени много лет спустя рассказала мне одна из бывших актрис театра, узнав во мне Кольцову, в очереди в молочном магазине на Павлина Виноградова. Она сказала, что после спектаклей актёры не могли не собраться вместе, попить чайку и обсудить все удачные и неудавшиеся сцены и эпизоды.

Критика высоко оценивала художественный уровень поставленных Теппером спектаклей, называя их волнующими, яркими, творческими победами. Как сказано в газете в заметке к 100-летнему юбилею Н.К. Теппера, «с его именем связаны лучшие страницы истории нашего театра»[45].

Не хочу обидеть забвением других наших режиссеров: Л. Иоста, Х.М. Кожевникова, Е.А. Простова, А.В. Андреева, А.В. Емельянова. К счастью архангельского зрителя, они не шли по пути «осовременивания», «нового прочтения» пьес Островского, Горького, Чехова, Шекспира, Шоу. Декорации, костюмы, игра артистов — всё соответствовало времени. Но в репертуар театра входила не только классика, включались и новинки, показываемые на сценах столичных театров, и пьесы, созданные местными авторами на наши северные темы: «Белое море», «Павлин Виноградов».

Репертуар театра в 30-50-е годы был обширен. Было поставлено более десятка пьес А.Н. Островского. Среди них «Гроза», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Сердце не камень», «Не всё коту масленица», «Лес». Из пьес Горького шли «Фома Гордеев», «Враги», «Мещане», «Дачники», чеховские — «Чайка» и «Три сестры».

Из современных авторов были представлены В. Розов, В. Катаев, К. Симонов, С. Михалков, А. Фадеев. Революционные времена отразились в постановках «Как закалялась сталь», «Любовь Яровая», «Хождение по мукам», «Семья».

Мы же, школьники, имели возможность посмотреть пьесы всех писателей и драматургов, включённых в нашу школьную программу.

Сегодня можно услышать высказывания некоторых новомодных театральных деятелей, что театр не музей и нет необходимости воспроизводить обстановку времён действия пьесы и наряжать артистов в соответствующие времени костюмы. Гамлета артист может играть в джинсах на фоне трех стульев на сцене. Не правда ли, это несколько напоминает описанную И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях» лихую постановку «Женитьбы» Гоголя в театре Колумба. На наше счастье, архангельский театр по этому пути не шёл, и яркие картины спектакля, открывающиеся зрителю при поднятии занавеса, зал встречал аплодисментами.

Восприятию происходящего на сцене во многом способствует художественное и музыкальное оформление спектакля. Создавать настроение зрителя начинает уже увертюра и оформление занавеса.

В разные годы в театре работали художники А.Ф. Холодков, Г.А. Белоуско, Б.А. Альмединген, Н.И. Данилов, Л.З. Орнатский, В.В. Роберг, П.Т. Коваленко, С.П. Белых, Н.Г. Попов, А.В. Казаков.

В газетах тех времён опубликовано много сцен из спектаклей, но они черно-белые и не передают яркости красок, да и качество печати скверное. Ярче охарактеризуют впечатления от

оформления спектаклей отзывы критиков. Приведу некоторые из них.

Спектакль «Далёкое» (художник Л. Орнатский). «Великолепное оформление, исключительная гармоничность декораций с внутренней настроенностью спектакля»[46].

Спектакль «Собака на сене» (художник Н. Данилов). «Легкие красочные декорации вместо тяжёлых испанских замков»[47].

Спектакль «Оптимистическая трагедия» (художник В. Роберг). «Спектакль оформлен удивительно экономично, максимально использована вращающаяся площадка»[48].

Спектакль «Беспокойная старость» (художник П. Коваленко). «Очень хорошо режиссёр и художник использовали размер и глубину сцены, позволившие дать интересную двуплановость декораций»[49].

Спектакль «Павлин Виноградов» (художник П. Коваленко). «Спектакль неплохо оформлен. Убедительно передана стужа в бараке смертников»[50].

Спектакль «Вынужденная посадка» (художник А. Казаков). «Высокой оценки заслуживает работа Казакова. Лучшая по оформлению — картина льдов. Голубое в сочетании с белым, данное в спокойных тонах, создает полную иллюзию арктических льдов»[51].

Спектакль «Взаимная любовь» (художник А. Казаков). «Прекрасны декорации. Ощутимы глубина, простор украинского пейзажа. Особенно хороша декорация III акта — движущийся мост»[52].

Спектакль «Полководец Суворов» (художник П. Коваленко). «Декорации способствовали выявлению основной идеи пьесы. Много уместных контрастов. Богатый дворец Павла I и скромное жильё в селе Кончанском. Прекрасно оформлены картины «Измаильская ночь» и «Чёртов мост»[53].

Кстати сказать, театральные художники Коваленко, Попов и Казаков участвовали в областной выставке художников Севера, в декабре 1940 года в Краеведческом музее, где выставили эскизы и макеты оформления ряда постановок. Казаков и Коваленко были премированы, последний — за макет оформления спектакля «Полководец Суворов»[54].

Прежде чем привести критические отзывы о музыке к спектаклям, расскажу, с каких позиций отец подходил к созданию музыкального оформления драматического спектакля, воспользовавшись материалом его лекции на тему «Музыка в театре».

«Введение определенного количества музыкальных номеров, почти в каждой пьесе, обусловлено сюжетом и непосредственно

вытекает из сценической ситуации. Например, кто-то из персонажей спектакля играет на музыкальном инструменте или поет в картине бала, звучит оркестр в саду, по ходу пьесы слышатся различные военные сигналы или марш, на сельском гулянии играет гармошка, поют частушки. Иногда драматурги прямо называют произведения, которые должны исполняться, играя определенную роль в спектакле. А.Н. Островский в спектакле «Доходное место» вкладывает в уста Полины Кукушкиной романс Гурилева «Матушка-голубушка». В «Бесприданнице» Паратов и Лариса должны петь романс Глинки «Не искушай». Исполнение по ходу действия пьесы соответствующей времени популярной бытовой музыки воссоздает колорит эпохи. Так к комедиям Мольера уместно звучание менуэта и гавота, написанных французскими композиторами к этим спектаклям в XVII веке.

Номера бытовой музыки могут характеризовать социальную среду или место действия. Замечательно подчеркивает пустоту и тупость провинциальной жизни песня «Птичка божия не знает», распеваемая на мотив панихид персонажами пьесы А.М. Горького «Васса Железнова»:

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда
Птичка жить нам не мешает
Никак и никогда...

А дальше лихой, дикий припев:

Шла барыня из Ростова
Поглядеть на Льва Толстого
А барыня из Орла
Неизвестно куда шла... Барыня, барыня...

Место действия пьесы объясняет, например, звучание итальянских народных песен (тарантелл) в пьесе «Слуга двух господ» Гольдони.

Бытовая музыка может подчеркнуть контраст действия в пьесе и душевного состояния героев. Так в финале пьесы А.П. Чехова «Три сестры» звуки жизнерадостного военного марша, под который военный полк покидает город, усиливают восприятие зрителями

трагичности случившегося и крушение надежд сестёр.

В сценическом монологе музыка играет роль фона, придающего определенную эмоциональную окраску: взволнованность, радость, разочарование.

Иногда режиссёры, признавая за музыкой её эмоциональную силу, из стремления приблизить театр к действительной жизни, не признавали в театре никакой иной условной музыки, кроме этой бытовой.

Но отображение действительности в театре осуществляется несколько условными средствами, присущими театру. Это условное декоративное оформление, частая смена картин действия и несколько конденсированная яркость событий: если любовь, то чуть ярче, чем в жизни, если конфликт — то чуть рельефнее. В этом особенность драматургии и актёрской игры, понятие театральности постановки и сила театра.

Музыка — искусство, основанное на воплощении разнообразнейших и глубоких чувств человека, обладает огромной силой эмоционального воздействия. Если она написана специально к какому-либо спектаклю, соответствует замыслу постановщика, то значительно углубляет эмоциональную насыщенность, перемежаясь с номерами необходимой бытовой музыки, помогает раскрыть идею пьесы».

Отец приводит, как пример вышесказанному, создание им музыки к спектаклю Иона Друцэ «Птицы нашей молодости» (1972 г.), поставленному режиссёром А.И. Элькисом с большим введением разнообразной музыки.

«Спектакль начинается музыкальным прологом, рисующим необъятную ширь и красоту просторов трудовой Молдавии, расцветающей под лучами яркого солнца. На протяжении всего спектакля драматургия эмоционально дополняется музыкой. Она служит связкой между картинами, включена в ткань сцены свадьбы по народному обычаю, сопровождает причитания в сцене главного героя, оптимистически звучит в финале спектакля.

Музыкальное оформление спектаклей, в силу многих причин, не всегда выполняется музыкой, специально для них написанной. В этом случае заведующий музыкальной частью театра подбирает музыку соответственно замыслу режиссёра-постановщика, путём обсуждения с ним и необходимую по ходу спектакля. Эта работа по подбору очень трудоёмка и скрупулёзна: из обилия известной музыки надо отобрать куски, которые смогут наиболее приближенно совместиться с содержанием и задачей каждой сцены, и конечно, нельзя добиться полного совмещения и

стилистического однообразия по сравнению с музыкой, специально написанной к спектаклю.»

Отец проработал заведующим музыкальной частью БДТ, дирижёром и руководителем театрального оркестра более 10 лет, и в его практике встречались все варианты создания музыки к спектаклям.

Отзывы критиков на музыкальное оформление спектаклей можно объединить общими словами: «хорошая режиссура, игра артистов в сочетании с хорошим художественным и музыкальным оформлением сделали спектакль многокрасочным и интересным». Приведу индивидуальные отзывы и позволю себе их немного прокомментировать.

Спектакль «Маскарад». В рецензии[55] музыкальное оформление названо хорошим.

Отмечу, что лирический вальс к спектаклю — удача отца и звучит в каждой радиопередаче в его память.

Спектакль «Далёкое»[56]. Отмечена «исключительная гармоничность музыкального оформления с внутренней настроенностью спектакля».

Спектакль «Любовь Яровая»[57]. Рецензенту не понравилось, что «музыкальная часть вся состоит из нанизывания готовых мотивов».

Такой вариант возможен и, наверно, выбран режиссером и отцом потому, что использование музыки революционного времени удачнее иллюстрировало действие в пьесе.

«Падь серебряная»[58]. «Хороша музыка. Песню о серебряной пади зритель уносит с собой».

Это было буквально так. Её ноты и текст напечатали на программе.

Спектакль «Вынужденная посадка». В спектакле значительное место уделено музыке. Режиссёр А.В. Андреев считает, что «задача композитора подчеркнуть драматизм ряда положений, усилить оптимистическое звучание всей пьесы, и с ней композитор хорошо справился». Рецензенты К. Котов и Н. Солодовников[59] посчитали, что «ее слишком много, и спектакль, освобождённый от излишнего оркестрового сопровождения, только выиграет... В целом постановка — большой творческий успех»[60].

Спектакль «Фландрия»[61]. «Музыка создана как сопровождающий фон в развитии действия. Её можно назвать иллюстративной. Она не ломает спектакль, но и не входит органично в драматическую ткань спектакля, а дублирует артистов в надежде им помочь».

Спектакль «Взаимная любовь». Режиссёр Е. Петров считает, что задачу дать яркий образ спектаклю и отдельным действующим лицам созданный музыкальный сценарий и сольные номера решили. Рецензент Д. Валентинов отмечает, что «музыка веселая, со вставками из популярных песен»[62].

Спектакль «Белое море». В рецензии[63] сказано, «хороши песни к спектаклю: «Как во городе во Архангельском» и «Как на матушке на Двине реке».

Спектакль «Собака на сене». Рецензент И. Людин заключил, что «легка и изящна музыка к спектаклю»[64].

Спектакль «Человек с того света». Рецензент В. Лиханова делает вывод, что «при создании музыки к спектаклю композитор поддался влиянию западной танцевальной музыки»[65].

Думаю, что музыка соответствовала содержанию пьесы.

Спектакль «Два капитана». Рецензент Н. Никитин считает, что «пониманию спектакля способствует бодрая, выразительная музыка. Композитор сделал нужное и полезное дело»[66].

Спектакль «Хижина дяди Тома». Рецензент Л. Усов отметил, что «в музыкальном оформлении умело использована запись негритянских песен в исполнении Поля Робсона»[67].

Спектакль «Аленький цветочек». Рецензенты И Карнаухова и Л. Ерусевич признают, что «удачна музыка к спектаклю. Она соответствует общему тону спектакля, украшая и обогащая его»[68].

Театральный сезон обычно заканчивается в июне, а в июле труппа обменивается спектаклями с театрами других городов. Труппа отправляется на гастроли, а в помещениях театра работает другой коллектив.

В годы войны на сцене архангельского театра и филармонии в зимнее время с длительными гастролями выступали театры из мест, оккупированных немцами. Бывало, что два театральных коллектива ставили свои спектакли одновременно. Так, гастроли Украинского музыкальнодраматического театра начались в декабре 1943 года и окончились в июне 1944-го, а с августа начались гастроли Карело-финского драмтеатра. Это создавало труппам определённые трудности. Наш театр, уступая свою сцену, практиковал проведение выездных спектаклей на 25 лесозаводе, в соломбальском и цигломенском Домах культуры, городском Доме офицеров. Но спектакли, прежде чем показывать, надо поставить. Работу коллектива театра в таких условиях можно назвать героической.

Артисты театра вели большую шефскую работу, выступая в госпиталях города и воинских частях. Неоднократно проводились спектакли-концерты, заработанные сборы с которых

перечислялись в фонд помощи детям фронтовиков. Театр трижды направлял с концертами бригады артистов на действующие фронты.

В 1943 году на фронт выезжала бригада, сформированная из артистов театра и филармонии. В нее вошли: от театра С.И. Бестужев, Н.М. Воеводина П.А. Федорова, П.Ф. Кольцов, А.И. Кудерман, В. и Т. Лялины — от филармонии, и солистка балета Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова — А.А. Тихонова. Бригада выступала 2 месяца и дала около 100 концертов на Юго-Западном фронте, по 2-3 концерта в день. Артисты разыскивали земляков, рассказывали об Архангельске. За шефскую работу в годы войны большая группа работников театра была награждена Почетными грамотами Комитета по делам искусств при Совмине СССР. Их получили А.И. Свирский, Камская, Д.С. Алексеев, Славина, А.Н. Кудерман, Н.В. Ситников, Х.М. Кожевников, П.Ф. Кольцов[69].

В Архангельск и до 1951 года много раз приезжали оперные студии и театры со спектаклями и балетами в концертном исполнении, с минимальным декорационным оформлением. Здание Большого театра имело сцену, размеры которой позволяли постановку полномасштабных оперных и балетных спектаклей, а зритель годами работы театра как музыкально-драматического был подготовлен к их восприятию.

Летом 1951 года в Архангельск приехал на гастроли Белорусский театр оперы и балета с ведущими специалистами, заслуженными артистами БССР и СССР, большим оркестром, хором, великолепной балетной труппой. В репертуаре театра были оперы: «Иван Сусанин», «Князь Игорь», «Кармен», «Демон», «Фауст», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Флория Тоска», «Травиата», «Риголетто», «Тихий Дон», «Запорожец за Дунаем». Балеты: «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Жизель», «Бахчисарайский фонтан».

Для горожан гастроли такого великолепного театра стали настоящим потрясением. За билетами стояли длинные очереди. Билеты брали вперед на несколько спектаклей. Мне родители дали возможность посетить все спектакли, которые я захотела. Не слушала я только «Тихий Дон» и «Запорожец за Дунаем». Театр каждый вечер был переполнен. В восторг приводили музыка, голоса солистов, звучание хора, танцы и декорации. Многие арии из опер я знала по пластинкам, но полностью оперные спектакли слушала впервые и впервые видела балет. Может быть, поэтому всё остро осталось в памяти.

Прежде всего, конечно, вспоминается певец Н. Ворвулев. Он в роли Томского в «Пиковой даме», молодой, красивый, с

великолепным голосом. Зрители были в восторге от исполнения песенки в игорном доме «Если б милые девицы все могли летать, как птицы»... Аплодисментами встречал зал и первую сцену «Демона». Демон — Ворвулев — на скале, закутанный в чёрный плащ с обнаженным плечом и рукой, и ария «В необъятном океане без руля и без ветрил тихо плавают в тумане сонмы целые светил...» Ворвулев в роли Демона зачаровал женскую половину зрительного зала. Популярность его была необыкновенна.

Другой заметный певец — И. Болотин. Он — Ленский в «Онегине» и герцог в «Риголетто». Опера «Евгений Онегин» больше других знакома зрителю благодаря фильму «Музыкальная история» с Лемешевым в роли Ленского. Каждую арию Ленского зал встречал бурными аплодисментами. Так же горячо Болотин был принят в роли герцога в «Риголетто». Исполнение песенки «Сердце красавицы склонно к измене...» вызвало бурю аплодисментов.

С громадным успехом были показаны балеты. В ролях Одетты и Одиллии в «Лебедином озере» выступала одна и та же балерина, и ей удалось создать контрастные образы.

На балет «Бахчисарайский фонтан» мы ходили втроём: мать, я и брат Пётр. В первых сценах балета — набега татар на Польскую землю — требовалось большое число статистов. На эти роли театр набрал учеников 6-й школы из Петиного и параллельного классов. Мы смотрели, как «убитые» и «раненые» польские воины падают не на пол сцены, а ложатся на скамейки, и смеялись, узнавая знакомых мальчишек. Партию Гирея исполнял лауреат Сталинской премии Дречин. Его Гирей крупный, костистый, властный. Хороши были нежная Мария и страстная Зарема.

После спектаклей поклонники и поклонницы артистов и балерин толпой провожали их до здания «Интуриста», где они проживали, и стояли под окнами, скандируя имена. В нашем доме на Новгородском хозяйка, обычно сдававшая летом комнаты приезжим артистам, устроила у себя молодую, хорошенькую балерину. Её тоже провожали после спектакля поклонники. Они толпились за воротами, не заходя во двор, но хозяйка побаивалась, что начнут ломиться в квартиру.

С неменьшим успехом и полным аншлагом прошёл заключительный концерт. Со словами благодарности выступило местное руководство. Зрители задарили артистов на прощание цветами.

Остаётся только мечтать о появлении в Архангельске своего если не оперного, то хотя бы музыкально-драматического театра.

ФИЛАРМОНИЯ

Название этого зрелищного объекта в словаре иностранных слов расшифровывается как «учреждение, занимающееся организацией концертов и пропагандой музыкального искусства». Благодаря Архангельской филармонии мы увидели и услышали многих известных музыкантов, певцов, выступления хоров, оркестров и танцевальных коллективов.

Отец начал работать в филармонии в 1944 году, а с 1945-го стал её художественным руководителем и руководителем музыкального лектория.

Много лет филармония не имела своего большого зала. При создании её в 1937 году ей передали небольшой, всего на 190 мест, зал радиотеатра на Пролеткульта (ныне — ул. Попова, 2, где ресторан «Боброфф»). Для проведения концертов популярных гастролёров приходилось арендовать залы ТЮЗа (бывший Дом офицеров, теперь Марфин дом), драмтеатра и кинотеатра «Ударник».

Бывшее здание радиокомитета на Попова, 2 (Пролеткульта, 2) где располагался первый зал филармонии

В январе 1944 года кинотеатр «Ударник» был передан филармонии и в рекламе стал именоваться «Концертный зал

Севгосфилармонии». Это было крыло Дома Советов по улице Свободы (снесено при создании площади Ленина). Когда здание филармонии снесли, оказалось, оно занимало буквально «пятачок», а ведь это был зрительный зал на 850 мест, и снаружи оно казалось большим и красивым.

Газетная заметка по поводу завершения строительства зала и его ввода в эксплуатацию полна восхищения его отделкой и устройством. Попытаюсь рассказать, каким я видела его в 40-50 годах.

Здание было двухэтажным с двумя пилонами по сторонам главного фасада. В них размещались лестницы на второй этаж. Крыльцо перед входами в здание простиралось на всю ширину фасада — от пилона до пилона. К пилонам примыкали входные двери. Через маленькие тамбуры зрители попадали в довольно тесное помещение, где находились кассы и гардероб. Здесь же размещался кабинет администратора. На втором этаже в таком же помещении были гардероб для зрителей балкона, кабинеты администрации и напротив — входы на балкон и в кинопроекционную.

В зрительный зал попадали через фойе, расположенное параллельно залу. В глубине фойе были входы на сцену и за кулисы, спуск в курительные и туалетные комнаты, находившиеся в подвальном помещении, и двухмаршевая прямая лестница на антресоль буфета.

Зал был уютным благодаря светлой отделке стен и высоким окнам, задрапированным белыми шёлковыми сборчатыми занавесками, имел хорошую акустику, мягкое освещение зала и яркое сцены. В фойе были такие же окна, как и в зале, с такими же занавесками. В простенках между дверями в зал стояли высокие, почти до потолка, зеркала в бронзовых рамах, сиял красивый паркетный пол. Зрителей в зале бывало до отказа. В антракте многие выходили в фойе и парами-тройками ходили по кругу. Тут можно было разглядеть кто есть, кто с кем и кто в чём, обменяться мнениями по поводу первого отделения концерта. Хорошо просматривалось фойе от балюстрады буфета.

Несколько узковатым при большом стечении зрителей оказывалось помещение перед гардеробом внизу на первом этаже. Создавалась толчея из зрителей, спускающихся со второго этажа, одетых в гардеробе балкона, протискивающихся к выходу, и тех, кто одевался в гардеробе первого этажа. Сплошное море голов. Конечно, можно было бы этого избежать, открывая оба выхода на улицу, но почему-то это почти никогда не делалось. Как шутят иностранцы над россиянами по подобному поводу: «Вы любите создавать трудности, чтобы их преодолевать».

Устраивались в филармонии и вечера танцев. Оркестр почему-то садился в середине фойе, а не на площадке буфета, создавая толчею среди танцующих.

Размер зала филармонии обеспечивал тесный контакт зрителей с выступающими артистами, и если концерты проходили и в театре, и в зале филармонии, то предпочтительнее было попасть в филармонию.

В летнее время или по окончании демонстрации фильма двери из зрительного зала выводили зрителей прямо на улицу, в сторону входа в Дом Советов.

Дом Советов. На переднем плане филармония, её северный фасад

Кабинет отца был на втором этаже. Обстановка — письменный стол с телефоном, полка справочников и книг, шкаф и на стенах афиши анонсируемых и недавно прошедших концертов, иногда с автографами выступавших артистов. Нужно отметить, что в здании были не только комнаты для занятий и репетиций артистов филармонии, но оно было также базовым для такого большого коллектива, как Северный народный хор.

Родители старались нас с малолетства водить на концерты приезжих знаменитостей, благо осуществить это было несложно, и благодаря этому в памяти осталось многое. Правда, не всегда внимание привлекал тот, на кого надо было его обратить. Так, на концерте Лидии Андреевны Руслановой меня больше заинтересовала не знаменитая исполнительница «валенок», а чревовещательница с большой «говорящей» куклой. Помню концерт очень популярного дуэта Людмила Лядова — Нина

Пантелеева. Лядова аккомпанировала. Услышишь из первых уст лядовскую «Чудо-песенку», «которую ...поют и старики и молодежь», и тут уж «хочешь иль не хочешь, обязательно её поешь...».

Выступали на сцене концертного зала Тимошенко и Березин, известные как Тарапунька и Штепсель. Пели знакомые нам по радиопередачам и пластинкам Зоя Рождественская, Георгий Абрамов, Георгий Виноградов, артист Владимир Канделаки, Жан Татлян. Незабываемы песенка про мельника, мальчика и осла, которую пел Абрамов, песня «Весёлый май» в исполнении Зои Рождественской и «история с буркой», пропетая Канделаки. Мы знали слова песен, хотя текст был значительно длиннее, чем в современных, в которых десятки раз повторяется одна фраза.

Филармония. В фойе перед зрительным залом. На заднем плане лестница к буфету. Под балюстрадой — курительные комнаты

Запоминались особенно удачное или первое испол нение песен. В исполнении Леонида Кострицы звучала песня «Мама». В ней были слова:

Помнишь, мама моя, как девчонку чужую
Я привёл к тебе в дом, у тебя не спросив,
Строго глянула ты на жену молодую
И заплакала вдруг, нас поздравить забыв....

Вскоре после того как на экранах прошла «Серенада солнечной долины» и стали очень популярны мелодии Гленна Миллера, нам их исполнил джаз-оркестр Дмитрия Покрасса. С восторгом зрители встретили выступление с джазом чечёточников Юрия и Бориса Гусаковых. Наибольшую известность они приобрели после кинофильма «Карнавальная ночь».

В мае 1951 года в Драмтеатре выступал джаз под управлением Леонида Утёсова. Его оркестр и после приезжал в Архангельск несколько раз, но без Утёсова, а в тот приезд Утёсов сам дирижировал и пел не только соло, но и дуэтом с Эдит Утёсовой. Конечно, мы услышали в его исполнении «Прекрасную маркизу», а в её — песенку о пожарном, который «готов потушить все пожары, но не хочет тушить только мой...».

Я ходила на каждую новую программу Северного хора, и мне было с чем сравнивать приехавшие на гастроли ансамбль «Кантеле» и хор имени М. Е. Пятницкого.

Выступление хора — это соединение воедино трёх искусств: хорового пения, танцев и игры музыкантов-инструменталистов. В хоре пели певицы с сильными, чистыми, красиво подобранными в многоголосье голосами. Очень красивы в исполнении хора старинные народные северные песни с «окающим» произношением. Красивые танцы: хороводы, кадрили, переплясы с дробной проходочкой и вращениями в пляске солисток, с забавными коленцами при пляске вприсядку солистов. В числе баянистов был Иван Казаков, отец ставшего ещё более известным Юрия Казакова.

Красивы были костюмы артистов хора. Один из номеров, ближе к концу выступления хора — пение частушек. Частушечники ведут шутливую любовную перепалку и в конце ее поют: «Мы пропели вам частушки, балалайки унесе-ё-ё-ё-ом, а если нравятся частушки, мы ещё вам пропое-ё-ё-ом». Зрители бурными аплодисментами вызывали их ещё и ещё раз.

Перед зарубежными поездками или гастролями по стране обновлялась не только программа хора, но и костюмы. Хор давал концерт для обкатки программы, и это стоило посмотреть.

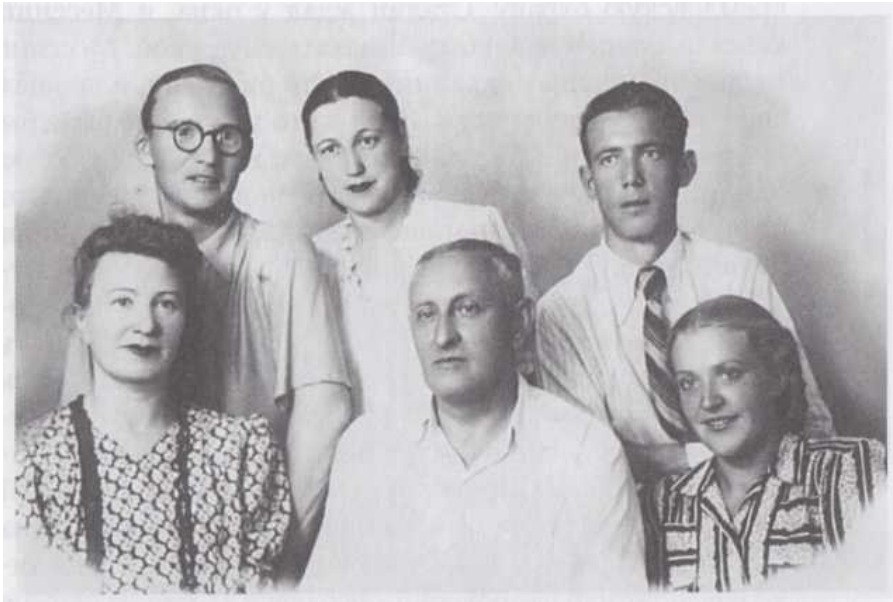
Много раз на сцене архангельской филармонии выступали цыгане. Пели знаменитые исполнительницы таборных цыганских песен и лирических романсов Е.М. Юровская, Тамара Церетели, в концерте ансамбля московского театра «Ромэн» выступала Ляля Чёрная.

Песни и танцы цыган — особое искусство. Прежде всего привлекает внимание костюм. В обычной цыганке, которую встречаешь на улице, и то удивляет способность из «нецыганских» материалов, какие носят все, подобрать по цвету и сшить

необыкновенную цыганскую юбку. А уж театральный цыганский костюм — это яркие малиновые, жёлтые, синие атласы, звенящие цепи и мониста. Играют несколько гитаристов, запевает громкоголосая солистка, пение подхватывает и развивает разноголосый хор, затем начинается огненный, с бешеным темпом танец, создавая на фоне хора яркое зрелище!

Особенностью всех приезжавших на гастроли концертных бригад того времени была многожанровость номеров программы. В одном концерте выступали и известный певец, и жонглёр, и балетная пара, и фокусник, и мастер художественного слова. Все номера объединял конферансье. Характерные черты такого обычного концерта схвачены в пародийном «Необыкновенном концерте» кукол театра С. В. Образцова. Мне всё это очень нравилось. В ходе такого концерта ведущий солист, ради которого на концерт пришли зрители, имеет возможность перевести дух, а зрители получают номера на все вкусы.

В мае 1949 года на сцене филармонии проводил вечер психологических опытов всемирно известный гипнотизёр Вольф Мессинг. На его выступление я ходила с бабушкой Лидией Павловной. Началось представление с того, что Мессинг предложил всем зрителям соединить в замок переплетённые пальцы рук и вытянуть руки перед собой. Затем повторил несколько раз, что соединение делается всё крепче и крепче, и вот уже мы не можем разъединить пальцы. Я, конечно, тоже переплела пальцы и держала руки перед собой в полной уверенности в своей противодействующей сильной воле. Бабушка дёргала меня за рукав и требовала, чтобы я сейчас же расцепила пальцы, иначе попаду на сцену и буду там кривляться.



Концертная бригада артистов Архангельской филармонии. 1951 год. Во втором ряду ряду крайний слева — Юрий Казаков

Много лет спустя я прочла о Мессинге, что он, живя в Германии, предсказал Гитлеру поражение в войне в первые её дни. Гитлер приказал найти его и арестовать, но с первого допроса Мессинг ушёл, показывая охранникам чистый лист бумаги, в котором они видели документ об освобождении. Подобное он проделал и со стражей Кремля после выступления перед Сталиным. Они поспорили, что Мессингу не удастся пройти через кремлёвскую охрану. Сталин ждал у окна, и Мессинг, когда выйдет, должен был помахать ему рукой. Мессинг сделал это, внушая охранникам, что он Берия, и прошёл через кремлевские посты. Знай я это тогда, я не была бы так уверена в себе. Но так или иначе мои руки свободно разъединились, а в зале оказалось много тех, у кого это не получилось. По приглашению Мессинга они стали подниматься на сцену. Он прикасался рукой, и сомкнутые пальцы разъединялись. При этом он выбирал подопытных, на которых, с их согласия, стал демонстрировать свои магические силы. По его команде они объяснялись в любви незнакомому человеку, видели в незнакомце друга, с которым давно не встречались, и радостно его приветствовали. Залезали на стул, спасаясь от подступившей к ногам воды, лежали затвердевшими на поставленных на расстоянии стульях, подобно балке. Разбуженные, они ничего не помнили и смущённо улыбались в ответ на бурные аплодисменты всего зала.

Был в филармонии 40-50-х годов и штат своих артистов.

Иногда они выступали в самостоятельном концерте, но, чаще всего, во время лекций-концертов, посвящённых поэту, писателю или композитору. В концертах артистов филармонии были арии из опер, романсы; песни пели К. Чухарев, А. Пляскин, К. Асеева, Е. Русенко, Н. Барачевская. Исполнение неаполитанских песен было прерогативой Б. Айзина. Баянист Ю. Казаков солировал и аккомпанировал певицам Северного хора, с большим успехом исполнявшим в концерте русские народные песни. Лихо выплясывал молдавские пляски С. Чурон. Инструментальные произведения классической музыки звучали в исполнении трио П. Кольцов (рояль), М. Аренсон (скрипка), М. Терещенко (виолончель) и струнного квартета им. Римского-Корсакова в составе Н. Алексеев и М. Аренсон (скрипачи), Г. Введенский (альт) и Г. Любимов (виолончель). Вели программу концерта и выступали с «художественным словом», т.е. читали стихи и рассказы, Сергей Казаков и Анна Дмитриева.

Квартет имени Римского-Корсакова

Лекции-концерты часто были «выездными» и проводились в клубах предприятий города, залах техникумов и институтов. Бригады архангельских артистов концертировали по всей области, перемещаясь по городам и сельским клубам, куда добирались по железной дороге зимой и по рекам на пароходе — летом. Обычно слушатели горячо принимали концерты.

Знаменитостью филармонии того времени был струнный квартет. Он обладал признанным высоким исполнительским

мастерством, имел интересную программу и с неизменным успехом выступал на архангельской сцене, в гастрольных поездках по всей стране, включая Дальний Восток, и за рубежом. В 1952 году квартет перешёл в Ленинградскую филармонию.

Другой знаменитостью был баянист Юрий Иванович Казаков. Свои выступления он начинал с дуэте с отцом Иваном Константиновичем. Его отец был баянистом-виртуозом, работал в Северном народном хоре и выступал солистом в филармонии с 1940 года. В 1939 году дуэт баянистов Казаковых был впервые записан на грампластинку

В годы Великой Отечественной войны старший Казаков в составе концертных бригад выезжал на Карельский, Прибалтийский и Украинский фронты и умер в землянке после одного из таких концертов в марте 1945 года.

Юрий Казаков стал солистом филармонии в 1947 году и работал до 1954 года. Он был не только виртуозом и исполнителем произведений классической музыки на баяне, но и разработчиком трёхклавиатурного многотембрового баяна, конструкция которого носит название «баян системы Казакова». Такой баян был в 1951 году изготовлен для него московским мастером Фигановым. Этот баян очень расширил границы программы Казакова-исполнителя. Среди исполнителей на народных инструментах он первым был удостоен звания Народного артиста СССР.

За годы своих выступлений он был удостоен многих наград: Академия музыки им. Гнесиных наградила его памятным «Серебряным диском», шведская Ассоциация аккордеонистов — высшей почетной наградой «Пять звезд» за компакт-диск в серии русского баяна «Играет Юрий Казаков», выпущенный компанией «Русский мир». За пропаганду и утверждение баяна в мире ему была присуждена в Италии международная почётная премия «Золотой голос баяна».

В 2000 году в итальянском городке Кастельфидардо, известном тем, что там примерно на 100 фабриках делают аккордеоны, баяны, гармоники, и тем, что там есть музей гармоники, ежегодно проводятся международные конкурсы аккордеонистов и баянистов, был воздвигнут памятник аккордеону, где на семиметровой бронзовой «памяти» записаны имена всех знаменитых исполнителей прошлого и настоящего. В этом списке есть и Юрий Казаков.

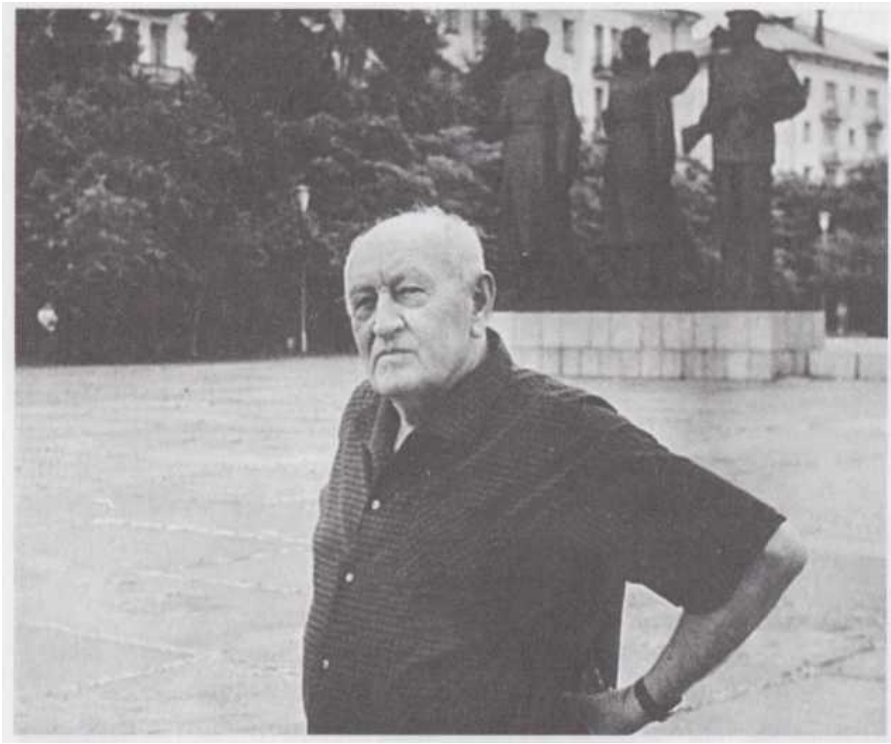
СЕМЬЯ

Отец

Мой отец, Пётр Кольцов, родился в Баку в 1904 году. Его отец, Фёдор Петрович, служил регентом церковного хора, преподавал пение в школах и со временем принял сан священника, умер в 1948 году. Мать, Надежда Фёдоровна — учительница, умерла в 1952 году.

Среднее образование, в том числе и музыкальное, отец получил в Баку. Затем поступил по конкурсу в московскую консерваторию в класс фортепьяно профессора К.Н. Игумнова; параллельно обучался композиции у профессора Б.Л. Яворского. Деньги на жизнь зарабатывал иллюстратором и оркестровым пианистом в кинотеатрах немого кино, агиттеатре и концертмейстером в 10-м московском музтехникуме.

В декабре 1930 года отец вместе с братом Николаем, как сыновья священника, по статье 58.10 были высланы из Москвы в Архангельскую область и оказались в лагере спецпереселенцев в Лявле. Не буду вдаваться в подробности, но этот период проявленной к нему унизительной несправедливости и беззащитности положения наложил отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Реабилитирован он был в феврале 1949 года.



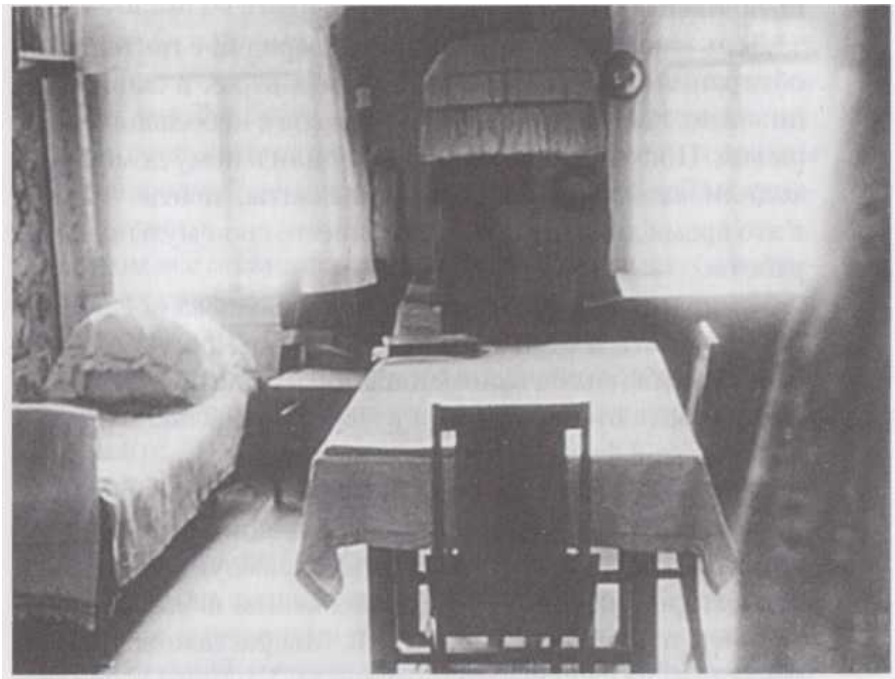
Кольцов Пётр Фёдорович. Фотография 1981 года

В Архангельске отец с мая 1931 года. Работал пианистом-иллюстратором в кинотеатрах «Эдисон» и «Арс», выступал с сольными концертами в зале радиокомитета, заведовал музыкальной частью в Малом городском театре. В сентябре 1931 года получил приглашение в Большой драматический театр на работу по совместительству, которая превратилась в постоянную до 1944 года. Он работал заведующим музыкальной частью, руководителем и дирижёром оркестра, писал музыку к спектаклям. В 1944 году театральный оркестр прекратил существование. Отец был переведён на работу в филармонию и проработал в ней на разных должностях, в основном художественным руководителем, до выхода на пенсию.

По совместительству отец преподавал музыкальную грамоту и историю музыки в театральной студии АБДТ с 1932 по 1942 год. В 1941-1942 годах был руководителем концертной работы и художественной самодеятельности Интерклуба, ряд лет преподавал гармонию, историю музыки и инструментовку в музыкальном училище, был лектором и возглавлял музыкальный лекторий при филармонии.

Только теперь, когда сама прошла большой жизненный путь, разбирая после смерти матери перешедший ко мне архив,

отцовские книги, дневники, ноты и письма, начала понимать, как нелегко ему было и как увлеченно и много он работал.



«Большой» стол в «большой» комнате

Надо сказать, отец многое успевал потому, что был организованным человеком. Почти всю жизнь он вёл оперативный дневник, в котором составлял план дел на каждый день по часам, и вечерами отмечал, что удалось выполнить.

День начинался с обязательной зарядки с гантелями и обтирания холодной водой. Затем завтрак и занятия на пианино: гаммы в течение 1,5-2 часов с небольшим перерывом. После он уходил на работу или к нему домой приходили заниматься певцы, музыканты, поэты. Иногда в это время дня он выполнял какие-то свои музыкальные работы.

Часов в 6 вечера вся семья собиралась за обеденным столом. Мать и отец приходили с работы, а уж для нас, ребят, чем бы мы ни занимались, явка была обязательной. После обеда отец уходил на вечерний спектакль в театр, на концерт в филармонию или на лекцию.

Около 10 вечера он возвращался, и семья собиралась за вечерним чаем у самовара. В большой комнате стоял длинный, постоянно раздвинутый прямоугольный стол, над которым висела лампа с оранжевым шёлковым абажуром и птицей счастья под

ней. Мы рассаживались вокруг стола на свои постоянные места. У одного торца стола, ближнего к входу в комнату, сидела бабушка, и возле неё стоял самовар. У противоположного торца стола было место отца. Мать и мы, ребята, — на боковых.

Тут же за столом, кончив пить чай, мы доделывали уроки. Мать приносила свою работу и что-то редактировала, считывала корректуру или шила и вышивала, а отец часто делал специальную, нужную для пианиста, гимнастику для пальцев. Клал ладони плашмя на стол перед собой и начинал поднимать и ставить на стол поочередно каждый палец, заставляя работать, согнет, поднимет, снова поставит, начиная с мизинца к большому. Потом попарно, по какой-то известной ему системе. При этом бывал у нас общий разговор, а бывало, что все читали и смотрели газеты и журналы.

Журналов и газет выписывалось и покупалось великое множество. Тут были журналы по специальности для матери и отца, литературные газеты и журналы, журналы стран народной демократии, которых после войны издавалось много.

Потом все ложились спать, а отец уходил к себе в комнату и, если работал над музыкой, то звучало пианино до 2-3 часов ночи. Сочиняя, он проигрывал по нескольку раз одни и те же отрывки, шёл дальше или возвращался и обязательно пропевал одновременно с игрой на инструменте.

Со стороны, возможно, могло показаться, что мы, семья композитора, постоянно жили в мире целостно звучащей музыки — он играл, а мы слушали. На самом деле мы были свидетелями всей черновой работы. Многократные повторения одного и того же фрагмента инструментальной музыки или песен были и при занятиях с певцами и музыкантами. Они нужны для достижения требуемой чистоты исполнения и выразительности звучания. Я до сих пор помню, как один из самодеятельных певцов помногу раз запевал высоким тенором «Расцветали в поле цветики...».

Работая в Большом театре, отец писал музыку к спектаклям, делал оркестровку, расписывал партитуры, репетировал с оркестром и был чрезвычайно увлечён своим делом. Вероятно, ликвидация оркестра в театре была для него большим ударом, но нас, ребят, родители не посвящали в свои неприятности. Они никогда при нас не ссорились и не обсуждали неурядицы на работе или во взаимоотношениях. Для нас, детей, смена места работы отца произошла незаметно. Ну работал в театре, ну стал работать в филармонии худруком, а в какие-то годы и директором. Наверно, и там не всё было гладко. Приходилось заботиться о ремонте помещений, выполнять аттестацию артистов, согласовывать программы концертов своих и

приглашённых бригад артистов с вышестоящим начальством.

Большим отцовским увлечением была популяризация музыки, лекционная работа. Меня как-то спросили, а много ли лекций он читал. Да, много, но мог больше. Разбирая после смерти матери бумаги, я наткнулась на такую, где ему предписывалось не более какого-то количества лекций в месяц. В его репертуаре были лекции о русских и зарубежных композиторах, о советской инструментальной музыке и песне, музыке театра и кино. Читал он в любой аудитории: от пионеров до пенсионеров, в клубах, домах культуры, в городе и по области. Дважды участвовал в двух фольклорных экспедициях по области с работниками Северного народного хора, занимаясь собиранием и записью старинных северных песен, но буквально в каждом уголке области побывал с концертом или лекционной бригадой артистов филармонии.

Собираясь в дорогу, он составлял список вещей и вычёркивал одни или другие, укладывая чемодан. Но брались вещи не только необходимые, но и те, которые вдруг могут потребоваться: кипятильники, утюжок, щётки и щёточки, книги и ноты. Чемодан получался таким тяжёлым, что даже один раз, когда отец спускался с крыльца, у чемодана оторвалась ручка. Матери он писал длинные письма о том, где были и куда дальше едут и обо всяких смешных происшествиях. Приезжал всегда очень довольный и весёлый, с массой рассказов, где как принимали. Работников клубов области, руководителей самодеятельности он не просто знал — они вместе работали, они писали ему, они к нему приезжали.

Как тепло относились к нему люди, я ощутила сама, когда он взял меня с собой в Молотовск — теперешний Северодвинск, где у него были дела в театре и Доме пионеров. Его окружили, здоровались, о чём-то расспрашивали и что-то рассказывали ему.

Много лет, даже на пенсии, он был организатором и возглавлял жюри районных, городских, областных смотров-конкурсов самодеятельности.

Отец ездил, отбирая коллективы на смотры, помогал исправить недостатки номеров, занимался с исполнителями. Когда проходили смотры, он был занят там весь день. Приходя домой, рассказывал, какие и чьи номера ему особенно понравились, как шло обсуждение распределения мест премирования, приглашал нас посмотреть заключительный концерт.

Надо сказать, характер у отца был крутой, возможно, в каких-то случаях он был излишне прямолинеен, отстаивая своё мнение, когда был уверен в своей правоте, что создавало ему

дополнительные трудности во взаимоотношениях с людьми, но со многими музыкантами дружеские отношения поддерживались годами. Насколько я знаю, это Г.С. Введенский, Ю.И. Казаков, Б.А. Князев, М.А. Терещенко, Г.С. Щуров, В.А. Максимков, Б.И. Данилов, Г.М. Мищенко.

Крутость его характера ощущали и мы, дети. Если при решении вопроса он сказал «нет», то дальнейшие разговоры на эту тему были бесполезными. Телесные наказания применительно к нам выражались в редких подзатыльниках, хотя желание наподдавать как следует возникало нередко. Так, однажды мы с братом до краёв наполнили отцовские валенки золой из печки. Мы предвкушали, как будет смешно, когда он сунет ноги в валенки, а они не полезут. Оказалось совсем не смешно. Без валенок тогда в Архангельске было прожить трудно, и отцу пришлось купить новые. В подобных случаях он требовал, чтобы мы подошли к нему, а мы, зная, что светит, держали дистанцию вытянутой руки и быстро убегали. Чем дело чаще всего и заканчивалось.

Учить игре на пианино нас, ребят, отец не брался. Это требовало большого терпения и отняло бы время, которого и без того не хватало. Все мы начинали учиться в музыкальной школе и бросили после года занятий. Я по причине небольших музыкальных способностей и пристрастия к книгам, спорту и танцам; брат — вследствие лени при большом таланте.

Пытался отец научить нас и азам многоголосного пения. Показывал каждому, какую партию он должен петь. Вместе получалось красиво, но, наверно, мы были для этого малы, начинали смеяться, баловаться, и этим всё кончалось.

Особо хочу остановиться на работе над песнями. Авторами песен были все местные поэты: Н. Журавлёв, В. Фролов, И. Молчанов, Н. Жернаков, Н. Исаков, О. Думанский, Ф. Ширшов, В. Аушев, Д. Ушаков, И. Яшина, В. Душников, В. Мусиков, И. Леонидов. Вдохновляли отца как сборники стихов, подаренные поэтами, так и письма с текстами стихов и просьбами написать к ним музыку из Каргополя, Онеги, Северодвинска, Конёва и т.д.

В качестве примера таких обращений у нас сохранилось письмо А.А.Тунгусова из села Вознесенское Верхнетоемского района с просьбой написать песни на предлагаемые им тексты. Видимо, отец написал музыку на какой-то из них, поскольку в следующем письме речь идёт о предполагаемом прослушивании.

Нередко вместо простой поздравительной открытки отец посылал людям, с которыми сотрудничал, музыкальное поздравление с каким-то событием, праздником, юбилеем. Так, например, новогоднее поздравление «Славным работникам

хорового общества», песенка к юбилею Н. Жернакова, кант во славу Дома народного творчества к международному женскому празднику 8 Марта.

На вопрос, каким был отец, могу сказать, что оба, и мать, и отец, были людьми чести и слова, профессионалами, увлеченными своей работой. Любили театр, кино, ходили на концерты, много читали.

В нашей семье не было конфликта «отцов и детей», когда дети считают родителей «устаревшими» по взглядам и по знаниям. Мать и отец были и остались для нас примером. Жизнь их не была легкой и простой, но они любили друг друга и вместе переживали все трудности. Незадолго до смерти отец написал матери на обратной стороне своего фотопортрета «С благодарностью за совместно прожитую жизнь».

Мать

Моя мама, Анна Ивановна Кольцова (в девичестве Зимина), родилась в Москве в 1909 году. Учиться начала в сентябре 1917 года в Новогиреевской трудовой школе II ступени. В 1927 году вышла замуж за Владимира Щербакова. Через год с ним развелась. Экстерном сдала экзамены в школе и поступила на Государственные промышленно-экономические курсы им. Н.А. Милютина, в класс корректуры. По окончании обучения была квалифицирована кабинетом экспертизы как корректор восьмой группы. По путевке московской биржи труда работала корректором в издательствах «Московская деревня», «Сельскохозяйственный рабочий», «Крестьянская газета», «Госторгиздат» и благодаря желанию и умению учиться постигала верстку печатного издания и наборное дело.

С отцом мать познакомилась в Новогирееве, где проживала, а он, студент московской консерватории, подрабатывал в местном кинотеатре иллюстратором немого кино. В 1929 году вышла за него замуж, а в феврале 1931 года приехала к нему в ссылку в Лявлю.

В детстве она обучалась игре на фортепьяно, любила музыку, просто для себя разучивала новые вещи и играла вполне профессионально. Это позволило по приезде в Архангельск работать в качестве пианистки в Гортеатре до устройства в Краевое книжное издательство. В издательстве она начала работать в должности ответственного секретаря. За годы работы

была корректором, плановиком, даже директором, но в основном заведующей производством. Возможно, я не в полной мере опишу, чем ей приходилось заниматься, но знаю, что она занималась организацией рецензирования поступившей рукописи, литературного редактирования, вёрсткой будущей книги, сотрудничеством с художниками, разрабатывающими иллюстрации и оформление обложки, контролем за набором и печатью в типографии, перепиской с авторами. Помню, она даже ездила в командировки «добывать» бумагу для будущих книг.

Анна Ивановна Кольцова

В издательстве мать проработала 25 лет. За это время сменилось много директоров, сотрудников и адресов издательства. На фото один из первых составов редакции. В нём я не знаю никого, кроме матери, разумеется. Это 1936 год. Мне один год. Перечень мест, где в разное время располагались издательства в Архангельске, большой: Урицкого, 5; П. Виноградова, 30; деревянный дом на углу Новгородского и Выучейского; белое штукатуренное здание напротив Макаровской бани; ул. Пролеткульта, 2; крыло Гостиных дворов во дворе магазина «Детский мир» и, наконец, Гостиные дворы на набережной Северной Двины. В последнем работала типография им. Скле- пина и редакция газеты «Правда Севера». Сотрудники издательства того времени и его директора мне были знакомы. Это литературные редакторы Нина Николаевна Ткаченко, Таисия Николаевна Трескина, бухгалтер Анна Михайловна Михайлова, корректоры Мария Михайловна и Нетта (к сожалению, не знаю её отчества, т.к. она тогда была молодая и, конечно, все звали её не но отчеству, а просто Нетта); директоры — сначала Михаил Васильевич Рехачев, затем Александр Иванович Копылов.

Сотрудники редакции проработали вместе с матерью много лет и, конечно, я была знакома с ними и что-то знала об их семьях.

Коллектив редакции Архангельского книжного издательства.

Третья справа — Анна Кольцова. 1936 год

Нина Николаевна Ткаченко. Короткая стрижка темных волос. Причёска на косой пробор. Вечная папироска в узких губах. Два сына — Андрей и Фёдор. Нина Николаевна планировала, что, когда мы вырастем, я выйду замуж за Фёдора, подходящего мне по возрасту, и даже подарила мне к какому-то дню рождения золотое колечко. Но в жизни получилось иначе. Нина Николаевна была человеком образованным и интеллигентным, но, наверно, не очень умелым в домашних делах. Бывая в гостях у нас на Новгородском, она восхищалась бабушкиным приготовлением еды, и особенно пирогами. А меня, помню, удивил её рассказ, что она практикует размачивание подсохших пирогов и их повторную выпечку. Не очень умелой, похоже, она была и в шитье. По её просьбе мать скроила «шкары» какому-то из её сыновей. Оставалось сметать и сострочить, но она не смогла даже правильно сложить выкроенные детали.

За столом они с матерью говорили о Москве, о читаемых и прочитанных книгах. Нина Николаевна имела доступ в отдел редкой книги Добролюбовской библиотеки и давала матери прочесть что-то интересное из недоступного простым смертным. Например, дневники Зинаиды Гиппиус, мемуары которой-то из жён Эрнеста Хемингуэя о жизни в Париже и т. п. Мемуары попали и мне в руки. Оценила я её и как гида в экскурсии по Новодевичьему монастырю и кладбищу, куда они с Наталией Ивановной Рождественской взяли меня, встретив в Москве.

Анна Михайловна Михайлова жила на Новгородском на углу улицы Карла Либкнехта в двухэтажном деревянном доме. Конечно, она тоже бывала у нас, и я знала её сына Мишу. Помню её хорошенькое лицо со вздёрнутым носиком, кудрявую голову с серёжками и её жалобы матери о постоянном невезении в жизни.

Таисия Николаевна Трескина всегда казалась мне нездоровой из-за сероватого лица, но женщиной она была в ту пору энергичной, секретарём парторганизации не то типографского коллектива, не то издательского. Она начала работать в издательстве гораздо позже матери, и та делилась с ней опытом и знаниями. В поздравительной открытке матери Таисия Николаевна написала: «Низкий поклон и сердечная благодарность за доброту и щедрость, которыми вы одаряли меня, вводя в мир интересного книгоиздательского дела». Из рассказов матери помню, что Таисии Николаевне нравилось подшучивать над Александром Антоновичем Морозовым, зная его мнительность в вопросах здоровья. Она произносила: «Что-то вы сегодня бледный», — и он начинал смотреться в зеркало и спрашивать у остальных, правда ли это. Неудивительно, что он

язвительно пошутил в её адрес в одном из писем к матери.

Мария Михайловна много лет спустя написала матери в память о совместной работе: «Я Вас помню всегда».

Мать в типографии знали. Наборный, печатный, планово-производственный цеха приглашали её на все юбилейные торжества.

В детстве яркое воспоминание оставляет что-то особое во внешности человека. В этом плане незабываем Михаил Васильевич Рехачев. Ребёнком он переболел полиомиелитом, из рассказа матери, и передвигался на костылях. Было страшно смотреть, как он спускается по каменной лестнице здания с большими ступенями. У матери сохранилась его фотография и несколько писем, из которых видны их доверительные отношения. Рехачев — автор нескольких книг, вышедших в архангельском издательстве. Об их высоком художественном уровне свидетельствует письмо А.А. Морозова, полное восторга по поводу книги о холмогорской резьбе по кости[70].

Коллектив редакции Архангельского книжного издательства, (справа налево) Н.Н. Ткаченко, Нетта, А.М. Михайлова, Т.Н. Трескина, А.И. Кольцова июнь 1949 года

Мы, все трое ребят, летом, когда были на каникулах, любили приходить за матерью к концу её рабочего дня. Я и Ольга оставались на Набережной, а Пётр шёл в издательство. Брат Георгий письма с фронта начинал словами «Мать, здорово». Петя перенял его манеру и приветствовал её так же, добавляя «мы пришли». Мать не видела в этом ничего особенного. Александр

Иванович Копылов этого просто не выносил и высказывал матери неудовольствие, что она позволяет такое обращение. Петр же, узнав про это, произносил своё приветствие уже нарочно.

В моей памяти Александр Иванович по внешности и произношению слов ассоциируется с артистом Гриценко в роли Каренина. Те же голубые глаза и подчеркнутое «что» в речи. Он иногда употреблял северные выражения, удивлявшие мать. Так, о холодной погоде, когда изо рта говорящего виден пар, он говорил: «Сегодня пышки знать». В архиве матери есть от него деловое письмо из отпуска с приветами от жены и дочери.

В 1957 году матери представилась возможность стать создательницей редакции научного «Лесного журнала», организовать его выпуск. Её, многоопытную в издательском деле, такая перспектива очень увлекла, и она перешла из издательства в АЛТИ.

Поздравляя мать с днём рождения, жена Константина Ивановича Коничева Антонина Михайловна написала:

«Вы являетесь образцом советской женщины, счастливо сочетающей работу с делами в семье». Эти слова дают мне повод рассказать, какой она была в семье.

Прежде всего скажу о том, что мне кажется принципиально важным. Родители никогда при нас ребятах, не ссорились, не выясняли отношения и не обсуждали неприятности, происшедшие на работе. В семье не было и скандальных сцен, какие мы наблюдали у соседей. Мать никогда не ходила «разбираться» с родителями поссорившихся или подравшихся с нами ребят. Предоставляла нам возможность самим определять своё положение в обществе сверстников. Она всегда была в помощь советом и делом во всех сложных жизненных ситуациях, управляла нашим умственным развитием.

В домашних делах она умела всё: шить, готовить, вязать спицами и крючком, причём даже кружева к наволочкам и концам полотенец, вышивать. У меня много скатертей и дорожек, вышитых ею крестиком. Узоры такие широкие и сложные, что диву даёшься, откуда нашлось столько времени на эти тысячи крестиков.

Было время, когда няня Аксинья и моя прабабушка Дарья Ивановна помогали ей справляться с домашними заботами. Мы, четверо детей, были под присмотром, а вечером пришедших с работы родителей ждал готовый обед. Но Аксинья умерла в 1942 году, прабабушка в 1943-м, и был период, когда ей пришлось самой заниматься всем в нелёгкие военные времена, до приезда её матери, моей бабушки Лидии Павловны.

Жизнь матери не назовёшь безоблачной. Мама пережила

смерть двух детей. Старший сын погиб на фронте в самом конце войны, после тяжёлой болезни умерла младшая дочь Ольга. К нам с Петром мать всегда была добра и ласкова, но мне кажется, она больше любила Петра. Мне она объясняла это тем, что он во все времена вызывал больше беспокойства.

Чтобы мы не выросли неразвитыми провинциалами, мать брала нас с собой при поездках в Москву и Ленинград, где все вместе мы ходили по музеям и театрам. Не расставалась она с нами и в отпуске. Мы вместе с родителями путешествовали на пароходе-колеснике по Двине до Котласа, отдыхали в доме отдыха в Плёсе на Волге, в Сочи.

Моя мама была красивая женщина, очень следившая за собой. А о признании её деловых качеств свидетельствует заметка в областной газете к её юбилею в 1969 году и масса поздравлений от тех, с кем довелось работать. Её ценили не только как специалиста, но и как человека, которому присущи ум, образованность, воспитанность, эрудиция, принципиальность, трудолюбие и доброта к людям. И в 60, и в 70 мужчины писали ей «очаровательная Анна Ивановна» или «приношу Вам, добрая, нежная, женственная Анна Ивановна, свой земной поклон…».

Бабушка Лидия Павловна

Бывало в нашей с Петром жизни, когда, придя из школы, мы становились безнадзорными. Мать и отец на работе с утра до вечера. Младшая сестра в детском саду. Взрослых не было, и мы творили немало глупостей. Неоднократно, забыв выключить электрическую кастрюлю, сжигали до углей фасоль или горох, которые нам поручали сварить, чудом не доведя всё до пожара. Почему-то ползали жарить на плитке картошку под крыльцо Костыговых, протянув шнур из окна и т.п.

К нашему счастью, в начале 1945 года из Баку приехала бабушка Лидия Павловна. Она взяла на себя руководство нами и ведение домашнего хозяйства.

Бабушка — москвичка. Она родилась в 1890 году. Окончила гимназию, училась в московской консерватории по классу фортепьяно, но не закончила её, выйдя замуж в 1908 году. Она была красива. Муж Иван Иванович Зимин, брат знаменитого Сергея Ивановича Зимина, владельца частной оперы в Москве, любил её, ревновал ко всем и настоял, чтобы она ушла из консерватории.

После революции она работала по направлениям биржи труда секретарём-машинисткой в редакциях нескольких газет, в частности, в газете «Известия», но, в общем, не имела специальности. С Зиминым она в силу обстоятельств рассталась и потеряла с ним связь.

Со вторым мужем, Константином Семёновичем Лютивинским, она много лет прожила на рыбных промыслах на Каспии, в посёлках, где женщине трудно найти работу, и потому не заработала стаж для получения полной пенсии.

Мать с отцом считали себя обязанными её содержать и неприличным хлопотать о хотя бы социальной пенсии для неё. В ответ бабушка взяла на себя все хлопоты по дому. Она ходила на базар за продуктами, кроме таких, как картошка и морковь. Их покупку поручали мне с Петром. Я выбирала и покупала. Он нёс. Бабушка готовила обед. Она договаривалась с соседками насчёт стирки белья и мытья полов.

Лидия Павловна

Многое она умела и старалась мне передать. Во-первых, бабушка прекрасно готовила. Русская печь требует определенных навыков и умения. Надо уметь её растопить, правильно загрести жар, вовремя закрыть, знать время, когда она прогрелась. Бабушка пекла великолепные пироги, а на праздники — нежнейшие кренделя, кексы и торты. Запекала в тесте рыбу и птицу. Варила неповторимые томлёные гречневые, пшенные,

перловые каши. Я при готовке была на подхвате: взбить яйцо, вымыть освободившийся горшок или миску. Конечно, видела, как и что делается, но готовить самой не приходилось, кроме нескольких случаев, когда мы ссорились и она, обидевшись, уходила из кухни, сказав, чтобы я готовила сама. Помню, как один раз мне пришлось доделывать голубцы. Я взяла книгу о вкусной и здоровой пище и прочла, как что делается. Приготовила. Вечером за обедом отец отметил их необыкновенность и похвалил, чем обидел бабушку, но ведь он не знал, что их готовила я. А я с той поры уверовала в возможность сварить хоть «суп Петра Великого», если будет рецепт в кулинарной книге.

Бабушка научила меня синить, крахмалить и гладить бельё. Она умела вышивать узором «ришелье» на швейной машинке. Ею были вышиты занавески на окна и остеклённые двери, накидка на абажур, наволочки на диванные подушки. Меня она сначала учила крутить ножную машину вхолостую, без нитки, чтобы делать это без обратных ходов, запутывающих нить. Я научилась вышивать на машине в пяльцах узоры на ночных рубашках, комбинируя строчку с кружевом. Бабушка пробуждала во мне понимание вкуса в одежде. До той поры мне было совершенно всё равно, что на мне надето и подходит ли одна вещь к другой по цвету и фасону. Сама она всегда была одета в хорошо сшитое платье с белым или кружевным воротничком. Она научила обращать внимание на чистоту тела, белья и обуви. Считала, что без красивых туфель одежда не смотрится. Но какими убогими были наши возможности в их покупке…

Бабушка умела шить всё, от трусов до зимнего пальто. Для наших с Петром курток и пиджаков шли в дело старые отцовские костюмы. В ту пору были модны куртки с кокетками и манжетами одного цвета и остальными деталями другого.

Платья мне и Оле бабушка и мама шили тоже из устаревшего или ставшего им мало по размеру. Мне поручали распороть, вычистить нитки, выстирать и отгладить, при шитье — обмётывать швы. Иногда требовалось сшить очень быстро и на обработку застёжки не хватало времени. Платье на мне зашивали, и я шла в театр или на вечер, а доделывали после.

Пытались заказать мне что-то в ателье, но к хорошему закройщику можно было попасть только по знакомству, а та неумёха, что доставалась мне, не умела сшить по фасону и исправить то, что получилось. При шитье дома вещь собирали из деталей на «живую нитку» и смотрели в целом, решая, что нужно изменить. Видели, что получится в итоге. В ателье никогда этого не делают. Приносят на примерку без рукавов или примеряют

один рукав, без воротника, приготовленных карманов. А потом в готовом уже трудно что-то изменить.

Бабушкина заслуга в нашем воспитании и в том, что она будила в нас совесть. Как-то мать в командировке в Москве купила себе два новых платья. Я надула губы — почему не мне. Бабушка мне объяснила, что если было бы достаточно денег, то купили бы и мне, а так надо думать о том, что мать еще молода, она работает на людях и должна хорошо выглядеть.

Я прожила в одной комнате с бабушкой много лет и как сейчас вижу её уютную сторону комнаты. Тумбочку, накрытую вышитой салфеткой, и на ней настольную лампу, длинную вазочку со всякими скрепками-булавками, саше с кипами наглаженных носовых платков. На стенке над тахтой китайскую полочку с часами, китайскую квадратную настенную тарелку и старинную небольшую иконку в металлической окантовке.

У двери в комнату, перпендикулярно к ней, стоял шкаф, а за ним большой, окованный металлической полоской, сундук. В него, в зависимости от сезона, бабушка укладывала ставшие временно ненужными вещи — то летние, то зимние. Зимние сушили на солнце, чистили, приводили в порядок и убирали, освобождая место в шкафу для летних. Бабушка прочитывала, как все мы, новые газеты, повести и романы в литературных журналах. Не помню, с кем ходила она в кино, а на концертах в филармонии со мной бывала.

Бабушка любила карточные игры. Хорошо играла в преферанс и вист, знала карточные пасьянсы. Летом её иногда приглашали поиграть Костыговы с приятелями. Во двор выносился карточный столик, и они усаживались играть вчетвером.

Человеком бабушка была общительным. Её знали и уважали все соседки, нередко занимали на неё очередь за продуктами. Всегда сравниваю с ней, занятой весь день делами, скучающих старушек, сидящих у окна или на скамейке у входа в дом.

Старший брат Георгий

Георгий родился в 1925 году в посёлке Новогиреево, как тогда считалось, Московской губернии, а теперь, можно сказать, в Москве, где в ту пору моя мать жила с дедом и бабушкой. Он мне брат по матери, отец — ее первый муж Владимир Щербаков. Щербаковым брат так и остался, когда мать вторично вышла

замуж, хотя моего отца называл отцом. В Архангельск на постоянное место жительства он переехал вместе с прадедом, прабабушкой и няней Аксиньей, когда мать уехала из Москвы к высланному мужу, моему отцу.

Учиться Георгий пошел в 9-ю школу, но на одном из родительских собраний в 3-м или 4-м классе мать по молодости и неопытности, сильно рассерженная нападками на сына, указала классной руководительнице на обилие безграмотных замечаний в тетрадях сына, то есть на её собственные ошибки. Учительница и до этого придиралась к Георгию, а с этой поры возненавидела его, и жизнь Георгия в школе сделалась невыносимой. Его пришлось перевести в другую школу. Он, переживший мальчиком такое отношение в школе, в одном из писем из армии написал: «...знаешь, в армии, когда человек попадает в подразделение, то он сразу попадает в «хорошие» или «плохие» бойцы и, между прочим, как бы эти «плохие» ни старались сделаться «хорошими», у них это никогда не получится. Они всегда виноваты, редко бывает чистое оружие, хотя оно и чище, чем у многих «хороших», больше и чаще работают, ну а «хорошие» всегда правы, устали и т.д.». И отмечал в том же письме, что для него значимо: «я, как уже писал, принадлежу к «хорошим».

Мать перевела Георгия в 17-ю школу, которую он закончил в июне 1941 года. Там все встало на место. Георгий учился с интересом, любил физику, химию. Помню, как дома на маленькой лабораторной электроплитке он выпаривал поваренную соль, растворённую в воде. Мы с Петром сидели около, ждали, пока произойдёт это «чудо», и он заставил нас попробовать. Помню, как он выращивал кристалл медного купороса, подвешенный в растворе на нитке. Познания в электротехнике позволили ему чинить электрочайник, утюг, проводить звонки, сделать настольную лампу из старинного бронзового подсвечника.

Большим увлечением Георгия была фотография. Здесь у него всё было поставлено на серьёзную основу. Аппарат «Фотокор» выполнял снимки на стеклянную пластинку. Для получения качественного снимка нужно было, с учетом чувствительности пластинки и в зависимости от условий съёмки, задать правильную диафрагму и выдержку. Это не так просто, как в современном японском аппарате, где за тебя всё делает автомат. Для определения диафрагмы нужен фотоэкспонометр. Выдержка рассчитывалась по таблице. Георгий оборудовал свою фотолабораторию красным фонарём и фонарями для подсветки при съёмке. У него были специальные фабричные деревянные кассеты с зажимами для получения снимка с негатива, куда

закладывались стеклянная пластинка — негатив и бумага. Был у него и плёночный «ФЭД». Многие снимки, которые я привожу в книге, сделаны Георгием.

После окончания школы он прошёл приписку к военкомату и обучался на курсах всеобуча шофёрскому делу для подготовки к армии, но доучиться и получить права не успел.

Георгий. Фотография 1941 года

По его желанию до армии поработать, мать устроила его на работу в слесарную мастерскую типографии им. Склепина. Типография и работа пришлись ему очень по сердцу. Позднее из армии он постоянно в письмах просил рассказать о типографских новостях.

В январе 1943 года его, в возрасте 17 лет, призвали в армию.

Передо мной множество солдатских писем-треугольников. Некоторые на настоящих типографских открытках армейского письма с надписью «Смерть фашистским захватчикам», а в конце войны — со стихом Маршака «Солдат». Есть письма на тетрадной странице в клеточку, на бланке учёта укладки парашютов, на обратной стороне каких-то хозяйственных справок и даже на чистых местах писем, посланных ему нами. Адресованы они, в основном, матери и начинаются словами: «Здорово, мама», но есть и мне, и Петру, и отцу. В одном из писем он писал: «Пусть не обижаются родные, что я письма больше адресую матери. В её лице они всем вам». Мать сохранила все эти письма. После её смерти они перешли ко мне. Конечно, она читала их нам при получении, но мне тогда было 8-9 лет, и теперь я гляжу на них совсем другими глазами.

С нашим Георгием была призвана не одна сотня архангельских мальчишек, иначе их не назовёшь, в большинстве своём 1925 года рождения, им было по 17-18 лет. Так, вместе с Георгием в ряды Красной Армии был призван Прокопий Галушин, именем которого в 1981 году названа улица в округе Майская Горка.

Георгий попал в военно-пулеметное училище, размещенное в Цигломени — посёлок Севстрой, 17. В одном из первых писем домой он пишет: «Ребята почти все свои, например, Анучин, с которым я учился лет 5-6, да и другие со мной учились на всеобуче, а их большинство...» Там же, в училище, оказался его закадычный друг Володя Тарутин. Скорее всего, на взводы их делили, построив в шеренгу по росту. Георгий пишет, что с Володей они вместе, «только он повыше, и поэтому мы находимся через коридор».

Письма очень ярко характеризуют обстановку, в которую ребята попали, как встретили, чем кормят (суп три раза в день кажется ему хорошей кормёжкой, ведь дома в 1942 году он наголодался), во что одели, чему учат.

Цигломень недалеко от города, но тогда это был путь морозной зимой через реку пешком. Поражаешься тому, что родителям, проделавшим такой путь в свой единственный выходной, могли не разрешить встречу с сыном из-за плохо

заправленной койки, например, а ведь в училище набрали солдат с избытком и постоянно отсеивали, посылая в другие части и на фронт. А другая встреча, в следующий выходной, могла и не состояться.

Письма Георгия у меня рассортированы по датам, и по ним можно проследить, какими дорогами войны прошли ребята, как трудно им было, о чём думали. Может, это тронет сердца многих архангелогородцев. Родители солдат вряд ли живы, но братья и сёстры может. Возможно, это прочтут и те, кто шагал рядом с Георгием, плечом к плечу.

В.П.Тарутин, друг Георгия. 1941 год

Читаю первое письмо.

«Цигломень, в/ч 672.

Здорово, мама!

Вчера, двенадцатого, прибыли в часть. Сразу послали в карантин, т.е. холодное помещение с проходом посередине и двумя рядами нар с обеих сторон (нижние и верхние сплошные), человек сразу на сорок-пятьдесят. Матрасов не было. Спали на своих котомках и на досках нар. Сначала не было воды, потом привезли из реки бочку воды. За день выдали в военкомате только две шаньги. Утром тринадцатого подняли часов в шесть утра. Пошли завтракать. На завтрак дали тарелку хорошего супа, причём тарелки не такие, как дома, а побольше. Дают один котелок на пять человек, так что выходит по тарелке на человека. А также дали чаю, тарелку сахара на весь стол (десять человек). На каждого пришлось по две-три чайных ложки и кружка кипятка с чаем. Затем повели сдавать испытания по русскому языку и математике письменно. По программе шестого, седьмого, восьмого класса. Испытания сдал. Повели часов в шесть вечера на обед. Обед из супа (вкуснее всяких щей, которые как-никак, а всё-таки приелись) но уже другого, с крупой и рыбными головами. И тушёная капуста с картошкой — тоже неплохая вещь. Затем часов в 8-9 повели, наконец, в баню. В бане всё бельё, за исключением железных вещей и котомки, сдали в дезкамеру. А сами пошли мыться и мылись часов пять-шесть, так как не было обмундирования. Наконец оделись. Всё велико, шапка мала, но, в общем, ничего. Нательная рубашка относительно тёплая, кальсоны, штаны, гимнастёрка, ремень, портянки, обмотки, ботинки (лошадиные), шинель, ремень на шинель. В два-три часа повели ужинать. На ужин суп неплохой, вообще кормят неплохо. К завтраку гречки грамм 200-300. Сегодня, наверное, выдадут матрасы, 2 простыни, одеяло. Вообще, расписание такое: подъём в 6 утра, отбой в одиннадцать вечера. Ходить ко мне совершенно не стоит. Во-первых, переться километров 14-15, потом — я ни в чём не нуждаюсь. Все вещи и котомки должны отдать обратно (ничего своего). Мой адрес: Архангельск, Цигломень, часть 672».

В училище курсантам всё время дают почувствовать, что они не рядовые бойцы, а будущие командиры Красной Армии. Им читают лекции на политические темы, «приводят интересные факты и планы командования во время войны и после в отношении как союзников, так и немцев, сообщают секретные приказы»... Курсанты изучают всего понемногу: топографию, связь, минирование, вооружение. От них требуют знания теории,

приказов, устава. Некоторые статьи приходится заучивать наизусть. Дисциплина очень строгая. Наряды вне очереди так и сыплются на правых и виноватых. Георгий пишет: «Курсанты к жизни в армии, когда каждый командир имеет неограниченную власть, может сделать с солдатом что хочет, а чаще всего и делает, — привыкают трудно. Кто не выдерживает и скажет поперек, в тот же день (и почему-то не днём, а ночью) моет пол вне очереди, а то и хуже — идет на «губу».

Месяц январь курсанты мерзли легко одетыми. Тепло одели их только в конце февраля.

27.02.43. Георгий пишет: «Живу без особых изменений, разве только обут и одет лучше не надо. Есть военная стеганка (брюки, телогрейка), мировые варежки меховые, новые валенки, каска и новейший автомат, который весит всего 3 кг. Мне тепло и не очень тяжело, правда, всяких фляг, сумок хватает. Кажется, начинают бояться химической войны. Противогазы у нас тщательно проверены, и мы с ними не расстаёмся, только на время сна. Вполне понятно, что они нам порядочно надоели»...

Кроме учебы, курсанты несут гарнизонную караульную службу, стоят часовыми у складов, военных мастерских, ночами патрулируют по Цигломени и с 12 ночи до 6 утра всех забирают. Регулярно ходят на стрельбище, где стреляют из пулемётов и винтовок. Ходят на отрядные учения на 20-25 км. Многое из того, что им приходится делать, кажется выше человеческих сил: атаки бегом 1,5-3 км с пулемётом весом 66 кг, часами ползать и лежать в мокром снегу, неоднократно рыть в мёрзлой земле окопы в рост человека и ночевать в них мокрыми до нитки. В этом же письме от 08.03.43 брат пишет, что «на днях был очередной выпуск средних командиров, таких же ребят, как мы. В торжественной обстановке был дан прощальный обед (для них). Как все говорят, их отправляют куда-то на Северный флот».

Начались разговоры о переводе курсантов в город, в казармы около стадиона «Энтузиаст» на Пермской (Казармы Восстания), а, может быть, в Чёрный Яр.

12 мая 1943. «Приехали в Чёрный Яр на «макарке». Набита была битком. Всё было с собой, ехали часов 5-6. Живём в палатках, холодновато. Возможно, что будем «загорать» до снега, к Новому году, вернее, в Новый год, возможно, получу «звездочку... От Большого театра до меня ровно 25 км»...

14.06.1943. «В начале сообщу главное — из нашего училища отобрали полтораста человек каких попало, вернее, какие попали под руку, и мы сейчас едем в неизвестном направлении в теплушках. Потрясывает, поэтому пишу такими каракулями. Насколько я знаю, путь такой, какой был полмесяца назад у тебя».

Георгий оказался под Москвой (полевая почта — п/п С 86609 литер Б 4) в районе Монино, на берегу Клязьмы. Недалеко посёлки Чудино, Куловка. Выстроили землянки. Опыта нет, и печка дымит, а они не знают, как это исправить. «В воздухе бесконечный гул самолётов. На фронте не был, а уже видел, как они разбиваются». Газеты им привозят из Москвы на электричке в тот же день. Еда: каша, каша и каша. Суп — жидкая каша. Основа всей еде — концентраты пшеничные, пшённые. Раз в месяц наряд на кухню. Пишет: «Работали всю ночь, не спали, но ели консервы и были сыты, а это бывает нечасто».

Начали обучаться прыжкам с парашютом. «... Сделал первый прыжок с парашютом. Сначала сложили парашюты. Мы в этом давно натренировались, затем по четыре человека залезали в кабину баллона воздушного заграждения. Поднимались на 400-500 м и прыжок пять минут. Земля сверху выглядит абсолютно ровной. Интересно и красиво. Видно очень далеко. Сначала вниз глянешь и прыгать не захочешь, некоторую часть бойцов выталкивали силой. Это уже хуже и на других действует. Сначала, как прыгнешь, сердце замирает, затем несильный рывок и как будто повиснешь в воздухе и обозреваешь местность, затем начинает надвигаться земля, развернёшься в сторону, куда надо, и приземлишься. Это легче написать, чем сделать. Небольшая неправильность (не вместе ноги, не согнуты, спиной, боком в сторону скольжения) — и травмы, растяжения, вывихи...

Георгий с Каргаловым, вторым номером пулемётного расчёта.

Фотография 1944 года

17.07.1943. «Вчера сделал второй прыжок в полном снаряжении. Погода ветреная, в результате ушибы. Больше всего калечат ноги. У меня почти в порядке — немного покарябал кисть левой руки, кажется, растяжение, но уже проходит... Что ждёт впереди — не знаю, одно хорошо известно, что учение недолгое, месяц-полтора, а после прыжок в тыл, так что перспективы попасть домой не предвидится...»

Георгий пишет, что часто проводятся ночные подъёмы по тревоге с маршами по 15-20 км в полном боевом снаряжении с ручным пулемётом, который весит 8,4 кг.

Прыжки продолжаются. Каждое письмо начинается словами: «Пока что жив, по-прежнему здоров». Учится он неплохо, на хорошем счету и получает увольнительную в Москву.

14.08.1943. «Группой 50 человек на поезде, а затем в метро добираемся до выставки трофейного оружия. Втроем с младшим лейтенантом удираем от группы и побывали на почте, на Красной площади, видели гостиницу «Москва». Удивительное, на мой взгляд, впечатление — на улицах людей мало».

17.10.1943. Посылает в письме свою фотографию «с Каргаевым, вторым номером моего пулемёта, хорошим товарищем, роста среднего, тоже комсомольцем. Истратил на фото все свои капиталы и даже залез в долг на десятку». Пишет, что «взвод полностью комсомольский. Вместе спим, вместе едим, короче говоря, друзья и товарищи близкие, хорошие отношения со всеми ребятами взвода. Едим мы, как вообще в армии, из одного котелка. Знаешь, в армии всё нужно делать вместе, иначе мало что получится»...

31.10.43. Ждут снега, чтобы прыгать с парашютом, теперь уже с самолёта. Неудивительно, что при жизни в землянке у Георгия совершенно изменилось мнение о бане. Идёт туда с большей охотой, чем в кино. Пишет: «Правда, баня не всегда бывает жаркой, но вода всегда горячая, мыла вдоволь. Хорошо, не особенно моясь (и так не грязный, тем более, что каждое утро мою шею с мылом в ледяной воде) пообливаться горячей водой»...

20.11.43. «Сегодня получил тёплую шапку, рукавицы. Дали не всем. Только половине. Получили лыжи — настоящие бревна. В караул дают валенки. Погода с мокрым снегом и дождем»...

Электричества в землянках нет. Жгут масло в коптилках, и его недостаточно. «... пишу почти в темноте, около пяти часов уже стемнело. Зажигать до следующего караула нечего»...

17.12.43. Погода, несмотря на декабрь, с оттепелями. Даже река не совсем замёрзла. Каждый день ходят на лыжах по лесам

по азимуту. Отмечает, что «приехали несколько месяцев назад в густой лес, а теперь он неузнаваемо изменился, стал похож на поселение. Лес очень здорово вырубили на разные нужды»...

Поздравляет с Новым годом: «Желаю Вам хорошо прожить 1944 г. и жить подольше».

20.01.44. «Тринадцатого числа прыгали с самолёта, чувство не из приятных, тем более, что есть возможность угробиться. Прыгать собирались давно, но всё как-то отменяли, то погода неподходящая, то самолетов нет, то тактические занятия. Наконец, пришли опять на аэродром, сели в самолёты по 25 человек, причём, когда садились, то ветер от моторов такой, что едва можно стоять. В самолёте просторно, для каждого отдельное сиденье, откидное, сзади две двери по обеим сторонам. Я попал первым в левую. Летели плавно. Изредка попадали в воздушные ямы и падали на несколько метров вниз. Видно очень далеко и довольно хорошо. Затем сигнал «приготовиться» — один гудок. Открыли двери. Встали у них. Это самый неприятный момент. Затем, минуты через полторы, частые гудки «пошел». Берёшься за запасной (ПЗ) и в дверь — прыгаешь, думая, что теперь всё кончено. Воздух кажется плотным, как вода. Струей воздуха сразу откидывает от самолёта. Дальше шуршание за спиной, рывок, и уже висишь совершенно спокойно и смотришь вниз и на товарищей, затем мягко приземляешься на снег и тащишь свёрнутый парашют на склад до следующей укладки и прыжка».

16.02.44. п/п С 34549 «В»

«Сегодня окончательно оформились как гвардейцы — выдали новые значки, ждём знамя. Касательно отправки, то она между завтра и двумя-тремя месяцами. Короче говоря, никто толком не знает, но готовы полностью, есть даже обоз»...

«...Праздник встретил задним числом, как и остальные 20 человек. Выпили после праздника, но зато столько, сколько влезло и даже больше, благо самогон гонят во всех деревнях. Много было шума, на другой день, при воспоминании, смеялись до слёз»...

12.03.44. «При возможности пошли мне в двух разных письмах, чтобы дошли, несколько шахматных партий-задач. Здесь, как свободное время, так за шахматы, играют почти все. Сделал две партии. Потратил на них примерно дня четыре. Делал, конечно, в свободное время. Удачно. Очень похожи на настоящие»

18.03.44. «Живу немного иначе, т. е. не так спокойно.

Частенько по ночам бывают тревоги, походы с учениями повторяются через каждые несколько дней. Воюем по двое-трое суток, ночуем где придётся, чаще в деревнях. Стучимся в любой

дом, спим там, где ляжем — под столом, на полу, на печи — где есть место. Чувствуем себя как дома, только местные так привыкли ругаться, что без мата и предложения не могут сказать, так что больше молчим и между собой негромко говорим... Питаемся из походной кухни, варят так себе, кормят чаще холодным или чуть тёплым».

19.03.44. «Здесь уже здорово чувствуется весна, дороги размокли, на берегу речки прогалины. Заниматься, особенно тактикой, трудновато, так как на лыжах нельзя — снег мокрый, липкий, а без лыж ещё хуже — проваливаемся. Все, кроме нас, уже упаковали лыжи. Скоро сдавать валенки, все равно в них, как и на лыжах, ходить не придется...»

21.03.44. «Часто хожу в походы и довольно далеко. Идёт нас несколько тысяч сразу, так что не скучно. Если останавливаемся, то занимаем сразу несколько деревень». Письмо написано на обратной, чистой стороне моего к нему письма о том, что к нам заходил, и уже в звании лейтенанта, Володя Тарутин.

27.04.44. «Я очень и очень благодарю тебя за посланный тобой журнал. Он доставил мне большое удовольствие, да и не только одному мне, но и всем нам, тридцати человекам, и его будут теперь читать и перечитывать до тех пор, пока можно будет разобрать слова. Кроссворд заполнили почти весь, стёрли резинкой и опять стали писать.

Погода направилась. Снег почти стаял, дороги высохли, речка Клязьма увеличилась в два раза, течение быстрое, снесло два капитальных деревянных моста. Продукты перевозят на лодке»...

Наверное, их землянки стало заливать водой, а может, для переформирования части их переводят в Ногинск. Сообщил матери адрес в надежде, что она сможет приехать и с ним увидеться.

Ногинск. Глухово. Старая гостиница у Глуховского клуба. До Москвы ходит поезд. От вокзала в Ногинске трамвай до клуба.

Продолжается их обучение. Пишет, что «стрелял из ПТР. Звук и пробивная способность жуткая. Я хоть это знал, но не знал, что так здорово. Вчера ездил на трофейной шевроле. Даже сам не думал, что сяду и так сразу поеду, однако поездил по всему Ногинску... Жалею, что, когда кончил курсы шофёров, не было возможности постажироваться и получить права... Быть шофёром в армии — это среднее между службой в армии и «гражданкой», короче говоря, дело хорошее»...

2.05.44. «Приняли гвардейское знамя. Жизнь здесь во всех отношениях хороша. Живём в отдельных комнатах, кино, библиотека, книги, журналы. Только морально неважно»...

1.06.44. «Письмо твоё получил, увидеться, конечно, очень бы

хотелось (вероятно, мать написала, что приедет). Сегодня я только второй день как нормально себя чувствую, а то дня два-три совсем не вставал, да дня два поправлялся. А до этого лежал и ничего, кроме каких-то таблеток и лекарства, не ел и голова здорово кружилась.

Знаешь, в армии я всего два раза обращался в санчасть, а условия ещё те!»

Мать приехала в Ногинск. Металась от вокзала к казарме. Искала среди грузившихся в эшелоны, а его уже отправили на фронт. Он написал Петру: «С матерью увидеться не удалось. Я уехал раньше, чем думал»

28.06.44. «Уже воюю. Участвовал в форсировании реки Свири. Перед форсированием была артподготовка несколько часов, финны тоже не отставали, так что грохоту было немало. Сначала прятались, боялись осколков, потом осмелели, стали ходить в рост. Финны удрали сразу за один день километров на 30, и так почти каждый день и ночь»

19.07.44. «Так уж получилось, что я десятого числа уехал на фронт, а знаешь, как я тебя ждал! Даже не раз приходил на станцию во время прихода поездов, ведь мы грузились на этой же станции. Проезжали мы знакомыми местами, мимо Кускова. Новогиреева что-то не заметил. Ехали не одни сутки и приехали к финнам. Воюю уже с месяц, не раз был под обстрелом.

Получил письмо от Володи Тарутина. Его адрес п/п 83432 «Ш»

1.08.44. «...На 9 дней попал в тыл, куда никакой снаряд не долетит, так что живём спокойно, чуть чего — не хватаемся за автоматы. Финны по ночам не бродят, никого не тащат».

Трудно судить, что за груз они выгружают из баржи, но пишет, что работа не особенно хорошая. «Поработаем ещё немного и опять на передовую, а стоять приходится впереди пехоты. Финны засели крепко. Строили десяток лет, с толком, чувством, расстановкой и, главное, места пристреляны, это уж как обычно»

11.08.44. «Был два дня на передовой, затем перебросили в Карелию.»

Радуется поспевшим ягодам, тому, что удалось в ручье постирать обмундирование, и выглядит приличнее, чем на передовой, где по несколько дней не доводилось мыться. Ходили в песке».

«Опять попал в десантники. Изменился адрес полевой почты. Теперь — п/п 35860 «И».

30.08.44. «Недавно имел удовольствие полетать на самолёте дольше обычного, повидать других людей, настоящих белорусов,

считающих нас чуть ли не за своих сыновей. Правда, сначала они приняли нас за немецких десантников, тем более что на нас особое снаряжение, знание десятка — другого необходимых немецких фраз и наше появление с неба».

Георгий где-то в районе Орши. Описывает, как она разбита.

12.10.44. п/п 25860 «П».

«Опять лес, землянки строю. Орша разбита. Изредка прыжки. Погода осенняя, но не очень холодная. Дует ветер.. Лишний раз перевернёшься через голову при приземлении».

4.11.44. «В землянке тепло, сухо. Всё обшили досками. Начинаются дожди, но снега ещё нет. Выслушиваем по утрам сообщение о ходе военных действий. Знаешь, мы всё ещё сидим порядочно от фронта, и видно, нам придется участвовать в последнем ударе... Готовимся к этому подходяще, особенно политически... Живём в лесу, с населением не общаемся. Нам важно, что никто нас не видел, ну а кто увидел, то первый и последний раз».

9.11.44. «Праздник провёл относительно неплохо. Два дня почти не трогали, занимались чем хотели. Сделал опять шахматы... На улице слякоть, сегодня первый снег, завтра оденемся теплее. Опять политика. Письмо т. Сталину с разными обязательствами, в том числе о знамени над Берлином — задача нелёгкая».

3.01.45. «Поздравляю с наступившим Новым годом! Думаю, что этот новый год будет лучше предыдущих годов войны и выражаю надежду, что на этом последнем году война закончится и мы встретимся дома».

Дальше пошло стремительное передвижение: адрес п/п меняется сначала на 25860 «Т», а затем, 22.01.45, на 71202 «Ю». Часть находится недалеко от Житомира. Через Молдавию и Румынию дошёл до Венгрии и отмечает, что эти места не видели настоящей войны. «Чем дальше на запад, тем меньше разрушений».

«Когда увидел Черновцы, то подумал, что нам ещё далеко до таких построек. Каждый хозяин старается отделать свой дом и расписать стены. Бывает, что целые картины. Около домов, что ближе к окраине, большие участки винограда, у каждого хозяина целый завод вина, подвалы. Как видно, жили неплохо. Город разбит мало, но жителей немного. В центре — магазины, но пустые. Хозяев и близко не увидишь».

Опять произошло переформирование части, и Георгий попал в стрелковую, в расчёт станкового пулемета. Как пишет, «нового облегченного, а старый и вспоминать не хочется».

8.03.45. «Поля только ещё подсыхают, и ноги вязнут так, что

и двадцать метров пробежать невозможно, остальное — кое-как шагом. Изредка сыплет снежком, а на другой день его уже нет».

15.03.45. «...Ночью в шинели холодновато, но спать всё-таки можно. Спим на земле (благо она сухая), только под бок кукурузные стебли подстелешь. Потом, сейчас здесь, а завтра в наступление, так что на всё смотришь без охоты».

Это последнее письмо.

В одном из писем Георгий написал: «...я сейчас не знаю, что будет через пять минут. Здесь частые миномётноартиллерийские обстрелы, и жизнь зависит от случайности, попадёт или нет какой-нибудь осколок, а они все сучки над головой срежут. Не раз мины рвались в трехчетырех метрах, а я лежал прямо на земле без всякого укрытия, но то ли мне везёт или суждено жить долго, но только раз по обеим ногам двинуло, порвав самую малость правую ногу, да штаны. Потом во мне какая-то уверенность, что вернусь домой целый и невредимый, а поэтому, когда рвутся снаряды, чувствую себя спокойно»

Судьба распорядилась иначе. Георгий погиб 5 апреля 1945 года и был похоронен на западной окраине деревни Унтер-Пшатенг в Австрии.

Извещение о его гибели принесли, когда матери с отцом дома не было. Приняла его я. Расписалась. Прочла и побежала к бабушке в комнату. Она воскликнула: «Господи! Горе-то какое!» Почему-то сил не было ждать, пока мать с отцом придут домой, и с таким известием я пошла по Поморской им навстречу и сообщила об извещении на дороге. Дома мать взяла его в руки и долго без слёз сидела, опустив его на колени, а потом ушла в отцовскую комнату, закрылась и плакала. В доме воцарилась тишина.

В письмах Георгий готовил её к тому, что может не вернуться. Так, в письме от 26.08.43 он написал: «...ты, мама, не старайся обо мне беспокоиться. Во-первых, тебе это вредно. Ты и так не очень здоровая стала, да и тяжело тебе временами приходится, я это отлично понимаю, ведь сейчас война, а дома старая бабушка и трое малолетних ребят, во-вторых, мне кажется, что я побуду ещё здесь, пожалуй, до зимы, а потом не нужно забывать, что служу в особых гвардейских автоматных частях и воевать начну где-нибудь в немецком тылу, а оттуда попасть обратно сильно затруднительно, так что, возможно, дома побывать и не придётся, ты не очень огорчайся. Семья большая, да и война без этого не бывает».

По законам военного времени Георгий почти ничего не писал о том, что происходило на передовой. Но об этом можно судить по подвигу его однополчанина Прокопия Галушина, который

погиб двумя месяцами раньше Георгия на том же фронте в боях у озера Балатон. В пылу сражения с немецкими танками Галушин со связкой гранат бросился под головную самоходку «Фердинад». 29 июня 1945 года ему за этот подвиг было присоено звание Героя Советского Союза.

СССР
Народный Комиссариат Обороны
ЛОМОНОСОВСКИЙ районный Военный Комиссариат
Архангельской области

Форма № 4

ИЗВЕЩЕНИЕ

№ 1605

Ваш сын Кольцов Иван Иванович
(муж, отец, сын, брат, должность, воинская часть, воинское звание)
Георгий Васильевич
(фамилия, имя, отчество)

уроженец г. Няндома
(время гибели, точный адрес места захоронения)

в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил геройство и мужество, погиб 5 апреля 1945 г.

похоронен на Запад. окраине дер. Ультер-Лайтин, Венгрия

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 237)

Ломоносовский Райвоенком
майор м/сл (Подобин)

М.П. Начальник II отд.
ст. лейтенант (Мартынов)

Извещение о гибели Георгия

Мать вышла на пенсию в 1989 году в возрасте 80 лет и при стаже 59 лет получила тогда максимальную пенсию в размере 1200 руб. С ней вместе жила внучка с двумя малолетними детьми. С деньгами, которыми они располагали, стало трудно сводить концы с концами. Наши с Петром возможности помогать тоже были невелики. В 1990 году я решила выяснить, какие льготы от государства может она получить, как мать погибшего на фронте солдата. Прежде всего, отправилась в Совет ветеранов войны и труда, который размещался на первом этаже здания горисполкома. За столом сидел полный, напыщенный бывший военный при всех наградах. Я разложила перед ним извещение о гибели Георгия, материны свидетельства о наградах медалями

«За доблестный труд во время Отечественной войны», «За оборону Заполярья». Он как-то брезгливо одним пальцем сдвинул всё мне обратно и произнес: «Ей положен бесплатный проезд в трамвае», на что я ответила, что на это денег она найдёт. Хорошо, что я ему не поверила и пошла к юристу в Обком профсоюзов, а там мне порекомендовали обратиться в расчетный центр по начислению пособий и пенсий. Там за погибшего Георгия матери оформили льготу 50% оплаты за квартиру и всех коммунальных услуг, включая свет.

Возмущаюсь, что в Совете ветеранов сидел такой бездушный, юридически безграмотный человек. А ведь кто-то из обратившихся поверил ему...

Сестра Оля

Она была на два года моложе меня. Знакомые родителей, глядя на нас с сестрой, замечали: «У вас, как у Лариных», — имея в виду семью из «Евгения Онегина». Оля — блондинка, Таня — черноволосая» В школе даже нашлась учительница, которая спросила, правда ли, что Ольга мне родная сестра.

Мы с Петром выросли без детского садика. Но Оле, когда мы пошли в школу, а прапрабабушка была уже очень стара, пришлось в него походить. Садик был на Володарского, на чётной стороне, в первом квартале от Новгородского, в одноэтажном деревянном доме. Я часто ходила забирать её оттуда по вечерам.

Приходя из садика, Оля рассказывала, чем там занимались. Вспоминаю, как она показывала танец, который там разучивали. Я была старше, и движения, наверно, были лучше. Чтобы её подразнить, показала, что надо не так, а так. Она призвала на помощь бабушку, чтобы доказать правоту, а бабушка сказала, что, наверное, нужно так, как Таня показывает, чем очень Олю расстроила.

До войны у нас не было проблем с едой. В том смысле, что ели мы, ребята, с аппетитом всё, что нам давали, без всякцх капризов. Летом выносили на крыльцо маленький детский стол, и мы втроём за него садились на маленькие стульчики. Четвертой за нашим столом бывала Ира Алексеева — дочь артистов театра Дмитрия Сергеевича и Татьяны Михайловны Алексеевых. Они говорили: «Может, она за компанию хоть что-то съест».

В 1944 году Оля пошла учиться в 17-ю школу, и мать водила её по утрам туда. Мы с Олей как-то всё время попадали в разные

смены. Училась Оля хорошо. Продолжала учиться музыке и тогда, когда мы с Петром бросили музыкальную школу.

Трудно сказать, вследствие чего она заболела. Возможно, потому, что маленькой перенесла голодные военные годы и организм был ослаблен, но болезнь началась как-то внезапно и развивалась очень быстро. Сначала высокая температура, потом беспамятство. Врачи поставили диагноз — туберкулёзный менингит. Вела Олю Мария Владимировна Пиккель. Болезнь, наверное, была редкой, и лечить от неё не очень-то умели. По заключению врачей, спасти мог только стрептомицин. Отец предпринял героические усилия, чтобы раздобыть его в Москве. Запрос был сделан через первого секретаря обкома Власова. Из Москвы пришла телеграмма: «Стрептомицина в стране нет».

Оля

Ольга умерла. Хоронила её вся школа, помню, что народу было необыкновенно много. Похоронена она на Кузнечевском кладбище. Мать сохранила её тетради, портфель, табели из общеобразовательной и музыкальной школ, письма.

Назвать его так могу лишь с сильным преувеличением. Мы погодки. С младенчества были ровней в играх в замкнутом пространстве двора. Вместе пошли в школу и учились параллельно, когда её разделили на мужскую и женскую. Я знала не меньше половины его одноклассников, он — всех моих приятельниц. Мы вместе ходили в кино, на каток, танцевали на школьных вечерах. Учился он неплохо. Единственный предмет, который ему не давался — математика. Вместо того, чтобы заучить формулу и использовать при решении примера, он задавался вопросом, а почему формула такая. Задачи начинал решать с ответа. Умножал, делил цифры ответа, чтобы выйти на исходные данные задачи.

Пётр был одарен прекрасными музыкальными способностями. Он учился в музыкальной школе всего год, а мог самостоятельно разучивать прелюдии Рахманинова, пьесы Чайковского, вальсы Шопена. Играл для себя, для души. Он играл на любом музыкальном инструменте, попавшем в руки, будь то гитара, баян или контрабас.

Когда он начал усердно заниматься на пианино, у него быстро налаживалась техника пальцев. Выступал как-то на вечере в школе. Мать с отцом ходили на концерт, были горды Петром, и он загорелся учёбой в музыкальном училище, но это требовало сдачи экзаменов за курс музыкальной школы и подготовки к экзамену по специальности в училище. Короче говоря, требовало значительных усилий, и не состоялось.

Жила в нём любовь к машинам. Малышом он сидел на перекладине под обеденным столом, с крышкой кастрюли в руках и издавал звуки едущей машины. Застывал на месте при виде работающего трактора или автомобильного крана. Мог опоздать на уроки в школу, наблюдая за работой снегоуборочной машины, загребающей снег механизмом, похожим на руки.

Первым личным транспортным средством была детская педальная машина. Потом взрослый велосипед. Затем начал просить родителей купить мотоцикл и добился своего. Мне помнится, это был «Ковровец». Петру хотелось более мощный, и он сменял его с доплатой на трофейный ДКВ. Мы с иронией расшифровывали название как «дурак кто выдумал». Но на самом деле мотоцикл был отличный. Мотор работал почти бесшумно. Ездили на мотоцикле даже за хлебом на угол Поморской через два дома от нашего, уж не говоря о рынке. Пётр вступил в ДОСААФ, участвовал в соревнованиях по мастерству вождения

мотоцикла и в кроссе. Он заразил любовью к мотоциклу всех соседских мальчишек. Они тоже вступили в ДОСААФ и получили мотоциклы для тренировок. Мотоциклистами стали Володя Баженов, Миша Овчинников, Борис Привалов. Днём у всех были какие-то свои дела, а вечером, около 10 часов, они собирались на мотоциклах у нашего дома, и начиналось катание по очереди всех девчонок по Новгородскому до Урицкого и обратно. Катание с грохотом и треском, оно продолжалось часов до 12 ночи на «радость» соседям.

Пётр. Фотография 1949 года

Летом, в каникулы, после 9-го класса он устроился на работу

шофёром грузовой машины. Но мечтой, конечно, было приобретение собственной легковой машины. Как старуха в сказке о рыбаке и рыбке, он менял технику, пока не остался у разбитого корыта. Мотоцикл ДКВ он сменял у какого-то предприимчивого взрослого на трофейную легковушку-развалюху. Через некоторое время по дороге к Чёрному Яру в ней что-то капитально лопнуло. Там она и осталась.

Петя был любимцем отца и матери и источником вечных тревог за него. Совсем малышу, ему попали брошенным камешком или пулькой из рогатки около виска, когда отец катал его на велосипеде, посадив перед собой на раму. Отец принёс его домой бесчувственного, в крови. Все обошлось, осталась лишь отметина у виска. Было у мальчишек занятие цепляться крючком за задний борт грузовика и катиться за ним на коньках или просто на валенках. Мать бегала по Новгородскому, ловила Петра за этим опасным занятием.

Детские болезни: корь, ветрянка, свинка — достались ему в более тяжёлой форме, чем нам, сёстрам. Мать боялась осложнений.

Опасались, что к нему привяжутся какие-нибудь хулиганы. Если во время наших игр открывалась калитка и незнакомый парень командовал: «Петька, иди сюда», я говорила: «Петька, не ходи». Некоторое время перепирались, потом он всё же шёл, но, надо сказать, не помню, чтобы он с кем-то дрался, умел ладить с мальчишками, и его уважали.

Ну а вообще Пётр был рослым, красивым, обаятельным мальчишкой. Нравился девчонкам и вечно был кем- то увлечён. Писал стихи, дарил цветы, катал на велосипеде, на мотоцикле, фотографировал. Появление каждой новой пассии ознаменовывалось серией снимков: одна, с подругами, с ним.

В ДОМЕ НА НОВГОРОДСКОМ

Александр Казаков

В феврале 2003 года в Архангельском Музее изобразительных искусств открылась выставка картин «Певец Севера». Она была посвящена 100-летию со дня рождения художника Александра Васильевича Казакова. На выставке были представлены около 80 его работ. Не буду пересказывать содержание газетной заметки Е. Ирхи о выставке и о нём[71]. На фотографии его доброе, милое, знакомое лицо. С отцом он работал над многими спектаклями театра, и их связывали дружеские отношения. Он бывал у нас на Новгородском. Я встречала его в театре. Несколько раз вместе с отцом и братом побывала у него дома. Он жил на Павлина Виноградова в двухэтажном оштукатуренном белом доме № 32. Дело в том, что кроме живописи он занимался фотографией. Вероятно, это было ему нужно, чтобы сохранить для себя вид макетов сцен спектаклей. По просьбе отца он неоднократно фотографировал нас с Петром парой в разном возрасте.

Просматривая газеты «Правда Севера» за период с 1930 по 1952 год, я невольно обращала внимание на заметки, в которых упоминалось о его работах. В дополнение газетной публикации Е. Ирхи приведу в хронологическом порядке ещё некоторые сведения.

24 октября 1931 года кинотеатр «Эдисон» показывает первый звуковой фильм «Одна» (с муз. Шостаковича). Кинотеатр к этому событию оформил Казаков. В 1934 году он участвовал в оформлении города к ноябрьским торжествам. «Против Дома Советов по правую и левую сторону обелиска устанавливаются конструкции, отражающие индустриализацию Севера, по эскизам художников Казакова и Румянцева»[72]. Рассказывая, над чем работают северные художники, в сентябре 1935 года газета сообщала, что Казаков по заданию Краевого музея работает над картиной «Побег заключённых политкаторжан с Мудьюга[73].

В феврале 1936 года по постановлению Севкрайисполкома в фойе Большого театра открывается первая краевая выставка работ северных художников. В ней участвуют художники Великого Устюга, Вологды и Архангельска: С.Г. Писахов, А.В. Казаков, В.Г. Постников, В.В. Преображенский, Н.А. Фурсей и др. Казаков представил «Побег с Мудьюга в 1919 году», «Сухонские мотивы», «Парк осенью», «Весенний пейзаж», «Портреты женщины»[74].

В том-же 1936 году он оформляет спектакль Большого театра «Большой день», работая с режиссёром А.А. Каратовым. За годы работы театральным художником он оформил десятки спектаклей, которые отражали события, происходившие в разное время: от пьес Островского, Горького, Чехова до современных. Работать ему довелось со многими режиссёрами-постановщиками, что, конечно, ставило сложные задачи, ведь у каждого режиссёра свой подход и требования к оформлению.

Александр Васильевич Казаков

С режиссёром А.В. Андреевым Казаков разрабатывал оформление спектаклей «Любовь Яровая» (1937), «Уриэль Акоста» (1938), «Павел Греков» и «Падь серебряная» (1939), «Вынужденная посадка» (1940), «Инженер Сергеев» (1944). С режиссером Х.М. Кожевниковым ставил «Вторые пути» (1939), «Наш корреспондент» (1943). Для режиссера К.И. Андронникова он оформлял «Сады цветут», «Отцы», «Фландрия», «Взаимная любовь» (1940); с Е.А. Простовым работал над «Кремлевскими курантами» (1942) и «За здоровье того, кто в пути» (1943), «Гроза» (1943).

С Теппером судьба их свела в работе над спектаклями «Обыкновенный человек» (1945), «Дорога в Нью-Йорк» (1946), «О

друзьях-товарищах» (1948).

Я уже приводила отзывы на работы Казакова над оформлением спектаклей при рассказе о театральных художниках. В рецензиях всегда отмечалась его удачная работа, а иногда были даже такие слова, как «изобретательно оформил».

В апреле 1937 года Выставком ВДНХ поручил составление проекта оформления Северного зала архангельским художникам А.В. Казакову, В.Г. Постникову и В.В. Преображенскому. В зале предполагалось отделать стены деревянными панелями, потолок украсить орнаментом северных кружев, а лиственничный паркет — ненецким орнаментом. В том же году Казаков работает над картиной «Рыбаки» и портретом сказительницы Марфы Крюковой[75].

Весной и летом 1939 года Казаков пишет северные пейзажи, находясь в творческой командировке на Новой Земле. В январе 1940 года Союз художников и товарищество «Северный художник» провели отчётную выставку. На ней были отобраны 70 картин и этюдов для показа на выставке в Москве, среди них 12 этюдов Казакова.

Искусствовед М. Сокольников, рассказывая об успехе на выставке картин архангельских художников, отметил картины «талантливого Казакова «Бухта Поморская» и «Становище Кармакулы»[76].

В мае 1940 года он снова пишет пейзажи Новой Земли, работает над портретом героя лётчика Водопьянова. В декабре, я уже говорила, театральные художники представили макеты и эскизы оформления ряда спектаклей на областную выставку архангельских художников в залах областного музея. Казаков был среди них и получил премию.

В 1946 году он работал над портретом Тыко Вылки, писал пейзажи в Нёноксе, Каргополе и готовил работы, посвященные освоению Арктики, к предстоящей выставке художников к 30-летию Октябрьской революции.

Последнее упоминание о его участии в выставках — в марте 1950 года[77]. На выставке картин в областном театре показана его работа «Поточная бригада в лесу».

Картины А.В. Казакова имеются в фондах Музейного объединения «Художественная культура Русского Севера», и архангелогородцы имеют возможность полюбоваться пейзажами талантливого художника

Юрий Герман

В 1955 году издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет роман Юрия Германа «Россия молодая». В октябре мои родители получили от автора книгу в двух томах с дарственной надписью: «Дорогим Анне Ивановне и Петру Фёдоровичу Кольцовым на добрую память от архангельско-ленинградца Ю. Германа». В сопроводительном письме он просил прислать рецензию на книгу, появившуюся на страницах «Правды Севера», пожелал здоровья и счастья и просил передать привет всем, кто его помнит. Что же связало его с моими родителями?

В Архангельск Юрий Павлович Герман приехал в конце августа 1941 года как военный корреспондент ТАСС. Он пишет очерки и репортажи о подвигах североморцев для ТАСС и Совинформбюро, заметки и фельетоны для «Северной вахты» — газеты Беломорской военной флотилии. Он часто и надолго выезжает на передовые позиции Карельского фронта, вылетает в Мурманск, Ваеньгу, участвует в походах на боевых кораблях Северного флота. За короткое время он подружился со многими моряками, лётчиками, врачами, журналистами. Частенько бывал на пароходе у капитана Гогитидзе, который участвовал в перевозке грузов в составе караванов. Это была опасная и трудная служба. Юрий Павлович написал об этом пьесу. Её главный герой, капитан парохода Абашидзе, — человек беспредельно храбрый и мужественный. Прототипом его послужил Гогитидзе. Пьеса называлась «За тех, кто в пути». Она была поставлена на сцене областного драмтеатра режиссёром-постановщиком Е.А. Простовым. Оформление спектакля осуществил Казаков, музыку к спектаклю написал мой отец. Премьера спектакля состоялась 23 февраля 1943 года, в 25-ю годовщину Красной Армии и Военно-Морского Флота. Спектакль пользовался большим успехом у зрителей.

Юрий Павлович Герман на Северном флоте. Фотография 1942 года

В это же время Германа занимали события войны России со шведами в начале XVIII века. Он изучал архивные материалы, прочёл книги о строительстве Новодвинской крепости, Соломбальской и Вавчугской верфях, расспрашивал о Гостиных дворах, где находились типография и редакция газет «Правда Севера» и «Северная вахта», в помещении которых он работал, о Соломбале, Мосеевом острове, приездах Петра I в Архангельск

В октябре 1943 года Ю. Герман в кругу писателей и журналистов прочитал новую пьесу «У самого Белого моря», которая получила одобрение, но ещё несколько месяцев её дорабатывал. Свет рампы она увидела 6 ноября 1944 года под названием «Белое море».

Спектакль был поставлен режиссёром А.В. Андреевым, его оформлением занимался Л.З. Файленбоген, танцевальные номера были поставлены балетмейстером Н.Д. Маркотой. Музыку к спектаклю опять написал отец. Роль молодого Петра I исполнил артист С.А. Лобанов, кормщика Рябова — С.Н. Плотников. В

газетной критической заметке были похвалы песням отца к спектаклю «Как во городе во Архангельском» и «Как на матушке на Двине-реке». В рецензии Б. Иринина на спектакль отмечена удачная игра Плотникова, «не в меру своих сил» — Свирского в роли воеводы, и Камской в роли Таисьи, но рецензия начинается словами «зал полон зрителей».

Возможно, тогда же Юрий Герман начал работу над историческим романом «Россия молодая». В «Правде Севера» в мае и октябре 1954 года были опубликованы его первые главы.

Дела Германа в Архангельске не ограничились творчеством и непосредственными обязанностями. Вместе с другими ленинградскими литераторами, жившими в годы войны в Архангельске, он организовал восстановление распавшейся писательской организации и выпуск в 1943 году Архангельским областным книжным издательством альманаха «Север».

Работая над текстом пьес, он общался с матерью по вопросам литературного редактирования, связывала их и подготовка к изданию альманаха.

С моим отцом он встречался в пору работы над спектаклями, согласуя музыкальное оформление и неоднократно бывая у нас дома на Новгородском.

Однажды он пришёл с детьми. Дочь Марина была высокой и очень тонкой, сын Алёша — низеньким и полным. Нас, детей, познакомили. Они принесли с собой мозаику громадного размера, скорее всего импортную. Пока взрослые обсуждали свои дела, мы вместе складывали картинку какой-то сказки — то ли Шарля Перро, то ли Ханса Андерсена.

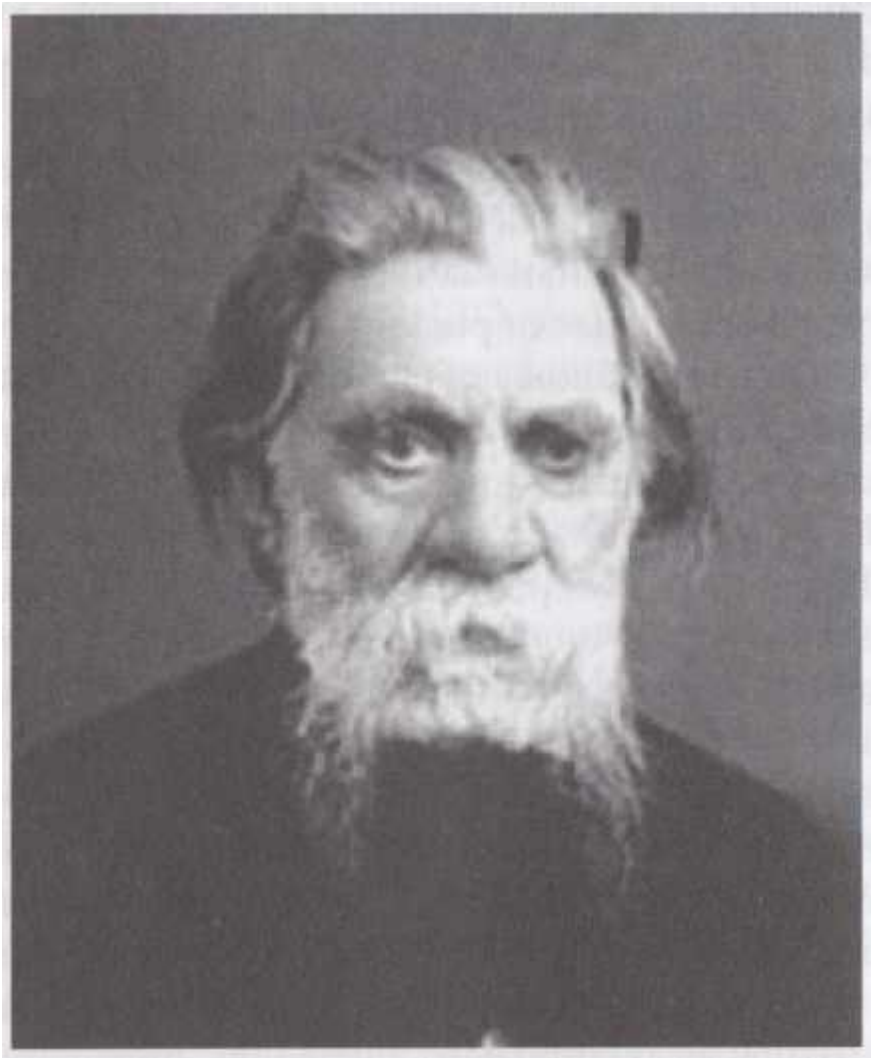
Степан Писахов

Мой путь из школы «в город» пролегал по Поморской улице. Мудрено было не встретить хоть раз в день живущего на Поморской Степана Григорьевича Писахова — достопримечательность города. Повторю известное, выглядел он стариком маленького роста с крупной головой, казавшейся такой из-за копны длинных серых волос, усов, бороды и лохматых бровей. Только мне он не казался добрым. Стучал палкой, бормотал что-то себе под нос. Была чрезвычайно удивлена, когда узнала, что такой имидж он придумал себе сам смолоду. Все, наоборот, стараются выглядеть моложе, чем есть на самом деле. И придал он себе такой вид не без умысла. В одном из его опубликованных писем[78] можно прочесть: «Мой вид столетнего

чаще помогает при встрече с приезжими. Местные знают. По сей причине не знаю очередей и затруднений при шествии по городу». Трудно представить его молодым и крепким, купающимся в ледяной воде на Новой Земле.

Жил он в двухэтажном деревянном доме Поморская, 27, приметным только тем, что он в нём жил. Теперь мы знаем, что до революции этот дом принадлежал его семье. В этом доме Писахов родился в 1879 году и умер в 1960-м, прожив 80 лет. Дом после национализации стал коммунальным. Степану Григорьевичу с сестрой Серафимой оставили одну большую комнату на первом этаже во весь перед дома. Я однажды в ней побывала. Зашла вместе с матерью, шедшей к нему по издательским делам. Они прошли к окну в правый угол, где у него стоял письменный стол, и разговаривали, а я осталась у двери и разглядывала комнату. По стенам было развешено множество картин, окна, кроме одного у письменного стола, были завешены довольно плотными занавесками, и комната была полутёмной, хотя зашли мы днём.

Была у нас дома подаренная Писаховым матери большая щепная птица счастья. Это она висела у нас под абажуром лампы над общим столом, а её кружевные прорези на хвосте и крыльях давали посредине стола красивую тень.



Степан Григорьевич Писахов

Мне Писахов был известен прежде как сказочник, а потом уже как художник. Знакомство с его сказками произошло по двум первым книгам, изданным архангельским книжным издательством. У первой[79] была очень красивая обложка, выполненная силуэтистом Николаем Фурсеем, но не было картинок к сказкам. Вторая была проиллюстрирована московским художником С. Расторгуевым. Мне чрезвычайно понравились и сказки, и рисунки к ним. Читала и перечитывала. Расторгуева Писахов выбрал не только за то, «что посватался первым», а за « удачные по мысли рисунки»[80].

В нашем семейном собрании одиннадцать вариантов переиздания сказок Писахова. Меняется качество бумаги,

качество печати, книги оформляют другие художники: Ю. Данилов, В. Вежливцев, Е.А. Шукаев, С. Сюхин, М. Фёдоров, А. Флоренский, Д. Трубин. Среди них ослепительной красочности книга, подготовленная Северо- Западным книжным издательством и отпечатанная на Калининском полиграфкомбинате. Другая, очень яркая книга, издана Ленинградским издательством «Детская литература». Но мне по-прежнему милее те первые книги. В них больше подлинной северной речи. Редакторы последующих изданий старались заменить многие местные словечки и их особое северное произношение на литературные. Например, «шти» на «щи», «радия» на «радио», «морожены» на «мороженые» и даже «версту» на километр. Да и рисунки Расторгуева мне кажутся самыми точными.

Издание сказок и продажа картин, если их заказывали или покупали музеи, приносили эпизодический заработок, поэтому, оказывается, на жизнь Степан Григорьевич зарабатывал преподаванием рисования и черчения в школе. О том, что он был хорошим педагогом, говорят отзывы о его работе заведующего учебной частью Вологодского строительного техникума М.Б. Чудинова, ревизовавшего работу 3-й школы[81]: «Я восхищаюсь тем, какие творческие, глубокие мысли вкладываются в детский рисунок. В них отражается современность, действительность. Рисунки рассказывают о политических событиях».

А вот что писал о Писахове директор 3-й школы[82]: «Не жалея ни времени, ни сил Степан Григорьевич работал с учащимися. Через кружок ИЗО школы прошло очень много таких ребят, которые не поддавались воспитанию, а потом они делались лучшими ударниками, самыми близкими друзьями школы».

Писахов отзывался о ребятах словами: «Талантливые ребята были в 3 школе, хорошие, милые[83]».

С гордостью пишет он о своих учениках, ставших профессиональными художниками[84]: «Меня радуют мои ученики… Юрий Данилов после десятилетки пошёл в академию (имеется в виду Ленинградская академия художеств). Ему сказали — не было случая, чтобы после гимназии или десятилетки без пятилетней подготовки попадали в Академию. Юрий был принят. Игорь Васильев работает в студии Грекова. Георгий Мосеев из Ленинграда написал: «Вы сделали меня большим художником»

С августа 1949 года Писахов на пенсии и подрабатывает уроками рисования в школе для умственно отсталых детей по 3 часа в неделю. Не нашлось более достойного применения его знаниям.

Похоронен Степан Писахов на городском кладбище на

Смольном Буяне. «Почти сразу после входа — поворот направо, и мы у памятной плиты», — пишет журналист Евгений Салтыков[85]. Надгробие могилы — скромная, но достойная плита из чёрного карельского гранита. На ней портрет нашего земляка с кистью в руке и надпись: «Степан Григорьевич Писахов (1878-1960). Старейший сказочник и художник Севера».

Александр Яшин

Да, в нашей квартире на Новгородском появлялись писатели, художники, артисты. Мать и отец были связаны с ними общими работами и в результате — многолетней дружбой. Целая полка книг с дарственными надписями и ворох писем разных лет — наследие, перешедшее ко мне.

Родители не уединялись с пришедшим гостем, а все мы, включая детей, собирались за столом у самовара, где и велись задушевные беседы. Мы, дети, помалкивали и слушали.

Разговоры взрослых между собой имели для нас образовательное и воспитательное значение. Может быть, далеко не всё мы понимали и далеко не всё для нас, маленьких, было занятным, но с каждым годом мы росли и находили в них всё больше интересного. Разговоры редко касались домашних дел, а были о литературе, о новых спектаклях в нашем драмтеатре и театрах Москвы и Ленинграда, откуда были приезжие гости и где бывали в командировке наши родители. Прежде всего, мы усваивали, что старшие думают и разговаривают о серьёзных и «умных» вещах, и это увеличивало их престиж в наших глазах. Может быть, с этого началась наше уважение к родителям, которое не поколебалось и за всю жизнь, когда мы уже стали взрослыми. Мы слышали с детства имена архангельских писателей, музыкантов, художников, врачей и когда их встречали, то имели представление, кто они такие.

Александр Яковлевич Яшин

Мать и отец творчески и увлёченно относились к своей работе, такими же были и их гости, и мы усваивали, что должно быть у тебя такое дело, которым ты будешь заниматься с увлечением и ответственностью всю жизнь. В разговоры мы не «влезали», а лишь отвечали на вопросы, когда к нам обращались. Все непонятное можно было выяснить у родителей после. Разговоры взрослых не только давали многое в смысле прямого воздействия, но и приучали к критическому отношению к делам и людям, формировали собственную точку зрения.

В один такой вечер в нашем доме побывал Александр Яковлевич Яшин. Разговоры были долгими. Сначала о работе, потом о житье-бытье. Он рассказывал свежие анекдоты, много смеялись, и вдруг обратил внимание на меня с только что вымытыми, распущенными длинными волосами и сказал: «Какая у вас цыганочка!» У него в руках были чётки из шлифованного янтаря, которые он время от времени перебирал. Бабушка сказала: «А подарите их ей!». Он снял с руки и подарил. По размеру они как раз подошли мне на шею как бусы. На одной бусине была прорезана полосочка как пометка начала. Я носила их не снимая много лет, пока они не стали мне малы, и вернула семье Яшиных по просьбе жены Златы Константиновны, уже после его смерти, как дорогую для них память.

Яшин предлагал матери останавливаться у них, когда она приезжала в Москву, поскольку с гостиницами во все времена в Москве была проблема. И она останавливалась, а когда это потребовалось мне, она созвонилась и дала мне адрес в Лаврушинском переулке. Так я познакомилась с семьей Александра Яковлевича: женой Златой Константиновной и детьми Сашей, Наташей, Златой и Мишей. Помню, на другой день после приезда давала телеграмму домой о благополучном прибытии и написала: «Доехала хорошо, остановилась у Яшиных». Стоящий за мной в очереди парень подглядел текст и спросил: «У вратаря?» Я ответила: «У поэта». Он сказал: «Ещё лучше».

Александр Яковлевич в ту пору показался мне похожим на портреты Максима Горького. Та же прическа, усы, трубка. Ему, видевшему живого Горького на съезде писателей в 1934 году, наверно нравилось подчёркивать это сходство. Такие яшинские портреты есть в нескольких газетных вырезках.

Приняли меня в доме Яшина по-семейному тепло. Отмечу только, что Александр Яковлевич в разговорах, вопросах и суждениях был очень прям и любил ставить точки над «i».

В моём собрании книг есть книги стихов и прозы Яшина, его дневники, написанные в годы войны, книги о нём, газетные вырезки, его письма, письма его жены к матери и ко мне.

Книги, изданные в архангельском издательстве, проходили через руки моей матери, и ничуть не удивляет посвящение на одной из них: «Целую Ваши золотые руки, Анна Ивановна. Вы эту книгу сделали. К Вам первое мое спасибо».

Памятник-надгробье Александру Яшину работы скульптора В.А. Михалёва на Бобришном угоре в селе Никольское Вологодской области

Александр Яковлевич знал, что мои родители рады его успехам, и посылал им с посвящениями сборники стихов,

выходивших в московских издательствах. Мать собирала вырезки из газет с его новыми стихами и о нём. Из писем Златы Константиновны она узнала о тяжёлой болезни Александра Яковлевича, а о смерти ей сообщил писатель Василий Белов. Мать сохранила эту телеграмму и вырезку из газеты со словами прощания.

В 1974 году Злата Константиновна с сыном Мишей приезжала в Архангельск, вероятно, с заботами о литературном наследии. Мы с ней ездили на машине в Боброво к их родственнице Анне Григорьевне Поповой.

Александр Морозов

Александр Антонович с женой Эрной Георгиевной Бородиной-Морозовой вновь приехал из Ленинграда в Архангельск осенью 1942 года и прожил здесь всю войну. Они были командированы по заданию Академии наук, Государственного Литературного музея, Союза советских писателей, Дома народного творчества и отдела искусств при Архангельском облисполкоме в Нижнюю Золотицу для сбора фольклорных материалов: сказов, былин и лексикографических материалов для словаря русского языка северных областей. Морозов, кроме того, работал над книгой о Ломоносове, собирал материалы в архангельских библиотеках и областном архиве.

Она была издана в 1952 году московским издательством[86], и автор её удостоился Сталинской премии. Уже взрослой я прочла эту тысячестраничную книгу и восхитилась величием Ломоносова, узнав подробности о его научных трудах, а не о бытовой стороне жизни, и умением Морозова привлечь и обобщить такую массу литературных источников для создания книги, его стремлением найти для неё что-то неизвестное собственными «архивными разысканиями».

Архангельским книжным издательством были изданы книги А.А. Морозова «Юность Ломоносова»[87] и «Родина Ломоносова»[88].

По публикации Бориса Пономарёва в «Правде Севера»[89] знаю, что Александр Антонович окончил филолого-этнографический факультет Московского университета, увлекался химией, физикой, естествознанием, с 1934 года — литературной работой. Проживая в Архангельске, он активно участвовал в культурной жизни города. Был участником областных совещаний по вопросам культуры, писал рецензии на

книги и концерты, вступительные статьи к книгам, выпускаемым Архангельским книжным издательством. Он регулярно печатал в газете «Правда Севера» заметки о новых издаваемых книгах, о сказительницах Севера и, конечно, о Ломоносове в разных сферах его деятельности.

Морозов бывал в Архангельске и раньше, поскольку ездил вместе с женой к сказительнице М.С. Крюковой в Золотицу в 1937 году, но я могу рассказать лишь о том, каким видела его в 40-50 годы. Оживлённый, разговорчивый, остроумный, жестикулирующий, любезный и уважительный. К нему в полной мере подходило определение «галантный мужчина». Он много знал и любил демонстрировать свои познания.

Мать была человеком умным, эрудированным, умеющим оценить остроту и ответить на неё, знающим издательское дело. Сотрудничество с Александром Антоновичем в процессе издания его книг было аналогично работе с другими авторами, но он, как оригинальная личность, делал это сотрудничество неординарным. Об этом берусь судить, прочитав теперь сохранившиеся у нее деловые письма.

Зная желание Александра Антоновича пространно поговорить на посторонние темы, она сразу поставила условие: в письме, прежде всего, должно быть деловое зерно. Об этом он сам упоминает в одном из писем.

Нередко это «деловое зерно» в своём письме он выражает иносказательно:

«меня продолжает беспокоить судьба злополучной бабушки. Когда она разродится? Ей, конечно, трудно по старости-то лет. Если не поздно, то, мне кажется, было бы не вредно поставить под вступительной статьёй более раннюю дату». Речь идёт о книге сказительницы М.С. Крюковой «О богатырях старопрежних и нынешних», выход которой из печати затянулся.

Переписка, конечно, касается сути текущей работы: готовности рукописи к изданию, вёрстки, считывания гранок и внесения поправок, иллюстраций, оформления обложек, получения гонорара. При этом всё перемежается шутками и остроумными замечаниями, некоторые из которых хочется привести:

«воображаю, каковы тамошние писатели», — сказал один здешний. Я же про себя подумал, что он со своим воображением никуда не гож, мелко плавает, ибо Пунуха вообразить невозможно, да и Коничев хорош в своем жанре»

«на мои новые запросы о Вашем здоровье Коничев безмолвствует, Таисия Николаевна мне вовсе не ответила, а исключительно любезное письмо Николая Карповича меня

почему-то не пленило. Да в нём он о Вас ничего не написал, а восхищался докладом Коничева в Большом театре. Вероятно, искренне»

«Попрошу Вас также передать привет Т.Н.Трескиной и сказать, что у меня выскочил ячмень почти такой же красивый, как был у неё. Вероятно, это своеобразное проявление памяти»

«В Ленинграде в день приезда я сразу пошёл в Публичную библиотеку и стал читать разные книги. Везде встречаю знакомых женщин, которые были в меня влюблены, которые ещё в меня влюблены и которые будут в меня влюблены. Последняя категория самая многочисленная. Так что духом падать не приходится»

Александр Антонович дурачится, каждый раз по-новому обращаясь к матери в начале письма: «Многоязвительная Анна Ивановна» (вместо многоуважаемая), или «великолепная, многомудрая, несравненная и очаровательная Кобра Ивановна» и т.п.

Александр Антонович бывал у нас на Новгородском вместе с Эрной Георгиевной, женщиной воспитанной, тихой и немногословной, но чаще один. Он, продолжая беседу, начатую в издательстве, провожал мать до дома, оставался ужинать и иногда даже играл с нами, ребятами, в «типографский набор». Так мы называли игру, когда выбирается очень длинное слово и из букв, входящих в его состав, придумываются новые слова. Побеждает тот, у кого придумано больше слов, не встречающихся у других игроков. Александр Антонович всегда отмечал придуманное нами «интеллигентное» слово типа «ростр» или «демарш» и говорил: «А я не догадался», хотя сложных слов находил немало. Побеждала в игре чаще всего мать.

В первом письме из Ленинграда после возвращения в ноябре 1945 года он ищет простого человеческого сочувствия из-за неустроенности бытия: «Мне так недостает Вашей лукавой иронии и милого умения комментировать мелочи нашей иллюзорной жизни. Здесь дождь. Комната моя закопчена со времён блокады. Стекло кто-то выбил рогаткой» «А в ресторане кормят не очень утешительно ни для язвенника, ни для простого смертного», но, чтобы скрасить картину, добавляет, что был на открытии Эрмитажа и в особой золотой кладовой.

После возвращения из Архангельска в Ленинград связь его с книжным издательством не обрывается. Он пишет: «Сообщаю, для сведения издательства, что отъезд мой в Ленинград отнюдь не прервал моих работ, а наоборот, способствует их выполнению»

Теплыми словами он вспоминает в одном письме наш дом: «Что касается меня, то я прекрасно помню деревянный дом на

Новгородском проспекте, тёплую печку, большой стол и ироничную хозяйку со всем её окружением и даже злословьем». В другом пишет: — «С удовольствием вспоминаю Ваш мирный кров и гостеприимство»

Полны признательности слова о сотрудничестве: «работать рядом с Вами мне было всегда приятно и поучительно. Я заметно обогащал свой редакционный опыт и издательские навыки» Или ещё в письме: «Когда речь заходит об Архангельске,... я неизменно вспоминаю Вас, Вашу наблюдательность, Ваши знания и понимание людей, ситуаций и положение вещей, Вашу добрую иронию и благожелательность. Мы встречались с Вами в интересные сложные годы, и я многим Вам непосредственно обязан»

Александр Антонович неоднократно подавал матери идею написать мемуары: «Вы могли бы написать превосходные, живые и интереснейшие воспоминания обо всем виденном...», но она, обременённая работой и домашними заботами, не нашла для этого времени.

Константин Коничев

Мать рассказывала мне, что познакомилась с Константином Ивановичем в 1931 году, когда только приехала в Архангельск. Их сотрудничество на литературной почве началось, когда он на фронте начал писать книгу «На холодном фронте»[90], а мать уже работала в областном книжном издательстве. Сохранились три его письма из воинской части п/п № 82643 «Д». В первом от 1.01.45. он писал: — «Все дни отдаю повести. Пишу упорно. А как закончу, если так пойдёт, месяца через 3-4 приеду перепечатывать»... Во втором письме от 17.08.45 года он сообщает: «Приветствую на сей раз очень и очень издалека... Жду демобилизации, тем и живу. Как поживает моя рукопись?» Значит, уже закончил книгу и переслал рукопись в издательство. В третьем от 3.11.45. — просит организовать пересылку ему рукописи со всеми замечаниями и выводами Н.Н. Ткаченко, которая была её техническим редактором. Книга была выпущена издательством в конце 1947 года.

Писем и открыток от Константина Ивановича много. В них прежде всего заботы о своих издаваемых книгах: как идет вёрстка, считка корректуры, оформление книги, получение сигнального экземпляра и положенных автору изданных книг, адресов рассылки на реализацию, рецензий в прессе.

Константин Иванович Коничев сентябрь 1950 год. Архангельск

В руках матери была верстка книги, контроль за печатью в типографии, организация художественного оформления.

Отсюда такие деловые открытки: «Анна Ив.! Привет. Уверен в твоих и Семёновых силах, что Шубина[91] оформите предостойно!...»

Коничев имеет в виду художника С. Григорьева

Или другая: «Скажи Семёну (ты у него в чести), чтобы он оформление к очеркам колхоза[92] сделал умное, простое, строгое и быстрое, т.е. чтоб всё впритирку и к месту»

«Поклон, Анна Ив.!

Жду с нетерпением «В местах отдалённых» 10 экз авт + 30 за счет гонорара»[93].

Но в письмах он не только решает технические вопросы, но делится семейными заботами, обсуждает планы на будущее, присылает приветы со съезда писателей, из путешествий в Грецию, Египет, Китай, Чехословакию.

О себе Константин Иванович написал в книге «Из жизни взятое»[94]: «у меня в авторской практике такой порядок: сначала предварительно изучаю материал и влюбляюсь в своего героя — затем пишу. Так заведено». По письмам можно судить, с каким увлечением он относился к этому делу. Он пишет: «Как много интересного в Верещагинских материалах! Упоён его встречами и знакомствами. Характер добр, но иногда дураковат. Знал Миклуху, дружил со Скобелевым и Макаровым. Был при смерти Тургенева и все его письма порвал. Поругался из-за Л. Толстого со Стасовым. Уйма перипетий! Какая у него полосатая жизнь! Прочел более 1000 писем его жёнам. Я жил бы так же...»

Константин Иванович Коничев с Михаилом Александровичем Дудиным

Пишет матери об экскурсии в Эрмитаж с А.А. Морозовым на выставку картин французских импрессионистов: «Я слушал его пояснения, восторги и не возражал, а молчал, мычал, т. е. не задавал недоуменные вопросы, хотя Гогены и Сезанны мне непонятны». Что касается моего знакомства с Коничевым, то я встречала его в издательстве, видела у нас в доме и побывала у него дома в Ленинграде на Дворцовой набережной. Однажды мать поручила мне привезти попутно из Ленинграда от него клише рисунков к какой-то из книг. Он привёз тяжёлый сверток на вокзал к поезду, а мне не удалось вовремя поймать такси, и я прибежала на перрон за 5 минут до отправления поезда. В письме матери он написал: «Твоя Татьяна выглядит на пять с гаком», — а в разговоре по телефону сознался ей, что так переволновался, что хотелось задать мне трёпку.

В 1971 году мать получила несколько писем от жены Коничева Антонины Михайловны с сообщением о его тяжёлой болезни, а потом и некролог из газеты «Литературная Россия».

Георгий Орлов

Георгий Андреевич — заслуженный деятель науки РСФСР, член Международного, Всероссийского и Всесоюзного хирургических обществ, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общей хирургии Архангельского мединститута. Под его руководством выросли 5 докторов наук и 30 кандидатов. Он автор шести монографий и 150 научных работ. В основе всего этого отличный хирург и увлечённый своей работой человек. В годы войны он был главным хирургом эвакогоспиталей Архангельска, выполнил несколько тысяч операций по спасению жизней и восстановлению здоровья раненых воинов.

У меня в руках письмо к моей матери одного из них — моряка, художника Александра Александровича Меркулова, который пишет: «имею возможность писать своей правой рукой это письмо, помня всегда добром, теплом, некогда своего друга, ныне высокое медицинское светило, хирурга и чудодея Орлова Георгия Андреевича»

Другой известный мне человек, бесконечно благодарный Орлову — Александр Антонович Морозов. Он в письме к моей матери вспоминает «славных хирургов, возвративших его на сей

свет» — Г.А. Орлова, С. Добровольского и С.И. Недзвецкого».

Не знаю, где мать познакомилась с Георгием Андреевичем. Скорее всего, в редакции издательства. Медики писали диссертации, статьи в научные журналы, брошюры и рекомендации — всё это требовало литературной правки и приводило к редакторам издательства.

В сентябре 1951 года в ОГИзе вышла книга Орлова «Чинга — воспаление суставов пальцев у зверобоев. Меры профилактики и способы лечения»

Георгий Андреевич Орлов

У матери было много знакомых среди ведущих медиков Архангельска, но Георгий Андреевич долгие годы, до самой смерти, был нашим семейным врачом. Мать спрашивала у него совета во всех случаях, когда требовалась быстрая первая помощь.

Он лечил нарывы на наших ребячьих животах, шеях, головах. Он зашивал глубокие порезы и «чистил» сильно загноившиеся раны на наших пальцах. Я бывала у него на приеме в поликлинике Облздравотдела, размещавшейся в деревянном оштукатуренном здании за Домом Советов, и в кабинете в больнице водников. Осмотр он всегда начинал со слов, что «мамка наверняка всё преувеличивает», но убеждался, что помощь действительно необходима.

Мать относилась к работе Орлова с большим уважением и интересом и даже однажды с его разрешения присутствовала на проводимой им операции. Правда, вспоминаю случай, когда при перестановке шкафов в издательстве она сильно занозила палец. Крупная заноза ушла очень глубоко под ноготь, и чтобы её захватить за кончик, надо было срезать чуть ли не полногтя. Георгий Андреевич проводил её домой на Новгородский, уговаривая позволить ему вырезать занозу, но она сделала всё сама.

Позже, когда заболевшей матери потребовалось обследование и лечение у ленинградских специалистов, а внучке Кате у московских, он организовал это через своих друзей.

Знаком мне сын Георгия Андреевича — Андрей. Отец был для него эталоном, к которому он стремился. Андрей и внешне был похож на отца и относительно будущей профессии сомнений у него не было. Только хирургом и, конечно, таким же, как отец. Он стал хирургом, но очень рано ушёл из жизни, вскоре за отцом.

Я с матерью была на панихиде в день похорон Георгия Андреевича. Подошла Надежда Ивановна Батыгина и начала рассказывать, каким он был в последние дни, это трудно было слушать.

В моей памяти — он уверенный в себе, энергичный, подсмеивающийся, увлечённый своей работой красивый человек.

ЭПИЛОГ

Вот и весь мой рассказ о жизни нашей семьи и Архангельска в пору моего детства, но жизнь продолжалась.

Отец проработал художественным руководителем филармонии до выхода на пенсию в 1969 году. Но и на пенсии он весь был в работе. Достаточно вспомнить такие крупные его работы как музыка к спектаклям Большого драмтеатра «Птицы нашей молодости» (1973), «Пелагея и Алька» (1974), музыкальное оформление к 20 спектаклям кукольного театра. Умер отец в декабре 1981 года.

В 2004 году общественность города отметила 100- летний юбилей со дня его рождения. Ему была посвящена выставка в библиотеке имени Добролюбова, в актовом зале библиотеки состоялся музыкальный вечер. Инструментальные произведения отца прозвучали в исполнении студенток музыкального училища. Собрались знавшие его и работавшие с ним люди. И опять звучала музыка, написанная им.

Новый дом Новгородский 98 (на фотографии он слева) стоит на месте нашего дома, «Новгородский 100» в глубине между домами видна школа № 22

Наш дом был справа. Стоящие ещё деревянные дома были видны из окон квартиры Костыговых

Мать проработала в редакции «Лесного журнала» до 89-го года. Её 60-летие было отмечено в областной газете заметкой «40 лет в печати», так же, как когда-то отца — «40 лет в музыке». Мать ценили не только как специалиста, но как человека, которому были присущи образованность, эрудиция, принципиальность, трудолюбие и доброта к людям. Несмотря на большую загруженность работой и семейными заботами, она всегда оставалась очаровательной женщиной.

Отец и мать прожили в любви и согласии дольше золотой свадьбы. Разлучила их только смерть. Он похоронен в Соломбале, она — на на Старом Маймаксанском.

Родители увлеченно работали, общались с интересными людьми и оставили свой след в истории Архангельска. Память об отце увековечена в книге Г.С. Щурова о музыкальном Архангельске[95]. Память о матери — в юбилейном издании книги об Архангельском техническом университете[96].

Ни я, ни брат не продолжили дел отца и матери, не стали ни музыкантами, ни книгоиздателями.

Пётр перепробовал себя во многих специальностях. Учился в АЛТИ, но не окончил. Работал в КБ, музыкальной студии звукозаписи пароходства, подготавливающей передачи для моряков загранплавания, оперуполномоченным в милиции,

настройщиком пианино, фотографом, шофёром междугородного пассажирского автобуса. Умер Пётр в 1997 году и похоронен рядом с матерью.

Я окончила АЛТИ, получив специальность инженера по механической обработке древесины. Это позволило найти свою дорогу в жизни. Сначала набиралась опыта на деревообрабатывающем комбинате в Череповце, потом стала научным сотрудником ЦНИИМОДа — работала в лаборатории деревообработки и склеивания. Получив второе высшее образование и специальность патентоведа, до пенсии занималась правовой защитой изобретений. Научно-исследовательский институт — это тоже мир увлёченных людей, интересная творческая работа, не менее интересная, я думаю, чем работа музыканта или специалиста издательского дела.

Дома Новгородский, 100 давно нет, но есть место, где он стоял, — маленькая отметина небольшого фрагмента живой истории нашего замечательного города.

notes

Примечания

1

Щеголихина, З. По булыжным мостовым // Архангельск..-.2004..- 11 сент.

2

Пономаренко, Л. Архангельская губерния начала XIX века // Правда Севера,-1979.-8 дек.

3

Барашков, Ю.А. Индустрия такелажа//Воскресение,- 1995.-5 сент.

4

Архангельская область в период восстановления народного хозяйства. 1921-1925 г.г.Сборник документов. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. — С. 158,159,179.

5

Реклама ассортимента изделий выпускаемых трикотажной ф-кой.// Правда Севера,- 1938. — 5 авг.

6

ГААО. Ф. 1936. Он. 9. Т. 1. Д. 1460.

Щеголихина, З. По булыжным мостовым // Архангельск..-.2004..- 31 июля.

Писарев, Д.И. Сообщение Октябрьского райкомхоза и коммунального отдела Арх.горсовета // Правда Севера. — 1938. — 17 июля. Архангельская область в годы Великой отечественной войны, 1941-45.

9

Архангельская область в годы Великой отечественной войны, 1941-45. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975..- С..51

Попов, Г.П. Старый Архангельск. — Архангельск, 2003. — 575с.

11

Обеспечение дровами населения города. // Правда Севера. — 1939. — 12 февр.

Заготовка дров. // Правда Севера. — 1941. — 16 сент.

13

Город должен быть обеспечен топливом. // Правда Севера. — 1941. -21 окт.

14

Ред. заметка об оснащении ассенизационного обоза. // Правда Севера. 1932. — 12 апр.

15

Бражнин, И.Я. Недавние были. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1972.-С 19.

16

Васнецов, В. А. Под звездным флагом Персея. Л.: Гидрометеоиздат, 1974. — С. 29.

17

О бывшем рынке на Поморской. // Правда Севера. — 1935. — 27 марта

Медведюк, К.Е. Интерклуб. Строительство началось // Архангельск. -1974.-6 июля

19

Барашков, Ю.А. Архангельск меняет лицо // Архангельск. — 1965. -5 янв.

20

Новый специализированный обувной магазин. // Правда Севера. 1934. — 1 августа

21

Реклама магазина «Динамо» // Правда Севера. — 1936. — 15 июля.

22

Арка у парашютной вышки. // Правда Севера. — 1934. — 27 дек.

23

Парашютная вышка у «Красной Кузницы» // Правда Севера. — 1935. — 16 окт.

24

Барашков Ю.А. Соболевский трактир. // Архангельск. — 2001. — 13 марта.

25

Дармодехин, В. В пионерском лагере Обкома союза рабочих леса и сплава // Правда Севера. — 1944. — 29 авг.

Впервое в союзе! // Правда Севера. — 1937. — 22 мая.

27

Где строить Дом пионеров? // Правда Севера. — 1937. — 8 июня.

28

Попов Г. До выпадения первого снега // АТК. — 1995. — 22 июля

29

Вертячих А. Вдоль по Северной Двине.// Волна. — 1965. — 10 нояб.

30

Барашков Ю.А. Ностальгия по деревянному городу. — М.: Крипто-Лотос. 1992.-С. 115

31

Кинотеатр Крайисполкома // Правда Севера. — 1934. — 4 марта.

32

К годовщине октября в Архангельске будет построен новый театр // Правда Севера. — 1931.-9 февр.

33

Вопрос о месте театра не решён // Правда Севера. — 1931. — 12 февр.

34

Театр решено строить на Октябрьской площади // Правда Севера. — 1931. — 25 февр.

Архангельск в октябрьские дни // Правда Севера. — 1931. — 10 ноября.

Ивич, Л. К гастролям оперетты в Архангельске // Правда Севера. — 1932. — 10 авг.

Ланской. В. День в театре// Правда Севера. — 1935. — 2 апреля.

Ивич, Л. Егор Булычёв // Правда Севера. — 1933. — 17 янв.

39

Ивич, Л. Девушки нашей страны // Правда Севера. — 1933. — 11 февр.

Беляков, С. Прекрасное начало // Правда Севера. — 1934. — 8 окт.

41

Беляков, С. Слуга двух господ // Правда Севера. — 1934. — 20 окт.

Саянский, К. В театре // Правда Севера. — 1941. — 26 янв.

43

Пономарёв, Б. Полководец Суворов. Премьера // Правда Севера. -1941. — 19 февр.

44

Успех постановок Архангельского театра в Москве // Правда Севера. — 1937. — 29 июня.

Угаров, Ю. Направил ротный... в режиссёры // Архангельск. — 1995. — 11 окт.

Кремнев, К Далёкое // Правда Севера. — 1935. — 16 нояб.

Кремнев, К. Собака на сене // Правда Севера. — 1936. — 10 февр.

Попов, Н.Д. Волнующий спектакль. // Правда Севера. — 1936. -28 сент.

Нечаев, Ал. Беспокойная старость. // Правда Севера. — 1937. — 14 нояб.

Костров, Л. Павлин Виноградов // Правда Севера. — 1940. — 3 марта.

51

Котов К., Солодовников Н. Спектакль большой силы // Правда Севера. — 1940. — 8 марта.

52

Валентинов Д. Взаимная любовь // Правда Севера. — 1941. — 5 янв.

53

Пономарёв Б. Полководец Суворов // Правда Севера. — 1941. -19 февр.

54

Сообщение жюри областной выставки северных художников // Правда Севера. — 1941. — 20 янв.

55

Рецензия на спектакль Маскарад // Правда Севера. — 1934. — 31 дек.

Шибаев, К. Бешеные деньги // Правда Севера. — 1935. — 16 окт.

Нечаев, А. Любовь Яровая // Правда Севера. — 1937. — 6 окт.

Зритель. Падь серебряная // Правда Севера. — 1939. — 4 апреля.

59

Беседа с режиссёром Андреевым, А.В. // Правда Севера. — 1940. — 12 марта.

Котов, К. Солодовников, Н. Вынужденная посадка // Правда Севера. — 1940. — 18 марта.

Артюхов, П. Фландрия // Правда Севера. — 1940. — 1 нояб.

Рубинштейн, И. Взаимная любовь // Правда Севера. — 1940. — 28 дек.

63

Ред. заметка о спектакле Белое море // Правда Севера. — 1944. -6 нояб.

Людин, И. Собака на сене // Правда Севера. — 1947. — 6 апр.

Лиханова, В. Когда же оживится музыкальная жизнь в Архангельске // Правда Севера. — 1948. — 31 марта.

Никитин, Н. Два капитана // Правда Севера. — 1949,- 26 февр.

Усов, Л. Хижина дяди Тома // Правда Севера. — 1949. — 30 дек.

Карнаухова, И. Ерусевич, Л. Аленький цветочек // Правда Севера. — 1952. — 18 янв.

69

Почетные грамоты работникам искусств // Правда Севера. — 1946. — 12 июня.

Рехачев, М. В. Холмогорская резьба по кости. — Архангельск: ОГИЗ, 1949.-91с.

71

Ирха,Е. Нет его дома и могилы, но есть картины // Правда Севера.

Архангельск украшается // Правда Севера. — 1934. — 3 нояб.

73

Над чем работают северные художники // Правда Севера. — 1935. -14 сент.

74

Открылась выставка картин северных художников // Правда Севера.

75

Северный зал на Всесоюзной выставке // Правда Севера. — 1937. — 3 апр.

Сокольников, М. Художники Архангельска на выставке в Москве // Правда Севера. — 1940. — 10 мая.

Мусиков, В. На творческом подъеме // Правда Севера. — 1950. -12 марта.

Писахов, С. Г. Сказки. Очерки. Письма. — Архангельск: Сев. — Зап. кн. изд — во, 1985. — С341.

Писахов, С. Г. Сказки. Очерки. Письма. — Архангельск: Сев. — Зап. кн. изд — во, 1985. — С 305.

Писахов, С. Г.Сказки Писахова. Кн 2,- Архангельск: ОГИЗ, 1940. -148с.

81

Юбилей Писахова, С. Г. // Правда Севера. — 1934. — 14 нояб.

Зубакин, Б. М. Художник Севера. 35- летие художественной деятельности // Правда Севера. — 1934. — 30 мая.

83

Писахов, С. Г. Сказки. Очерки. Письма. — Архангельск: Сев. — Зап. кн. изд — во, 1985. — С327.

Писахов, С. Г. Сказки. Очерки. Письма. — Архангельск: Сев. — Зап. кн. изд — во, 1985. — С344.

Салтыков, Е. Земной поклон //Архангельск. — 2000. — 24 июня.

Морозов, А. А. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711 — 1765. — М.: Молодая гвардия, 1950. — 960с.

Морозов, А. А. Юность Ломоносова. — Архангельск: Сев. — Зап. кн. изд — во, 1975. — 507с.

Морозов, А. А. Родина Ломоносова. — Архангельск: Сев. — Зап. кн. изд — во, 1975. — 477с.

89

Понаморев, Б.А. А. Морозов — лауреат Сталинской премии // Правда Севера. — 1952. — 22 марта.

Коничев, К. И. На холодном фронте. — Архангельск: ОГИЗ, 1947. -127с.

Коничев, К. И. Земляк Ломоносова. — Архангельск: Облгиз, 1950.

Коничев, К. И. Новая жизнь. — Архангельск: Кн. изд — во, 1956. — 152с.

Коничев, К. И. В местах отдаленных. — Архангельск: Кн. изд — во, 1954.

Коничев, К. И. Из жизни взятое. — Архангельск: Сев. — Зап. кн. изд — во, 1964. — 234с.

Щуров, Г. С. Архангельск - город музыкальный. Т.3 - Архангельск: Белая горница, 1997. - 626 с.

Архангельский государственный технический университет (1929 - 1999)/ под ред. Т. А. Гурьева. Архангельск: изд - во АГТУ, 1999. -С107.

Ивич, Л. Егор Булычёв // Правда Севера. — 1933. — 17 янв.